

Ирландский теософ

Джордж Уильям Рассел

AE in the Irish Theosophist

George William Russell

Электронная книга проекта Гутенберга «AE in the Irish Theosophist»

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: АЕ в "Ирландском теософе"

Автор: Джордж Уильям Рассел

Дата выхода: 1 мая 2004 г. [Электронная книга № 5772]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Титры: Транскрипция М.Р.Дж.

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" В ЖУРНАЛЕ "ИРЛАНДСКИЙ ТЕОСОФ"

Транскрипция М.Р.Дж .

АЕ В "Ирландском теософе"

— Автор "АЕ" (Джордж Уильям Рассел)

Содержание:

1—Слово о предметах Теософского общества 2—Сумеречный час 3—Маска Аполлона 4—Секрет могущества 5—Лесная жрица 6—Трагедия в Храме 7—Джаграта, Свапна и Сушупти 8—Концентрация 9—Стих А.Е. из "Ирландского теософа" (39 стихов) 10—Язык стихий 11—На заре Кали—Юги 12—Медитация Парвати 13—Беседа у Евфрата 14—Пещера Лилит 15—Странный сон. Пробуждение 16—"Полуночный цветок" 17—История звезды 18—Как теософия влияет на взгляд человека на жизнь 19—Комфорт 20—Восходящий цикл 21—Мистические ночные развлечения 22—Под влиянием момента 23—Легенды Древнего Эйра 24—Рецензия на стихи Фицпатрика 25—"Да, и надежда" 26—Содержание 27—Очарование Кухуллена 28—Тень и субстанция 29—О кончине У.К. Джаджа 30—Уверенность в себе 31—Горы 32—Труды и дни 33—Детство Аполлона 34—Пробуждение Огней 35—Наши тайные связи 36—Священник или Герой? 37—Возраст духа 38—Мысль на пути 39—Фонтаны молодости

Несколько слов о целях Теософского общества

1—е: Сформировать ядро Всеобщего Братства человечества без различия расы, вероисповедания, пола, касты или цвета кожи.

2-е: - Содействовать изучению арийской и других восточных литератур, религий, философии и наук и демонстрировать важность этого изучения.

3-й: Исследовать необъяснимые законы природы и психические силы, скрытые в человеке.

Возникшее чуть менее четверти века назад, в эпоху, остывшую от неверия и омертвевшую из-за необъяснимых догм, Теософское общество нашло достаточно многочисленных приверженцев, чтобы сделать его широко известным, и достаточно энтузиастов, чтобы придать ему импульс и превратить в живую силу. Провозглашение его тройных целей — братства, мудрости и силы — прозвучало как трубный зов, и многие вышли, чтобы присоединиться к нему, выйдя из других конфликтов; и из молчания и уединения вышли многие, кто потерял надежду, но у кого все еще были старые чувства в сердце.

В отношении первой цели никаких объяснений не требуется; но пара слов комментария ко второй и третьей могут помочь показать, как они не ослабляют, направляя в другие русла интеллектуальную энергию и волю, которые могли бы послужить для выполнения первой. В этих древних философиях Востока мы находим стимул к братским действиям, который, возможно, и не нужен в идеальном государстве, но который является помощью для многих, кто, родившись в мире с унаследованной холодностью сердца, все еще желает выполнять свой долг. Теперь наш долг меняется в соответствии с нашей концепцией природы, и на Востоке людьми, которых мы считаем мудрейшими и великими на земле, была выдвинута благородная философия, наука о самой жизни, и это не как гипотеза, а как несомненная истина, истина, которая была подтверждена глазами, видящими глубже, чем наши, и провозглашена голосами тех, кто стал той истиной, о которой они говорят; ибо, как Кришна учит Арджуну в "Даянишвари": "на этом Пути, куда бы человек ни пошел, этим местом становится его "я"!" Последнее слово этой мудрости - единство. Под всеми явлениями и переживающий все изменения великий принцип сохраняется вечно. На великом белом рассвете существования из этого принципа вытекают дух и изначальная материя; по мере того, как они утекают все дальше от своего божественного источника, они распадаются, единая жизнь - на бесчисленные жизни, материя - на бесчисленные формы, которые хранят эти жизни; дух вовлекается в материю, и материя эволюционирует под действием этого наполняющего огня.

Эти жизни проходят через множество циклов приливов и отливов, в разлуке и печали, иногда с радостью от мимолетной встречи. Только признав это единство, которое является их духовным достоянием, они могут обрести свободу.

Опыт человечества показывает, что преданность любой жизни универсальным целям придает этой жизни странное неуловимое богатство и силу; своим настроением мы связываем себя с Вечным; отсюда эти исторические высказывания, заявления о постоянстве и духовном состоянии сознания, которые были основой всех великих религиозных движений. Христос говорит: "Я и мой Отец - одно". "Прежде чем был Авраам, Я есмь". Павел говорит: "В Нем мы живем, движемся и существуем".

В священных книгах Индии многие мудрецы утверждают, что они признали "древнее постоянное и вечное, которое не погибает от умерщвления тела", и сегодня нет недостатка в людях, которые говорят о подобном расширении своего сознания, о переходе от грубого и материального к более нежным, мудрым и прекрасным состояниям мысли и бытия. Теннисон в знаменитом письме, опубликованном некоторое время назад, упомянул, что он в разное время испытывал подобное настроение; мысль о смерти была смехотворной; это была не мысль, а состояние; "яснейшее из яснейших, вернейшее из вернейших". Это было бы легко сделать при множении экземпляров.

Теперь, в природе, где единство лежит в основе всех различий, где душа связана с душой больше, чем звезда со звездой; где, если кто-то дрогнет или потерпит неудачу, порядок всего остального изменится; долг любого человека, осознающего это единство, ясен, призыв к братским действиям императивен, эгоизм не может больше носить маску мудрости, ибо изоляция - это безумие и отгораживает нас от вечных истин.

Третья цель общества, определяемая как "изучение психических сил, скрытых в человеке", преследуется только частью членов; теми, кто желает более ясно понять действие определенных законов природы и кто желает более полно посвятить себя той жизни, в которой они живут, движутся и имеют свое бытие; и внешним выражением оккультной жизни также является братство.

—15 ноября 1892 г.

Час сумерек

На будущее мы предполагаем, что в этот час Мистик будет чувствовать себя как дома, менее метафизичным и научным, чем обычно, но более настоящим самим собой. В этот час, перед тем как внести лампы, принято немного расслабиться и помечтать, позволяя всем нежным фантазиям, подавляемым днем, пробудиться в наших умах. Где бы вы ни провели это время, будь то в темной комнате или возвращаясь домой синим вечером, все вокруг странно смягчается и объединяется; магия старого мира проявляется вновь. Обычные улицы приобретают что-то от величия и торжественности залитых звездным светом аллей египетских храмов, общественные площади в смешанном сиянии и полумраке становятся прекрасными, как индийская роща, где Сакунтала бродила со своими девами; дети гоняются друг за другом в темных кустарниках, пробегая мимо, они смотрят на нас долгими запоминающимися взглядами: убаюканные тишиной, мы ненадолго забываем о жестких гранях материального и вспоминаем, что мы духи.

Сейчас самое время вспомнить, вспомнить и более надежно воплотить в жизнь все случайные и прекрасные идеи, которые посетили нас в течение дня и которые в противном случае могли бы быть забыты. Мы должны перенести их из области ощущаемых вещей в область понятых; в фокус, пылающий красотой и чистый истиной, мы должны связать их, ибо из собранных таким образом мыслей нечто переходит в сознание; на следующий день в нашем существе произошло неосознанное, но реальное изменение, мы видим красоту и истину во всем.

Подобным же образом в Дэвачане, между тьмой земли и светом духовного самосознания, Учитель в каждом из нас вбирает в себя редчайшие и лучшие переживания, любовь, самозабвение, устремление и выделяет из них тонкую сущность мудрости, так что тот, кто борется с болью за своих собратьев, когда он снова пробуждается на земле, наделен традицией того, что мы называем самопожертвованием, но что на самом деле является провозглашением нашей собственной универсальной природы. Есть еще более обширные соответствия, ибо так же нам говорят, что когда семь миров удаляются, великий спокойный Пастырь Веков собирает свои туманные орды вместе в мерцающих сумерках вечности, и когда они заключены в ужасном Загоне, лучи, долго разделявшиеся, соединяются в одно, и жизнь, и радость, и красота исчезают, чтобы появиться снова после невыразимого отдыха утром Нового Дня.

Итак, если цель мистика состоит в том, чтобы слить воедино все настроения, разделенные временем, не сделает ли ежедневный сбор мудрости ненужным долгие годы Дэвачана? Второй

урожай невозможно собрать с полей, где снопы уже убраны. Таким образом, пренебрегая плодами деятельности, мы могли бы работать подобно тем, кто принес Великую Жертву, для кого даже Нирвана не является местом отдыха. Миры могут пробуждаться в туманном величии, проходить через свои фазы самосознательного существования и снова погружаться в сон, но эти неутомимые работники продолжают свою вековую задачу помощи. Их мотивы нам неизвестны, но в какой-то тайной глубине нашего существа мы чувствуем, что не могло быть ничего благороднее, и, думая об этом, мы посвятили сумеречный час пониманию их природы.

—15 февраля 1893 г.

Есть сны, которые могут быть историей или аллегорией. В них нет ничего гротескного, ничего, что могло бы испортить ощущение подлинности, ощущение реального события, произошедшего во сне. Воспринимаемые лица и фигуры имеют светлый оттенок и выражение, которые кажутся вполне подходящими для мира чудес, в котором видит внутренний взор человека; и все же историю можно читать как притчу о духовной истине, как какой-нибудь миф из древнего священного писания. Давным-давно мне снились майские подобные сны, и, недавно изучив подобные вещи, я почувствовал интерес вспомнить наиболее любопытные и запоминающиеся из этих ранних видений.

Туманная промежуточная область между бодрствованием и бессознательностью была пристанищем многих странных фигур, возможно, отражений той истинной жизни, которую бессмертный человек вел во сне. Среди этих фигур две вызвали самые странные чувства интереса. Одним из них был старик с длинными седыми волосами и бородой, чьи серо-голубые глаза имели выражение тайной и непостижимой мудрости; я почувствовал инстинктивное благоговение перед этой фигурой, столь выражающей духовное благородство, и она стала ассоциироваться в моем сознании со всеми устремлениями и мистическими мыслями. Другой фигурой была молодая девушка. Эти двое появлялись снова и снова в моих видениях; старик всегда был инструктором, девушка - компаньонкой. Я здесь описал одно из таких приключений, оставляя читателю судить, является ли оно чисто символическим, или же связанные с ним инциденты действительно имели место и были осознаны с опозданием силой внутреннего Мастера.

С девушкой в качестве моей спутницы я покинул внутреннюю долину и направился к морю. Когда мы добрались туда, был вечер, и прилив был далеко. Пески мерцали на многие мили по обе стороны от нас; мы вышли наружу в тусклых цветных сумерках, я молчал; странный экстаз медленно овладевал мной, как будто капля за каплей внутрь капала невыразимая жизнь; лихорадка становилась все сильнее, затем невыносимой, поскольку передавалась телу; с диким криком я начал кружиться, кружась все больше и больше во все усиливающемся бреде; В воздухе витала какая-то тайна; Меня призвали силы невидимой природы, и я упал в обморок. Я снова поднялся, внезапно вспомнив, но мое тело лежало на песке; со странным безразличием я увидел, что начался прилив, и девочка не смогла убрать бесчувственное тело за пределы его досягаемости; я увидел, как она села рядом и положила голову ребенка себе на колени; она сидела там и спокойно ждала, в то время как вокруг нее мало-помалу волна индийского моря начала расходиться, а над головой мягко загорались ранние звезды.

После этого я полностью забыл о ребенке и опасностях, связанных с водой, я начал осознавать присутствие нового мира. Повсюду вокруг меня текли течения, в волнах которых танцевали бесчисленные жизни; прозрачные формы скользили вокруг, повсюду был виден туманный

блеск; лица, как у людей во сне, мерцали передо мной, или бессознательно их формы проплывали мимо, и время от времени чье-нибудь лицо строго смотрело на меня вопросительным взглядом. Мне не суждено было долго оставаться в этом туманном краю, я снова почувствовал внутренний импульс, и внутренне я перенесся в сферу более всепроникающей красоты и света; и здесь с большим величием и ясностью, чем я наблюдал раньше, был старик моей мечты.

Я думал о нем как о старике, но лицо его было наполнено неопишуемой юностью с ее древней красотой, и тогда я понял, что это не возраст и не юность, это была вечность. Спокойный свет мысли играл на четких, как у статуи, чертах, и внутреннее сияние сквозило в розовом цвете его лица и серебристых волосах.

Поблизости были и другие люди, но я не имел четкого представления о них.

Он сказал: "Вы, кто жил и странствовал по нашим собственным своеобразным долинам, оглянитесь теперь назад и познайте алхимию мысли". Он коснулся меня рукой, и я осознал силу этих странных существ. Я чувствовал, как они терпеливо ждали, как они работали и желали в тишине; от них, как от источника, исходил покой; к ним, как к звездам, бессознательно поднимались стремления людей, немая животная жажда, усики цветов. Я видел, как в долине, где я жил, где ничто не препятствовало их присутствию, в роскоши проявилась вся тусклая и скрытая красота, более редкая и чистая атмосфера напоминала о лучезарной жизни людей в золотой заре земли.

С более широким зрением я увидел, насколько далекими от раздоров они утомили волнения народов; я увидел, как, слыша далеко изнутри голоса, духовные, отдаленные, которые звали, могущественные князья земли сошли со своих тронов, став более великими, чем князья; под этим безмолвным влиянием ужасные вожди распахнули двери своих темниц, чтобы сами могли стать свободными, и все они присоединились к тому гимну, который тишина земли заставляет звучать в ушах богов. — Подавленный, я обернулся, глаза света были устремлены на меня.

- Теперь ты понимаешь?

"Я не понимаю", - ответил я. Я вижу, что свет, красота и сила, проникающие во тьму мира, исходят из этих высоких областей; но я не знаю, как проникает свет, как рождается красота, я не знаю секрета силы".

"Ты должна стать такой же, как мы", - ответил он.

Я склонила голову, пока она не коснулась его груди; Я чувствовала, что из меня вытягивают жизнь, но прежде чем сознание полностью покинуло меня и было поглощено той большей жизнью, я узнала кое-что о тайне их существования; Я жила в умах людей, но их мысли не были моими мыслями; я висела, как корона, над всем, и все же возраст был не ближе детства к моему скипетру, и печаль была далеко, когда она оплакивала мой уход, и очень далека была радость, когда она просыпалась при моем свете; и все же я была приманкой, которая вела их вперед; я была у истоков конец всех путей, и я также был в сладком голосе, который звал "вернись"; и я узнал, насколько духовная жизнь едина во всех вещах, когда бесконечные перспективы и еще большие глубины приняли меня, и я погрузился в ту тьму, из которой никакое воспоминание никогда не сможет вернуться.

— 15 марта 1893 г.

Маска Аполлона

Во мне зарождается традиция тихих, беззаботных лет, задолго до того, как полубоги и герои трудились над созданием Греции, задолго до строительства храмов и сверкающих дворцов в дни ее славы. Местность была пасторальной, над всеми ее лесами висела тишина, как перед рассветом, и непробужденная красота глубоко дышала покоем. Тут и там маленькие деревушки пускали вверх дым, и по ним бродили мечтательные люди; они росли, немного трудились на своих полях, пасли своих овец и коз, они женились, и седая старость настигла их, но они никогда не переставали быть детьми. Они поклонялись богам с помощью древних обрядов в маленьких деревянных храмах и знали много вещей, которые были забыты в последующие годы.

Рядом с одним из этих святилищ жил священник, старик, чья простая и благоговейная натура делала его любимым всеми окружающими. Однажды летним вечером к нему, сидящему перед своей хижинкой, пришел незнакомец, которого он пригласил разделить с ним трапезу. Незнакомец сел и начал рассказывать ему много чудесных вещей, историй о волшебстве солнца и о ярких существах, которые двигались у врат дня. Старый священник задремал под теплым солнечным светом и заснул. Тогда незнакомец, который был Аполлоном, встал и в облике старого жреца вошел в маленький храм, и люди входили к нему один за другим.

Агафон, земледелец. "Отец, когда я склоняюсь над полями или подвязываю виноградные лозы, я иногда вспоминаю, как ты сказал, что богам можно поклоняться, совершая все это как жертвоприношение. Как же так получается, отец, что обливание корней прохладной водой или выращивание ветвей может питать Зевса? Как может жертва предстать перед его престолом, если она не вознесена в огне и испарениях".

Аполлон. "Агатон, всемогущий отец живет не только в эфире. Он незримо бежит среди солнца и звезд, и когда они кружатся все вокруг и вокруг, они превращаются в леса, цветы и ручьи, и ветры отмахиваются от них, как листья от роз. Великий, странный и яркий, он пребывает внутри себя, и в конце времен его свет воссияет, и люди увидят его, движущегося в мире пламени.

Затем, когда вы склоняетесь над своими полями, подумайте о том, что вы выращиваете и что растет на них. Знайте, что каждый цветок, поникший в тишине леса, чувствует внутри и вдалеке приближение невыразимой жизни и радуется, они отражают эту жизнь, даже когда маленькие озерца впитывают свет звезд. Агатон, Агатон, Зевс в эфире не более велик, чем в травяном листе, и гимны людей для него не слаще, чем немного воды, вылитой на один из его цветков".

Земледелец Агафон отошел и нежно склонился над своими плодами и виноградными лозами, и он полюбил каждую из них больше, чем прежде, и он стал мудрее во многих вещах, наблюдая за ними, и он был счастлив, работая для богов.

Тогда заговорил пастух Дамон: "Отец, пока пасутся стада, во мне пробуждаются мечты; они заставляют сердце болеть от тоски; леса исчезают, я больше не слышу блеяния ягнят или шелеста шерсти; голоса из тысячи глубин зовут меня, они шепчут, они умоляют меня, тени, более прекрасные, чем дети земли, исполняют музыку, но не для меня, хотя я теряю сознание, слушая. Отец, почему я слышу то, чего не слышат другие, голоса, взывающие к неизвестным охотникам на широких полях или к пастухам, пастухам звездных стад"?

Аполлон ответил: "Дамон, песня украдала тишину, когда богов еще не было, и прошла тысяча веков, прежде чем они пришли, вызванные музыкой, и тысячу веков они слушали, затем присоединились к песне; затем миры начали призрачно мерцать вокруг них, а яркие существа склоняться перед ними. Они, их дети, в свою очередь начали петь песню, которая вызывает и пробуждает жизнь. Тот - повелитель всего сущего, кто научился их музыке. Деймон, обращай внимание не на тени, а на голоса, у голосов есть послание к тебе из того, что за пределами богов. Выучите их песню и пойте ее людям снова и снова, пока их сердца тоже не заболят тоской и они не смогут услышать эту песню внутри себя. О, сын мой, я вижу издали, как народы присоединятся к нему, как к хору, и, услышав это, несущиеся планеты замедлят свою скорость и станут непоколебимыми; люди будут владычествовать над звездами". Лик бога сиял сквозь лицо старика и был полон благоговения, настолько оно было полно тайны. Пастух Дамон покинул его, и в его сердце зажегся странный огонь. Затем двое влюбленных, Дион и Неэра, вошли и встали перед Аполлоном.

Дион сказал: "Отец, ты, такой мудрый, можешь рассказать нам, что такое любовь, чтобы мы никогда не упустили ее. Старый Титоний кивает нам своей седой головой, когда мы проходим мимо; он говорит: "Только у неизменных богов любовь долговечна, у людей время любви коротко, и ее сладость скоро заканчивается".

Добавила Неэра. "Но это неправда, отец, потому что его сонные глаза загораются, когда он вспоминает старые времена, когда он был счастлив и горд в любви, как мы".

Аполлон. "Дети мои, я расскажу вам легенду о том, как любовь пришла в мир и как она может сохраниться. Именно на высоком Олимпе боги держали совет при сотворении человека; каждый принес свой дар, они дали человеку что-то от своей собственной природы. Афродита, прекраснейшая и сладчайшая, остановилась и собиралась придать его персоне новое изящество, но Эрос воскликнул: "Пусть они не будут такими прекрасными снаружи, пусть они будут еще прекраснее внутри. Вложи в это свою собственную душу, о мать". Могущественная мать улыбнулась, и так оно и было; и теперь, когда любовь подобна ее любви, которая не требует возврата, но сияет всем, потому что так должно быть, в этой любви обитает Афродита, и она становится бессмертной в ее присутствии".

Затем Дион и Неэра вышли, и, направляясь домой через лес, пурпурные и дымчатые в вечернем свете, они сблизились; и Дион, заглянув в ее глаза, увидел там новый блеск, фиолетовый, волшебный, сияющий, это было присутствие Афродиты, это было ее святилище.

Тогда пришли к Аполлону двое внуков старого Титония и воскликнули: "Посмотри, какие цветы мы тебе принесли, мы собрали их для тебя в долине, где они растут лучше всего". Тогда Аполлон сказал: "Какую мудрость мы должны дать детям, чтобы они помнили? Наша самая прекрасная для них!" Когда он стоял и смотрел на них, маска возраста и таинственности исчезла, он стоял перед ними, сияющий светом; они радостно смеялись над его красотой; он наклонился и поцеловал каждого из них в лоб, а затем растворился в свете, который был его домом. Когда солнце опустилось за голубые холмы, старый священник проснулся со вздохом и воскликнул: "О, если бы мы могли говорить мудро, как во сне".

— 15 апреля 1893 г.

Секрет власти

Я хочу рассказать вам эту историю не только потому, что она экстраординарна. Я думаю, что простая странность, гротеск или необычный характер не являются достаточными причинами для обнародования инцидентов, в которых присутствует элемент сверхчеловечества. Мир, несмотря на свое желание понять природу оккультизма, устал от историй о видениях, которые не выдают никакого духовного характера или не раскрывают никакого духовного закона, и отказывается слушать их. Описанный здесь инцидент запечатлелся в моем сознании и жизни не из-за его драматической интенсивности или личного характера, но потому что это было раскрытие секрета силы, секрета, который одинаково известен как мудрым в добре, так и мудрым во зле.

Мой друг Феликс был странно встревожен; не только его материальные дела были неустроены, но он также переживал кризис в своей духовной жизни. Перед ним были открыты два пути; по одну сторону лежала ослепительная тайна страсти; по другую "узкая старая тропинка" таила в себе свои тайные и духовные соблазны. У меня была надежда, что он выберет последнее, и я был очень заинтересован в его решении. Я придал происходящей в его сознании борьбе универсальное значение, увидев в ней символ борьбы между "светом и тьмой, которые являются вечными путями мира". Однажды поздно вечером он пришел. При тусклом свете я сразу увидел, что в его поведении было что-то странное. Я обратился к нему с вопросом; он ответил мне резким сухим голосом, совершенно не похожим на его обычную манеру. "О, я больше не собираюсь утруждать себя, я позволю событиям идти своим чередом". Казалось, это была единственная идея в его голове, единственное, что он ясно понимал, - это то, что все должно было идти своим чередом; он не мог уловить значение какой-либо другой идеи или ее относительную важность. Он ответил "Да, действительно", всем своим видом демонстрируя интерес и рвение к какому-то тривиальному замечанию о погоде, и был совершенно равнодушен к другому и самому важному вопросу, который должен был бы его глубоко заинтересовать. Вскоре я увидел, что произошло; его разум, в котором силы, столь равномерно сбалансированные, так напряженно боролись, совершенно истощился и больше не мог работать. Вспышка старой интуиции наконец озарила его — неразумно было с такой горечью бороться за жизнь, — поэтому он сказал мне в память об этой интуиции: "Я собираюсь позволить событиям идти своим чередом". Решать должен был более крупный трибунал; он обратился к Цезарю. Я отправил его наверх, в его комнату, и попытался унять лихорадку с помощью магнетизма - с некоторым успехом. Он заснул, и так как я сам был довольно утомлен, то вскоре после этого лег спать.

Это было ночное видение. Оно, несомненно, было в комнате, где я лежал, и на моей кровати, и все же пространство открывалось со всех сторон бледным, чистым светом. Мой взгляд привлекла легкая колеблющаяся фигура, фигура, которая раскачивалась назад и вперед; я был поражен ее крайней беспомощностью, но я понял, что это была ее собственная воля или какое-то качество ее природы, определившее это трепещущее движение к полюсам, между которыми она раскачивалась. Что это были за слова? Я стал тих, как ночь, и больше ни о чем не думал.

Две ужасные в своей силе фигуры противостояли друг другу; хрупкое существо, колеблющееся между ними, могло бы, протянув руки, коснуться их обоих. Только оно колебалось, потому что они были молчаливы, решительны и сплочены в борьбе воли; они не пошевелили ни рукой, ни ногой; была только тихая дрожь время от времени, как от сильного усилия, но они не сделали никакого другого движения. Их головы были слегка наклонены вперед, руки сложены на груди, тела прямые, напряженные и слегка отклоненные назад друг от друга, как две спицы гигантского

колеса. Кем они были, эти фигуры? Я не знал, и все же, глядя на них, мысль, которой не нужно было облекать себя в слова, безмолвно читала их значение. Это были кульминации человеческого, возвышающиеся образы добра и зла, к которым может стремиться человек. Я посмотрел в лицо адепта зла. Его яркие красно-карие глаза горели странным сиянием силы; я почувствовал, как при взгляде на него во мне поднимается ответное чувство гордости, личного опьянения, душевного богатства. Его лицо было архетипичным; абстрактная страсть, которая ускользала от меня в чертах многих людей, которых я знал, была здесь заявлена, ликующая, вызывающая, гигантская; кажется, она прыгает, как огонь, чтобы быть свободной. В этом лице я был близок к легендарному прошлому, к безнадежным мирам, где люди становились мучениками от рук каменных королей, где молитва была безнадежна, где не было жалости. Я заметил сходство со многими великими Разрушителями в истории, чьи черты сохранились, - Наполеоном, Рамзесом и сотней других, названных и безымянных, длинной чередой тех, кто был коронован и увенчан скипетром за свою жестокость. Его сила заключалась в человеческой слабости, я видел это, ибо пространство и сердца людей были обнажены передо мной. Из космоса к нему струился наполовину невидимый красный поток; он питал эту богатую лучезарную энергию страсти; он исходил от людей, когда они шли и размышляли в одиночестве, или когда они ворочались во сне. Я отвел взгляд от этого лица, которое пробудило во мне зловещий чувственный аккомпанемент, и перевел его на другое. Вокруг этой фигуры была аура бледно-нежно-голубого цвета, сквозь которую просвечивал подземный свет, как из вселенского золота. Видение уже потускнело и удалялось, но я мельком увидел лицо, богоподобное в своем спокойствии, ужасное в красоте жизни, которую мы знаем только в мечтах, с силой, которая является концом подвига героя, которая принадлежит душе, много раз подвергавшейся мучениям; и все же недалеко, не в прошлом была его сила, это была мощь жизни, которая существует вечно. Я понимал, как легко было бы для этого человека положить конец конфликту, одержать материальную победу своей силой, но это не затронуло бы и не продвинуло бы его духовные цели. Только его реальное существо имело силу привлекать то реальное существо, которое было окутано колеблющейся фигурой. Эту истину знал и адепт тьмы, и поэтому он усилил в себе чувство гордости и страстной личности. Поэтому они не пошевелили ни рукой, ни ногой, пока под влиянием их присутствия достигали кульминации добро и зло в жизни, которые взывали к высшему суду для принятия решения. Затем эта фигура, колеблющаяся между ними, двинулась вперед и коснулась рукой Сына Света. Внезапно сцена и актеры исчезли, и глаз, видевший их, закрылся, я остался наедине с темнотой и ураганом мыслей.

Странные и могущественные фигуры! Я знал твой секрет силы, это только предстоит, природа, оживленная твоим присутствием, вскакивает в ответ. Я не меньше знал о свободе этой человеческой души, ибо твоя сила лишь раскрыла ее непроявленную природу, она лишь ускорила переживание. Я знал, что, хотя боги и космические силы могут вечно воевать из-за нас, только мы одни объявляем их победителями или побежденными.

В остальном видение той ночи было пророческим, и ноги моего друга теперь ступили на тот путь, который был самым сокровенным побуждением его души.

— 15 мая 1893 г.

Лесная жрица

Вот легенда, которую мне прошептали, о стране или времени я не могу сказать, возможно, это было во времена древней Атлантиды. Там были обширные леса, и ими правила молодая жрица; она председательствовала на праздниках и приносила жертвы на алтаре за людей, ходатайствуя перед духами огня, воды, воздуха и земли, чтобы урожай не сгорел и не залило наводнениями, а город не затопило штормами и чтобы на него не обрушилась беда, которую иногда вызывали духи стихий. Это владычество над лесом было ее наследием от отца, который был могущественным волшебником до нее. В дни ее юности вокруг витали фейри; она знала их, как другие дети знают цветы, не испытывая к ним ни страха, ни удивления. Она видела и более глубокие вещи; маленьким ребенком, завернувшись в свою медвежью шкуру, она с благоговением наблюдала, как ее отец совершает мистические обряды; когда вокруг него собирались воздушные легионы из густонаселенных стихий, духи, которыми он управлял, и духи, перед которыми он преклонялся: мимолетные туманные существа, белые, как пена, выходящие из великой пучины и улетающие прочь по взмаху его руки; и еще реже великие сыны огня, яркие и прозрачные, как стекло, которые, хотя и казались близкими, все же были далеко, и были неподвижны и стремительны, как фигуры, отражающиеся в кристалле. Итак, девочка росла, полная загадок; ее мысли не были мыслями окружающих ее людей, а их привязанности - ее привязанностями. Казалось, что эльфийские предметы или существа, созданные мыслью мага, оттесненные его сильной волей и отпадающие от него, войдя в ребенка, стали частью ее, связывая ее с элементарными существами, которые живут в звездной душе, которая сияет внутри земли. Ее отец рассказал ей все, о чем она просила, но он умер, когда она была еще молода, и она не знала его цели, что такое человек или каково его предназначение; но она знала пути каждого разряда духов, которые бродят, облаченные в форму, как одних следует бояться, а других любить; Благодаря этому знанию она стала жрицей святилища и обрела власть красоты и юности, мудрости и таинственности над людьми, живущими в лесах.

Это был вечер осеннего праздника, открытое травянистое пространство перед алтарем было заполнено фигурами: охотники с головами, украшенными перьями; пастухи, те, кто трудится в полях, старики и убеленные сединами собрались вокруг.

Молодая жрица встала перед ними; она была бледна после бдения, и солнечный свет, пробивающийся сквозь туманный вечерний воздух, падал на ее раскачивающиеся руки и платье с причудливой вышивкой из павлиньих перьев; темные впадины ее глаз горели, и когда она говорила, к ней приходило вдохновение; ее голос поднимался и опускался, повелевая, предостерегая, нашептывая, умолая; ее странная богатая музыка наполняла лес и пронзала благоговением сердца тех, кто слушал. Она говорила о тайнах этой невидимой природы; о том, как за человеком наблюдают и окружают его полчища, которые воюют с ним, которые своим дыханием лишают его радости; она говорила о гномах, которые поднимаются на лесных тропинках, хватаясь влажными руками за свое земляное ложе.

- Ужасны, - сказала она, - элементаралы, живущие в скрытых водах: они правят грезящим сердцем; их проклятие - забывчивость; они убаюкивают человека смертельным покоем, сонными пальцами пытаются потушить огонь его жизни. Но больше всего страшитесь сил, которые движутся в воздухе; их природа — неутолимое желание; их предназначение — никогда не сбыться, никогда не обрести покой: они бродят туда-сюда, подобно ветрам, которые они направляют; они узурпируют власть над страстной и нежной душой, но любят они не так, как мы; там, где они обитают, сердце становится безумным, а ноги охвачены лихорадкой, и ночь не знает сна, а день не радуется в своей залитой солнцем чаше. Не слушайте их шепот; они

иссушают и сжигают тело своим огнем; красота, которую они предлагают, насквозь пронизана непреодолимой тоской". Она остановилась на мгновение; едва ужасное дыхание перестало будоражить их, как послышался другой голос, поющий; его нота была веселой и торжествующей, он рассеял чары страха, навеянные на людей,

"Я никогда не обращаю внимания на мусор или древесину
Крик фэй или волшебного существа,
Которые рассказывают о своем собственном одиночестве;
Над всеми ними моя душа - царь.

Королевская мантия, которую я ношу как король
Проходит по всем полям света;
Его молчаливый синий и серебряный носитель
Звездная пыль ночи - Как драгоценные камни.

Дыхание радости непрестанно
Колышется взад и вперед его лоно, освещенное звездами,
И далеко за пределами земных страданий
я живу и дышу радостью этого".

Жрица отошла от алтаря, ее глаза искали певца; дойдя до середины проема, она остановилась и молча ждала. Почти сразу же из толпы вышел молодой человек с маленькой лирой в руках и встал перед ней; он казался не старше жрицы; он стоял безучастно, хотя ее темные глаза вспыхнули при вторжении; он бесстрашно встретил ее взгляд; его глаза смотрели в ее глаза — так ведут битву все гордые души. Ее глаза были черными, почти с фиолетовым оттенком, глазами, которые заглядывали в темные закоулки природы; его глаза были бронзовыми с золотистым отливом, мистическое богатство жизненной силы, казалось, танцевало в их глубине; они ослепили молодую жрицу тайной радости; ее взгляд на мгновение опустился. Он обернулся и закричал: "Твоя жрица говорит лишь полуправду, ее глаза видели, но сердце не знает. Жизнь не ужасна, а полна радости. Послушай меня. Я проходил мимо, пока она говорила, и увидел, что страх лежит на каждом человеке, и вы дрожали, думая о своем пути домой, пугаясь, как кролики, невидимых вещей и забывая, как вы смеялись над смертью, встречаясь лицом к лицу с чудовищами, которые уничтожают леса. Разве ты не знаешь, что ты больше всех этих духов, перед которыми ты преклоняешься в страхе; твоя жизнь проистекает из более глубокого источника. Ответь мне, жрица, куда уходят духи огня, когда зима захватывает мир?

"Они идут к Королю Огня, они мечтают в его сердце". Она почти пропела, страсть ее речи еще не спала с нее. "И куда девается пламя людей, когда они впадают в отчаяние"? Она замолчала; затем он продолжил наполовину с презрением: "Твоя жрица - скорее жрица упырей и фейри, чем жрица людей; ее мудрость не для тебя; духи, населяющие стихии, враждебны, потому что видят, что ты полон страха; не бойся их, и их ненависть исчезнет. Великое сердце земли полно смеха; не отделяйте себя от его радости, ибо его душа - это ваша душа, а его радость - это ваше истинное существо".

Он повернулся и прошел сквозь толпу; жрица сделала движение, как будто хотела остановить его, затем гордо выпрямилась и воздержалась. Они снова услышали его голос, поющий, когда он уходил в темнеющий лес:

"Духи к королю огня слетаются толпой
Каждый зимой своего дня:
И все, кто слушает их песню
Следуйте за ними таким образом.

Они стремятся завладеть сердцем короля,
Они строят в его огненных залах,
Их мечты сверкают, как павлинье крыло,
Они светятся солнечными оттенками желания.

Я не следую путями фейри;
Я не прислушиваюсь к голосу фейри или эльфийки;
Зимой своих дней
я Покоюсь в высшем "я" предков".

Прерванные незнакомцем обряды продолжались недолго; жрица закончила свои предостерегающие слова; она не пыталась развеять впечатление, произведенное песней поэта, она только сказала: "Его мудрость может быть более истинной. Это прекраснее, чем знания, которые мы унаследовали".

Дни шли; осень сменилась зимой, снова пришла весна и лето, и времена года, которые приносили перемены на землю, приносили перемены и молодой жрице. Она больше не стремилась властвовать над племенами стихий, и ее власть над ними рухнула: песня поэта вечно звенела в ее ушах; его гордое утверждение о королевстве и радость от сияния более глубокой жизни преследовали ее, как истина; но такая жизнь казалась ей недостижимой, и глубокая печаль поселилась в ее сердце. Лесные жители часто видели, как она сидела вечером там, где солнечный свет падал на пруд, медленно колыхая его лазурью и аметистами, искрясь и переливаясь хрусталем и золотом, тая, словно призрачная Райская птица, улетающая прочь; ее темная головка была склонена в меланхолии, и вся великая красота вспыхнула и угасла незамеченной. Через некоторое время она встала и стала ходить, она чаще разговаривала с людьми, которые не осмеливались задавать ей вопросы, она стала более мягкой, как человек, они меньше боялись ее и больше любили; но она не прекращала своих страстных бдений, и ее походка дрогнула, а щеки побледнели, и ее нетерпеливый дух воспарил, когда алмазное сияние зимы разлилось над миром. Поэт снова приехал летом; они рассказали ему о переменах, которые не могли понять, но он постиг глубины этой дикой природы, и наполовину от радости, наполовину от горя он вырезал эпитафию на ее могиле рядом с алтарем:

Где находится жрица этого святилища,
И какому месту она поклоняется?
Лесной приют под сосной

Теперь он слышит, как она шепчет "никогда больше".

Ах, теперь она окутана собственной красотой
Ей снится сон, который никогда не прекратится;
Жрица, чтобы поклониться своей собственной душе
Принадлежит ей в вечном покое.

— 15 июля 1893 г.

Трагедия в Храме

Я часто с грустью думал о судьбе этого товарища. То, что столь пылкий и героический дух, столько рыцарства и великодушия постигла такая ужасная участь, часто заставляло меня задумываться, есть ли какая-то цель в нашем запутанном существовании; я ненавидел жизнь и богов, когда думал о них. Что привело его из тех великих пустынь, где прошла его юность, где его душа росла необъятной, зная только о двух переменах: сиянии дня и ночи, очищающей, синей, таинственной, упоенной звездным бытием? Разве этого было недостаточно для него? Мог ли огонь алтаря вдохновить больше? Мог ли он получить более глубокое посвящение в залах храма, чем в тех великих и уединенных местах, где Бог и человек остаются наедине? Это было моей работой; отдыхая в его палатке, когда я пересекал пустыню, я рассказал ему о той древней мудрости, которую жрецы внутреннего храма хранят и передают по наследству друг от друга; я раздул мистический огонь, который уже тлел в нем, и, преисполненный безграничных Божьих амбиций, он оставил свое племя и вступил в жречество неофитом в Храме Истара, под Ниневией.

Иногда мне приходилось ездить туда с посланиями от нашего верховного жреца, и со временем моя дружба с Асуром становилась все глубже. В тот последний вечер, когда я сидел с ним на террасе, покрывавшей храм, он был более молчаливым, чем я знал его прежде; обычно нам было о чем поговорить; потому что он рассказал мне все свои мечты, такие смутные титанические порывы, какие бывают у души в первые годы ее пробуждения, когда никакой опыт не мешает воспоминаниям о ее полете устремлений, и никакая мука не сделала ее мудрой. Но в тот вечер, как мне показалось, чего-то не хватало; странная лихорадочность, казалось, сменила холодную и твердую чистоту манер, которая была ему свойственна; в его глазах был странный блеск, порывистый и нетерпеливый; при свете звезд я видел, какими беспокойными были его пальцы, они переплетались, скручивались и дергались взад и вперед.

Мы долго сидели вместе этой насыщенной ночью; затем он придвинулся ближе ко мне и склонил голову к моему плечу; он начал бессвязно шептать дикую и страстную историю; душа этого человека подвергалась искушению.

"Брат, - сказал он, - меня преследует видение, дитя звезд, столь же прекрасное, как сам Истар; она посещает часы моих снов, она ослепляет меня странной грацией, она сбивает с толку невыразимой тоской. Я знаю, что когда-нибудь я должен буду пойти к ней, даже если погибну. Когда я вижу ее, я забываю обо всем остальном, и у меня больше нет воли сопротивляться. Необъятное и одинокое вдохновение пустыни уходит из моей мысли, она и драгоценный свет, в котором она живет, заслоняют его. Мысль о ней возбуждает меня, как огонь. Брат, помоги мне,

пока я не сошел с ума или не умер; она уводит меня с земли, и я закончу свои дни среди странных вещей, звездной судьбы среди звездных рас".

Тогда я не был мудр в этих вещах, я не знал ужасных опасностей, которые таятся на скрытых путях, по которым путешествует душа. "Это, - сказал я, - какое-то наваждение. Ты размышлял над фантазией, пока она не стала живой; ты наполнил свое творение своей собственной страстью, и она задерживается и искушает тебя; даже если бы это было реально, глупо думать об этом, мы должны закрыть наши сердца для страсти, если хотим достичь силы и мудрости Богов".

Он покачал головой, я не мог осознать или понять его. Возможно, если бы я знал все и мог предупредить его, это было бы напрасно; возможно, душа должна выработать свое собственное очищение на опыте и познать истину и мудрость через бытие. Он снова стал молчаливым и беспокойным. Я должен был попроситься с ним, так как должен был уехать завтра, но он присутствовал в моих мыслях, и я не мог заснуть из-за него; я чувствовал себя подавленным тяжестью какого-то рока, который вот-вот обрушится. Чтобы избавиться от этого чувства, я вознесся в преклонении перед Хеа; я попытался войти в свет этой Мудрости; внезапный предупреждающий укол в сердце отбросил меня назад; я инстинктивно подумал об Асуре, и, думая о нем, его образ вспыхнул во мне. Словно в трансе, он двигался по стеклянным волнам тех космических вод, которые повсюду текут и пронизывают миры и в которых наша земля - всего лишь подводный холм. Его голова была склонена, фигура расширилась до героического роста, как будто он воображал себя чем-то великим илидвигающимся к некоему высокому предназначению; и эта тень, которая была домом для его грезящей души, засияла страстными оттенками его мысли; какая-то сила, неподвластная ему, влекла его вперед. Я почувствовал лихорадку и жар этой внутренней сферы, подобно безумному дыханию, яростно дувшему вокруг меня; там было фосфоресцирование горячих и зловещих цветов. Фигура Асура двигалась навстречу свету, струящемуся из грота, я мог видеть в нем горящие гигантские цветы. На одном из них, как на троне, восседала фигура странной и удивительной красоты. Меня охватил невыносимый ужас, я подумал о расе Лилит, и в моей памяти всплыли некоторые давно забытые и трагические легенды об этих существах, чья душа - всего лишь единая и ужасная страсть; чья любовь, слишком яростная для более слабых жизней, приносит людям смерть или безумие. Я пыталась предупредить, пробудить его от чар; мой призыв разбудил его; он обернулся, узнал меня и заколебался; затем эта фигура, которая соблазнила его, поднялась во весь рост; Я увидела ее во всем павлиньем оперении, оно было испещрено золотыми, зелеными и лимонными красками, она подняла руки вверх, ее полупрозрачное пурпурное одеяние, усыпанное блеском драгоценных камней, ниспадало воздушными складками к ее ногам, как струйка над водопадом. Она повернула голову внезапным птичьим движением, ее странные глаза посмотрели в мои долгим змеиным взглядом; я увидел, как она взмахнула руками туда-сюда, и волны этого внутреннего океана начали темнеть и собираться вокруг меня, пронизывая меня лихорадочным движением. Я упал в обморок и больше ничего не помнил.

Меня разбудили перед рассветом, те, с кем мне предстояло пересечь пустыню, собирались в путь, и я больше не мог оставаться. Я поспешно написал Асуру послание, полное предупреждений и мольбы, и отправился в обратный путь, полный дурных предчувствий. Несколько месяцев спустя мне снова пришлось посетить храм; когда я прибыл, был вечер; после того, как я передал порученное мне послание, я попросил позвать Асура. Священник, к которому я обращался, не ответил мне. Он молча повел меня на террасу, с которой открывался

вид на безлюдную восточную пустыню. Луна белела на горизонте, мир дрожал от жары, крылатые быки вдоль стен тускло светились в знойном воздухе. Священник указал на дальний конец террасы. Фигура сидела, глядя на пустыню, его одежда была неподвижна, как будто ее складки были высечены из камня, его руки лежали на коленях, я подошел к нему; я позвал его по имени; он не пошевелился. Я подошла ближе и приблизила свое лицо к его лицу, оно было белым, как луна, в его глазах отражался только свет. Я отвернулась от него с болью в сердце.

— 15 сентября 1893 г.

Джаграта, Свапна и Сушупти

Хотя философские концепции древней Индии, касающиеся религии и космогонии, в какой-то степени знакомы и ценятся в этих странах, ее психология, тесно связанная с религией и метафизикой, сравнительно неизвестна. В Европе величайшие умы были заняты размышлениями о законах и аспектах физической природы, в то время как более духовные индусы были поглощены исследованиями природы самой жизни; благодаря постоянному устремлению, преданности, самоанализу и самоанализу они приобрели обширные знания о состояниях сознания, возможных для человека; они раскрыли анатомию ума и описали множество состояний, которые лежат между нормальным бодрствующим состоянием человека и конечным состоянием духовной свободы и единства с БРАХМОЙ, достижение которых было целью как религии, так и науки. Наиболее интересной среди их идей был анализ состояний сознания, в которые мы входим во время сна. Грубо говоря, их можно разделить на два, которые вместе с бодрствующим состоянием составляют трицу состояний, через которые проходит каждый человек, осознает он это или нет. Эти состояния известны как: -Джаграта, бодрствование; Свапна, сновидение; и Сушупти, глубокий сон. Английские эквиваленты этих слов не дают представления о состояниях. Проезжая мимо Джаграты, индийцы считали, что за пределами хаотической пограничной области мы вступаем в Свапну и Сушупти в реальные состояния бытия. Сушупти, высочайшее, считалось духовным состоянием; здесь душа соприкасается с более обширными центрами великой жизни и имеет общение с небесными разумными существами. Объединение этих состояний в одно является одним из результатов Радж-йоги; в этом состоянии чела сохраняет память о том, что произошло, пока его сознание находилось на планах Свапны и Сушупти. Я думаю, что вхождение в эти состояния не следует понимать как означающее, что разум покинул свою плотскую обитель в поисках такого опыта. Уход от физической формы для этого не более необходим, чем для ясновидения, но необходим перенос сознания в нас с одного плана на другой.

Теперь, когда мы создаем Карму в состояниях сновидений и глубокого сна, которая может либо помогать, либо препятствовать эволюции души, важно, чтобы мы предприняли шаги по содействию объединению этих состояний, чтобы знания и мудрость любого одного состояния могли быть использованы для совершенствования других. Наши мысли и действия в бодрствующем состоянии реагируют на сновидения и глубокий сон, а наши переживания в последнем влияют на нас в бодрствующем состоянии внушением и другими способами. Причина, по которой мы не помним, что происходит в Свапне и Сушупти, заключается в том, что астральная материя, которая обычно окружает мыслящий принцип, недостаточно тонка, чтобы во всей полноте регистрировать опыт любого человека на более духовных планах сознания. Чтобы повысить отзывчивость на более духовных планах сознания. Чтобы увеличить чувствительность этой тонкой материи, мы должны практиковать концентрацию и таким

образом повышать вибрации, или, другими словами, развивать или совершенствовать астральный принцип. Современная наука быстро приходит к выводу, что различия, воспринимаемые в окружающих нас предметах, - это не различия в веществе, а различия в вибрации одного вещества. Возьмите медную проволоку; пропустите по ней электрические токи, постепенно увеличивая их интенсивность, и проявятся явления звука, тепла и света, призматические цвета будут появляться один за другим. Точно так же за счет увеличения интенсивности выполнения каждого действия сознание постепенно переносится с низших планов на высшие. Для того чтобы указать на что-то или направить развивающиеся способности в их надлежащее русло, необходимо постоянное устремление. Возьмем какую-нибудь идею — например, духовное единство всех вещей, - нечто такое, что может быть реализовано только путем нашего полного погружения в духовную природу; пусть каждое действие совершается в свете этой идеи, пусть оно будет предметом благоговейного размышления. Если мы будем упорствовать в этом, мы постепенно начнем осознавать на высших планах, сила концентрации унесет ум за пределы бодрствования в Свапну и Сушупти. Период между отходом ко сну и пробуждением, ранее пустой, начнет озаряться яркими огнями сознания, или, когда мы будем ходить в течение дня, такое знание посетит нас. "Тот, кто достиг совершенства в преданности, обнаруживает, что духовное знание спонтанно возникает в нем самом", - говорит Кришна. Патанджали рекомендует останавливаться на знании, которое проявляется в снах; если мы задумаемся над любым подобным переживанием, многое, связанное с ним, откроется, и так постепенно вся темная область станет знакомой и привлекательной, и мы обретем знание нашей собственной природы, которое будет бесценным и которое невозможно приобрести иным способом.

—15 января 1893 г.

Концентрация

За пределами бодрствования, сновидений и глубокого сна находится Турья. Здесь происходит полное изменение условий; знание, которое раньше искали во внешнем мире, теперь присутствует в сознании; идеи вселенского разума проявляются в духовной интуиции. Вход в это состояние осуществляется через Джаграту, Свапну и Сушупти, и здесь реализуется то духовное единство, стремление к которому влечет душу ввысь через призрачные миры сновидений и глубокого сна. Я счел необходимым дополнить краткое заявление, сделанное в предыдущем номере, некоторыми дополнительными замечаниями о концентрации, поскольку термин, применяемый без ссылки на состояние Турья, может быть неправильно понят и может возникнуть ложное впечатление, что духовное - это нечто, что следует искать вне нас. Состояния бодрствования, сновидений и глубокого сна соответствуют объективным мирам, в то время как Турья субъективна, включая в себя все идеалы. Если это так, мы никогда не сможем искать истину за пределами самих себя; то, что, как мы предполагаем, мы когда-нибудь осознаем в духовном сознании, должно присутствовать в нем сейчас, ибо для духа все вещи присутствуют вечно. Продвижение к этому состоянию измеряется осознанием настроений: мы на пути, когда в самых сокровенных уголках нашего существа поднимается крик давно заточенных душ людей; тогда мы на пути к единству.

В "Бхагавад-гите", трактате по Радж-йоге, особое внимание уделяется трем аспектам концентрации. Освобождение достигается посредством действия, преданности, духовного различения; эти аспекты соответствуют соответственно трем качествам в человеке и природе,

известным как Тамас, Раджас и Сатва. Тамас - это грубое, материальное или темное качество; Раджас активен и страдательен; атрибуты Сатвы - это свет, покой, счастье, мудрость. Никто, находясь в теле, не может избежать действия трех качеств, ибо они вызваны природой, которая состоит из них. Мы должны признать это и продолжать действовать, стремиться и думать, безлично или с каким-то универсальным мотивом, так, как это делает природа. Ни один из этих методов не может быть отброшен в сторону или проигнорирован, ибо Дух пребывает во всем, это его работа, и мы должны научиться отождествлять себя с движущими силами природы.

Всегда имея в виду идею братства или единства, действием, которое мы можем интерпретировать как служение в каком—либо гуманитарном движении, мы очищаем Тамас.

Чистым побуждением, которым является Философский камень, могущественная сила в алхимии природы, мы превращаем грубое в тонкое, мы иницируем ту эволюцию, которая, наконец, превратит оболочку души в редкую, долгожданную, изначальную субстанцию. Преданность - это высшая возможность для Раджаса; то качество, которое когда-либо привлекалось и соблазнялось прекрасными майями славы, богатства и власти, должно быть направлено на то, к чему оно действительно стремится, на вечную вселенскую жизнь; каналы, по которым оно должно изливаться наружу, - это души других людей, оно достигает Единой Жизни через множество. Целью Сатвы должно быть духовное различие: "Нет ничего, будь то живое или неодушевленное, что существовало бы без меня", - говорит Кришна, и мы должны искать следы ЭТОГО во всех вещах, рассматривая это как причину алхимических изменений в Тамасе, как то, что расширяет изливающуюся любовь Раджаса. Благодаря постоянному развитию этой тонкой аналитической способности мы начинаем постепенно понимать, что те вещи, которые мы раньше считали причинами, на самом деле вовсе не являются причинами; что у всего есть только одна причина, "Атма, которой пронизана эта вселенная". Только по причине своей близости тело, органы, Манас и Буддхи применяются к своим надлежащим объектам так, как если бы их применял (кто-то другой)". (Главный драгоценный камень Мудрости). Объединяя эти тринастроения, действие, преданность и духовную проницательность, в одно настроение и поддерживая его постоянно горящим, мы в некоторой степени сопровождаем движения духа. Это гармоничное действие всех качеств нашей природы во имя универсальных целей без личного мотива находится в синхронной вибрации с тем высшим состоянием, о котором говорилось в начале статьи; поэтому мы едины с ним. "Когда мудрый человек осознает, что единственными движущими силами действия являются эти качества, и постигает то, что превосходит качества благодати, действия и безразличия, которые сосуществуют с телом, оно освобождается от перерождения и смерти, старости и боли и пьет воду бессмертия".

—15 февраля 1893 г.

Стих А.Е. из "Ирландского теософа"

Содержание:

1—"Пока желтые созвездия..." (без названия) 2—Ом 3—Кришна 4—Боль 5—Три советника 6—Сумерки 7—Рассвет 8—Желание 9—Глубокий сон 10—День 11—Поэту 12—Место отдыха 13—Утешение 14—Е.П.Б. (В память) 15—На краю Великой бездны 16—Тайна 17—Пыль 18—Магия 19—Бессмертие 20—Человек Ангелу 21—Одеяние Короля 22—Братство 23—В утробе матери 24—В саду Бога 25—Дыхание Света 26—Свободные 27—Волхвы 28—W.Q.J. (?) 29—Из Книги Орла 30—Протест любви 31—Посвящение в Короли 32—Мечта детей 33—Повелители Воздуха

34—Дворцы Сидхе 35—Голос Мудрых 36—Песнь рассвета 37—Фонтан призрачной красоты 38—
Новая Земля 39—Двойственность

Пока желтые созвездия сияют бледным и нежным великолепием,
В тишине, напоенной ароматом сирени, давайте послушаем историю Земли.
Все потоки, как порхающие мотыльки, переливаются насыщенными сумеречными оттенками,
Повсюду вокруг нас, кажется, ниоткуда не падает сладкая роса.
Сквозь дремотное затишье, шорох листьев и сонный гул
Мы чувствуем веселое биение сердца, слышим волшебное пение.
Ах, я думаю, что пока мы медлим, зажигая древний огонь Земли,
Прерывистые отблески в глине, которые гаснут, маленькие искорки, которые вскоре гаснут,
Так мать наполняется радостью от жизни за пределами ее собственной,
Из тьмы которой, как фонтан, бьют огненные дни.
Звездные миры, вращающиеся в великолепии, солнечные системы, истории,
Обширные и туманные традиции, рассказанные в вечности:
И наша умирающая мать нашептывает своим детям всю историю:
Придите, желтые созвездия засияют бледным светом. и нежная слава!

— 15 октября 1892 г.

Ом

Слабо росли желтые бутоны света
Далеко мерцающий за снегами,
Склоняющийся над призрачно-белым
Утро мерцало, как бледная первоцвет.

Внизу, в индийской долине,
ребенок с нежным сердцем произнес "Ом",
любящими глазами наблюдая за сиянием
В дневном свете угасает и уходит ночь.

Слово , которое Брахма произнес на заре своего существования
Выдыхается и заканчивается в его ночи;
Чья волна звуков так накатывает
Рождает шары золотого света;

И красота, мудрость, любовь и молодость,
Благодаря его чарам, собравшиеся растут
В вековом странствии к истине,
Через многие циклы приливов и отливов.

И здесь вся низшая жизнь замерла,
Ребенок был вознесен к Мудрости:

Странный восторг наполнил его дух,
И Брахма взглянул своими сияющими глазами.

—15 декабря 1892 г.

Кришна

Восток был увенчан снежно-холодным цветением
И увешанные вуалями из жемчужного руна;
Они растворились во мраке, в
Далях покоя и более глубокого покоя.

И земля , и воздух, и волны, и огонь
В благоговейном страхе и затаившей дыхание тишине стояли люди,
Ибо Тот, кто вошел в их хор,
Соединил их в мистическом братстве.

Аметистовые сумерки среди
Несколько странных звезд, освещавших высоты,
Где прятался тайный дух,
Где было Твое место, о Свет из Огней?

Пламя Красоты далеко в космосе—
Когда разгорелся огонь в Тебе? во Мне?
Который склонил расу стихий
В безмолвном обожании.

—15 февраля 1893 г.

Боль

Люди сделали их богами любви,
богами Солнца, дарующими дождь,
Божествами холмов и рощ,
я создал бога Боли.

О моем боге я знаю это много,
И в пении я повторяю:
Хотя в его прикосновениях чувствуется мука,
Но внутри его душа сладка.

—15 марта 1893 г.

Три Вожатых

Это была местная фея
Движущийся в слабом свете,
Который касался с тусклой и призрачной грацией
Конфликт в самом разгаре.

Казалось, он шепчет: "тишина",
Затем тихо само ушло;
Еще остались отголоски его немой ласки
Все еще рябило по мере того, как текли годы.

Это был внутренний Воин
Который звал: "Проснись! готовься к битве,
"Но не теряй памяти в шуме;
"Сделай из своей мягкости свою силу.

"Сделай из своего молчания слова, способные потрясти
давно восседающих на троне королей земли";
"Сделай из своей воли силу, способную разрушить
" Их башни распутства и веселья".

Это была мудрая всевидящая душа
Который не советовал ни войне, ни миру
"Будь только ты сам той целью",
К которой прекратятся войны времен".

—15 апреля 1893г.

Сумерки

Сумерки окутывают деревню своей тусклой лаской;
Пар из каждой трубы, подобно тонкому серому стержню,
Поднимается ввысь сквозь мили тишины,
Столпы Божьего неба.

Высоко вверху они ломают или кажется, что ломают свою линию,
Сливаясь со своими туманными гребнями, которые склоняются и кивают
Под светом этих яростных звезд, которые сияют
Из дома Божьего.

Только в облаках и снах Я чувствовал эти души
В бездне, каждый огонь прятался в своем комке,

Из которого в облаках и снах катится дух
В просторы Божьи.

— 15 мая 1893 г.

Рассвет

По-прежнему, пока святая святых дышит необъятным,
В его хрустальных глубинах тускнеют звезды,
Наконец-то горит огонь на алтаре холмов
Ожоги на темном краю.

Мгновение, вмещающее в себя все мгновения, белое на
границе, оно дрожит; затем, как цветочные туманы,
Срываются с волшебного фонтана рассвета
Оттенки многих часов.

Выброшенный из этого высокого товарищества,
мечтающего сокровенно сердцем с сокровеннейшим сердцем,
Я соскальзываю На обычные повседневные пути
Мой огонь отдельно от их.

—15 июня 1893 г.

Желание

Побуду с Тобой мгновение! тогда какие мечты сбудутся!
Возникают традиции вечного труда,
Поиск высокого, сурового и одинокого пути,
По которому Брахма проходит сквозь вечности.
Ах, какие воспоминания возникают в душе!

И с каким невыразимым желанием,
Восставая из долгого забытья, Я обращаюсь
К Тебе, невидимому, невозмутимому, неподвижному:
Белый, ибо в Твоей белизне горят все желания!
Ах, с какой тоской я снова оборачиваюсь!

—15 августа 1893 г.

Глубокий Сон

Сердцем, скрытым от внешних вещей, Я воскрес,
Дух заново пробуждался в ночном рождении

В необъятности, где вечно сияет
Звезда-душа земли.

Там, совсем одна, в первобытном экстазе,
В ее глубинах, где упоения никогда не утомляют,
Сияет древняя Красота; каждая мысль обо мне
Насквозь пронизан его огнем.

И все мои мысли - это толпы живых душ;
Они дышат во мне, сердце к сердцу в союзе
С неослабевающей радостью, хотя с наступлением утра звонит колокол
Планеты могут разделиться.

— 15 сентября 1893 г.

День

В день из какого-то титанического прошлого кажется,
Что тянется божественная нить памяти;
Рожденный до того, как Могущественный начал свои мечты,
Или все же были звездами и солнцами.

Но здесь железная воля закрепила засовы;
Забвение обрушивается на мириады рас земли,
Нет образа гордых утренних звезд
Они смотрят на нас с их лиц.

И все же, все еще стремясь достичь тех тусклых высот,
Каждый запомнившийся сон - это горящее стекло,
Сквозь которое проникает во тьму свет огней
Его лучи в великолепии проходят мимо.

— 15 сентября 1893 г.

Поэту

О, не уводи меня.
Соблазненный цветом солнечного дня.
Веселые романсы песен
К духовной жизни не относятся.
Хотя и далеко от тех часов,
В которые Владыка Ангельских Сил
Разгоняет сумерки внутри
Святая Святых; да будет в твоей власти победить

Редкие просторы белого света,
Полуоткрытые губы, сквозь которые проникает Бесконечный
Бормочет свою древнюю историю;
Внимая которой, блуждающие планеты седеют
Пробудите первобытный огонь,
С более глубоким восторгом в небесных хорах
Дышат и более плавным движением
Вращаются по своим орбитам в бескрайнем океане.
Итак, внимай ты подобным образом,
Сосредоточившись на ней, постепенно усиливаясь,
Пока восторг твоей песни
Не перекликнется с ее многочисленными размышлениями.

—15 ноября 1893г.

Место упокоения

— Душа сама себе свидетель и свое собственное прибежище.

В бездну уходит глубокое сердце.
Оно прижимает свою печаль к груди:
Только могущественная мать знает
Раны, которые трепещут, не заживая.

Он ищет еще более глубокой тишины;
Оно окутывает умиротворением,
Когда мысли, как о хорошем, так и о плохом,
В тишине, без посторонних, прекращаются.

Это ощущается в разворачивающихся просторах
Чтобы утешить его надежды и страхи:
Могучая мать наконец склоняется;
Она прислушивается к слезам своих детей.

Где последняя тоска усиливается—там—
Огонь красоты пробивается сквозь боль,
Слава восходит среди отчаяния,
Мать снова забирает свое дитя.

—15 декабря 1893 г.

Комфорт

Задумчивая темноволосая голова у камина,
Печаль для ваших ушей

Вторгающиеся земные вихри
Звучите в гневе и слезах:

Нежный сердцем, в твоём одиночестве
С прискорбием я бы хотел
утешить тебя и сказать, что только
Боги могли испытывать такую боль.

Только духи знают такую тоску
Для далекого;
И огненные фантазии толпятся
Не восстают из глины.

Храни тайну чувства небесного
О звездном рождении;
Хотя вокруг тебя зывают звериные
Голоса земли.

Если с тех пор прошла тысяча веков
Свергли нас с трона:
Тогда побеждает тысяча эпох
Вернем себе нашу собственную.

Печальный, вытри свои слезы:
Со скипетром ты восстанешь,
Сравнявшись с хрустальными сферами
С царственно мудрыми серафимами.

—Февраль 1894 г.

Е. П. Б.
(В память.)

Хотя дни быстро текут от её дня,
Никто не оставил её день безымянным:
Мы знаем, какой свет озарил её луч
На нас, кто в истине провозгласил

Вырос братом со звездами и силами
Которые простираются далеко—далеко к свету,
И угасают в первые часы,

И в чудесном Первом объединяйтесь.

Вместе с ней мы теряем право на презрение
Голоса, презиравшие ее правду:
С ней родилась более глубокая любовь
Для тех, кто заполнял ее дни с Рут.

Для нее они не были грязными вещами:
Иногда в них, как говорила ее мудрость,
У Райской птицы появлялись крылья;
Оно только видит сны, оно не мертво.

Мы не можем из-за забывчивости
Отказаться от должного уважения к ним,
Которые носят то, о чем не догадываются
Скипетр и диадема.

Мудростью древних времен
Она превратила пыльные сердца в пламя;
И зажгла нас возвышенной надеждой
Претендовать на наше древнее наследие;

Что, отвернувшись от видимого,
Благодаря необъятности, которой никто не сопротивлялся и которую никто не останавливал,
Наша воля могла бы править помимо этой Воли
Которым колеблются звезды племени;

И вступая в героическую борьбу,
Ступай по тому пути, по которому ступали их ноги,
Которые движутся в более обширной жизни,
Искры в Огне —Боги среди Бога.

— 15 августа 1894 г.

На краю Великой Бездны

Когда дыхание сумерек подует, чтобы воспламенить туманные небеса,
Все его дымчатое сапфировое, фиолетовое сияние и серебристый отблеск
Своей магией заливают меня через врата глаз;
Я един с сумеречной мечтой.

Когда деревья, небо и поля сливаются воедино в сумеречном настроении,
Каждое сердце человека уткнуто в материнскую грудь:
Полный покоя, сна и грез в безграничной тишине,
я един с их сердцами, пребывающими в покое.

От наших незапамятных радостей домашнего очага и любви,
Заблудившийся на краю неведомого прилива,
Весь его простор беззвучного спокойствия может взволновать меня гораздо сильнее
Слово или прикосновение губ рядом.

Да, и глубже, и глубже, и глубже, позволь мне пить и втягивать
Из древнего Источника, большего, чем свет, покой или мечта,
Такого первобытного существа, которое наполняет сердце благоговением,
Растущее единое целое со своим безмолвным потоком.

— 15 марта 1894 г.

Секрет

Одно во всем я видел:
Одна мысль преследовала землю и воздух;
Звон и тишина были
Его дворцовые покои. Повсюду

Я видел поток мистического видения,
И оно жило в людях, лесах и ручьях,
Пока я больше не мог знать
Мечта о жизни из моих собственных снов.

Иногда это поднималось во мне подобно огню,
В глубинах моего собственного разума,
И распространялось до бесконечности,
Он забрал голоса ветра.

В нем была нацарапана человеческая тайна,
Тусклая геральдика — на свете и воздухе;
Колеблясь над звездным морем,
я увидел там летящее видение.

Каждый огонь, зажженный в Божьем храме
Яростно горит перед внутренним святилищем,

Тускнея по мере приближения к нему моего огня,
И потемнел при свете моего.

Наконец-то, наконец-то, смысл уловлен:
Когда дух носит свою диадему,
Он потрясает своими чудесными перьями мысли,
И тянется за звездами вместе с ними.

— 15 апреля 1894 г.

Пыль

Я слышал, как они в своей печали говорили:
"Земля отвергает мысль Божью:
Мы всего лишь тлеющие угольки, завернутые в глину,
Немного благороднее дерна".

Но я коснулся губ глины —
Мать, твой самый грубый дерн по отношению ко мне
Трепещет от огня скрытого дня,
И его преследуют все тайны.

— 15 мая 1894 г.

Магия

— После прочтения Упанишад

Из сумрачных покоев мозга
Течет императорская воля, сновидение за сновидением;
Огни жизни вокруг него искушают и мерцают;
Огни земли за ним меркнут.

Пройдя за пределы красоты, соблазняющей мечту за мечтой,
Чистая воля ищет очаг света;
Звучит глубокое "ОМ", мистическое слово могущества;
Из очага вырывается живой поток.

Исполненная музыки из глубин сердца,
Царственная Воля восседает на древнем троне,
Держа В руках скипетр, бесстрашная, свободная, одинокая,
Познавшая в Брахме все, на что она отваживалась и чего желала.

—15 июня 1894 г.

Бессмертие

Мы должны рассеяться, как дым, или жить в огне духов;
Ибо мы можем вернуться лишь дымом к пламени.
Если наша мысль превратилась в мечту, а воля - в желание,
Как дым, мы исчезаем из горящих костров.

Огни бесконечной жалости озаряют серые сумерки наших дней;
Воистину, здесь есть душа; с ней у нас есть вечное дыхание;
В огне любви мы живем или проходим многими путями,
Бесчисленными путями мечты к смерти.

—15 июля 1894 г.

От человека к Ангелу

Я выплакал миллион слез;
Чистая и гордая, где твои?
Что ты приобрел за все эти годы
Этот не потускневший блеск красоты?

Всей твоей красотой не победить
Истину мы познаем с болью и вздохами;
Вы никогда не сможете войти в
Круг Мудрых..... В Круг Мудрых.

Они всего лишь рабы света
Которые никогда не знали мрака,
И находились между тьмой и светом
Свободно выбирали свою судьбу.

Не думай там о своей чистоте
Что наша боль лишь следует за грехом;
Есть огни для тех, кто осмеливается
Стремиться к Трону Могущества, чтобы победить.

Чистый, воздержись от своей гордыни;
Темный и потерянный среди борьбы,
Я - мириады лет боли
Ближе к источнику жизни.

Когда бросается яростный вызов
Богу, которому ты кланяешься,
Прикоснись губами к Неведомому
Нежнейшему ко лбу.

— 15 сентября 1894 г.

Песни древней магии—II.

Одеяние царя — "Свеча Его освещала голову мою, и при свете Его я ходил во тьме". —Иов, ххix. 3

На синегрудой воздушной птице
сверкают золотые лучи,
И темное руно над нами
колышет старый лес,
Далеко за полночные лиги, о которых ходят слухи,
колеблемый теплым бризом.
Видишь вон того старого аскета,
Ах, бедный иссохший облик!
Там, где он скорчился, сморщенный
бесчисленными годами
, Сквозь листья хлопья лунного огня
падают, как призрачные слезы.
На заре царственный охотник
миновал гордое презрение,
Подобно рассеянному радужному потоку
блеснул его царственный шлейф.
Теперь одинокий, никем не замеченный,
ищет тусклые пещеры земли,
Никогда король или принцы не оденут их
так же лучезарно, как он.
Посреди глубокой обволакивающей тьмы,
следуй за ним, о провидец,
Пока стрела воли пронзает
огненную сферу за сферой.
Сквозь черноту проскакивает и сверкает
золото и аметист,
клубясь, струясь и растворяясь
в радужном тумане.
В сиянии драгоценных камней и лунном
сиянии восходит там
Одна, утренняя звезда во всей красе,
юная, бессмертная, прекрасная.
Запечатанный в тяжелом сне, дух
оставляет свое выцветшее одеяние,
К пламенной юности возвращаясь

после усталости.

Музыка как для уходящего,
радость как для короля,
Звучите, нарастайте и слушайте! над ним
торжествуют тарелки.

Огненный ореол, окружающий
солнце, золотит его чело
, Как у того, кто приветствует утро
в старых горах.

Открываются более могущественные перспективы, меняющие
человеческую любовь на презрение,
И копья славы пронзают его
подобно Терновому венцу.

Когда редкие лучи, расширяющиеся
над его лбом, поднимаются
, он снова познает Дракона

Мудрость начала.

Все выше и выше к свободе,
как птица, он взлетает,
И ореол распускается,
золотые и серебряные крылья
Обрамляют чело и венчают серафима.

Скоро его путешествие завершится,
Он скроется от наших глаз, которые следят за ним,
умчавшись за пределы солнца.

Никто не может знать более темного сияния,
король, да будет оно твоим.

Восхищенный Светом и скрытый
в Божественной Тьме.

— 15 сентября 1895 г.

Братство

Сумерки в тенистых долинах обитает серый цветок:
В сияющей темноте темно-синие колокольчики
В тишине переосмысливают небеса в своих цветках,
Сапфир, золото и тайну. Какие странные ароматы,
Из каких глубин возникают все цветочные колокольчики,
Не подозревая о чарующей благоухающей песне, которую они поют!
О, никогда еще ева не была такой живой: лес
не шевелится, но дышит восхищенной тишиной.
Здесь, в этих тенях, Древнее познает себя, свою Душу,
И, пробудившись ото сна, устремляется к цели.
Какие яркие спутники кивают и соглашаются с этим!
Из густой тьмы выпархивают какие—то сумеречные создания,

Которые через долгие лиги островной ночи над головой
Проходят мимо меня, шепча и умоляя о любви, -
Как в сумерках дети собираются поближе и прижимаются
Все ближе и ближе с призрачной нежностью,
Чувствуя, сами не зная, что, бесшумными шагами скользят
В поисках знакомых губ или сердец, чтобы мечтать рядом.
О, голоса, я хотел бы уйти с вами, с вами, прочь,
еще раз встретившись лицом к лицу с сияющими вратами дня;
С вами, с вами возникают воспоминания, и почти
Топча толпящиеся фигуры рассвета, проходят мимо;
Ужасные божества, гигантские силы, которые воевали с людьми,
Снова становятся нежными братьями и веселыми детьми;
Угасает всякая ненависть перед материнской грудью,
Где все изгнанники сердца возвращаются на покой.

— 15 июля 1895 г.

В утробе матери

Все еще лежит тяжелая доля на темной почве:
На тусклой черной плесени лежит сырость от росы:
Лошадь терпеливо ждет: своего одинокого труда
Пахарь к утру поднимает глаза.

Не распустившиеся живые изгороди, темные на фоне дневного пламени,
Блестящие кристаллы с золотым отливом: на ободке
Над незамеченными городскими шпилями
Одинокая красота сияет только для него.

И день за днем окутывает рассвет или тьма,
И питает красотой глаза, которые не могут видеть,
Как в ее утробе Могущественная Мать формирует
Младенческий дух для Вечности.

—15 января 1895 г.

В Саду Божьем

В пределах железных городов
Человек годами ходил неизвестным,
В его сердце жила жалость из жалостей
Которая выросла из человеческих слез

Когда любовь и горе закончились
Цветок сострадания рос;
Невидимые руки ухаживали за ним
И питали святой росой.

Хотя в его сердце были заперты двери
Цветы красоты распустились;
Но тот, кто вырастил сад,
Не мог назвать ни один цветок своим.

Ибо руками, которые поливали,
Цветы, распутившиеся, несмотря на мороз и боль,
были разбросаны
Чтобы подсластить унылый воздух.

—15 февраля 1895 г.

Дыхание света

От прохладных борозд с темными губами
веет смутным восторгом,
Ореолы радости окружают
каждую травинку,
Где проходят безмолвные
и восхищенные создания, налитые росой:
И неугомонный пахарь останавливается,
оборачивается и, удивляясь,
Глубоко под своей деревенской одеждой
обнаруживает себя королем;
На огненный миг, глядя
глазами Бога
На поля, раб утром
склонил его к земле.
Ослепленные и насыщенные откровениями,
пролетает каждое мгновение,
И к Могущественной Матери
веселой, вечной восходят
Все наши надежды, радость,
мечты о том, что должно произойти.
Одно из всех их поколений,
Мать, приветствую тебя!
Приветствую! и приветствую! и да здравствует во веки веков:
хотя я снова обращаюсь
, Ибо они радуются человеческим
облачениям боли.

Я, твое дитя, вышедшее сияющим
в золотом расцвете,
Нахожу тебя по-прежнему с сердцем матери
в моей ночи во времени;
Нахожу в тебе старое очарование,
там, за завесой,
Где пребывают Боги, мои братья,
Радуйся! во веки веков, радуйся!

— 15 мая 1895 г.

Свободный

Они купались в затопленных огнем фонтанах;
Жизнь окружала их со всех сторон;
Они спали в расщелинах гор:
Звезды призывали их своим криком.

Они молились, но их поклонение было всего лишь
Чудо по ночам и днем,
Такое же тихое, как губы одинокого
Хотя и сгораю от немоты похвалы.

Никакая земная печаль никогда не была охвачена
Их духи, склонившиеся перед святилищем;
Они бежали к Одинокому восхищенному
И скрылся во Тьме Божественной.

В сумерках , когда могут собраться дети
Они встретились на пороге смерти,
Улыбка скрытого в темноте Отца
Мать с волшебным дыханием.

Несказанное ни в песне, ни в рассказе,
В дни, давно забытые людьми,
Их глаза все еще были ослеплены славой
Время больше не вспомнит.

—15 ноября 1895 г.

Песни древней магии—IV

Волхвы

"Гора была заполнена воинством туата де Даннан".

— Старинная кельтская поэма

Посмотрите, где находятся ауры от старинного фонтана
Устремляйся к звездам;
Священный знак на святой горе
Сияет в белом огне:
Колышется и пылает вон там, над снегами
Бриллиантовый свет
Плавится в серебряном или сапфировом сиянии
Ночь за ночью;
И с небес небес нисходит на землю
Божественная роса.
Приходите, давайте окунемся в звездное веселье
Вокруг святилища!
Чародейка, могущественная мать, в наш дом
В тебя мы вжимаемся,
Трепещущие от огненного дыхания и окутанные каким-то
Необъятная нежность
Возвращающиеся домой птицы, неуверенные в своем гнезде
Колесо под куполом,
Таящее в себе смутные мечты о более восхитительном отдыхе,
Вращайтесь под куполом,
Но соберитесь перед теми, чьи незатемненные очи
Ночь - это день:
Прыгайте вперед, Бессмертные, Райские птицы,
В ярком облачении,
Подобном сияющим локонам солнца;
И именем его
Призови из его логова божественного древнего
Пламя нашего Отца.
Да, от чудесного света, который окутывает звезду,
Приди же, приди же;
Дракон, дышащий Солнцем, направь свой свет вдаль,
Дети твои кланяются;
С еще большим благоговением затаи дыхание; расы с яркими бровями
Ничего не стоят
те ужасные боги, с чьих ужасных ликов
Земля взирает на
Бесконечную жалость, погруженная в покой; их видение отбрасывает
Спустя годы
видит, как красота наконец сгорает
Слезы их детей.
Теперь, когда в наших сердцах древняя тишина
Затопляет своим приливом,

Предметы воздуха, огня и высоты не меньше
В нем пребывают;
И от своих скитаний по морю и побережью
Они поднимаются как один
К необъятности и вместе с нами преклоняются
Полуночное солнце;
И войди в неисчислимое Все,
И сияй, как золото,
И сияй, как звезда, в зале бессмертных,
Небесное лоно,
И пей солнечное дыхание с губ матери
Некоторое время — и затем
Исчезнет из света и погрузится в темное затмение
Снова на землю,
Бреду мимо сокрытого небесами мыса
И тусклой долины.
Создавая призрачный образ славы, которую
Они знали в Нем.
Из полноты текут ветры, их сын
Больше не слышен,
Или едва слышен мистический звук вдоль
Мечтательный берег:
Они движутся вслепую, сами того не осознавая, как в трансе,
Их странствия
наполовину с нами, наполовину - внутренний танец
Во главе с Королем.

—15 января 1896 г.

У. К. Дж. *

О герой железного века,
На твоей могиле мы не будем плакать,
Но и не будем сгорать в ярости
Из-За тебя и твоего безвременного сна.
Наши сердца хранят жгучее молчание.

О мученик, в эти железные дни
Одна судьба была неизбежна для души, подобной твоей:
ты знал заранее, но пошел своим путем.
Распятие - это знак,
средоточие всего царственного рода.

Мы не можем скорбеть — хотя такая ночь
опустилась на наши земные сферы,
Лишенные любви, истины и света
, Как никогда с начала веков; —
Ибо слезы сами рождают слезы.

Мы возлагаем Один венок на их могилу
(Молчание наших горьких мыслей,
Слова, которые опалили бы их глиняные сердца),
И поворачиваемся, чтобы узнать, чему ты научил,
Чтобы формировать наши жизни так, как это было сделано тобой.

—15 апреля 1896 г.

[* Это без подписи, но, вполне возможно, принадлежит Г.В. Расселу. Это была память Уильяма Куана Джаджа (W.Q.J), лидера Американского и Европейского теософских обществ того времени, одного из первых основателей Теософского общества и близкого сотрудника Е.П. Блаватской.]

Из Книги Орла
—[Св. Иоанн, i. 1-33]

На груди могущественной Матери был Мудрый
С мистическим Отцом в эоническую ночь;
Да, навеки единый с ними, хотя и возникший
Выходит вперед, чтобы зазвучать свой гимн света.

По его заклинанию поднялся звездный храм;
По его волшебству толпились мириады людей;
Пробудилась Жизнь, так долго таившаяся в утробе
Снова к своим циклическим трудам.

Это огненная душа в сердце жизни;
Из ее огненного источника исходят воля и мысль;
Вся сила человека для подвигов любви или борьбы,
Хотя тьма этого не постигает.

В тайне, написанной здесь,
Иоанн - всего лишь жизнь, провидец;
Изгнанный из жизни света,
Только с вернувшимся зрением
он Все еще жадно вглядывается
В небесные тайны.

Поэт всего видимого
По его слову душа обретает крылья,
Откровения, символы, мечты
О сокровенном свете, который сияет.

Ветры, звезды и небеса, хотя и созданы
единым Огненным Я, все еще не знают этого;
И человек, который движется в сумеречном полумраке,
Не чувствует любви, которая окружает его,
Хотя в сердце, на груди и веки сжимают
Губы бесконечной нежности,
Он отворачивается, чтобы побродить во тьме
, И не обращает внимания на огонь в своем очаге и доме.

Те, чья мудрость повсюду
Видит, как сквозь хрустальный воздух,
светильник, которым освещен мир,
И самих себя как единое целое с ним;
У кого расширяется зрение,
Кто в часы восторга
Уловил слово, чья мощь подчиняет
Все стихийные силы;
Они возникают как Боги из людей,
Подобно утренним звездам.
Те, кто ищет место покоя,
Утоляют жар крови в груди,
Становятся аскетами, обращаясь вовнутрь,
Подавляют жажду горения,
Заглушают в себе волю
К прорицателю силы по-прежнему;
Только рожденному в огне "Я"
Известны сферы предков.

К бедным мертвым теням пришла
Мудрость, окутанная пламенем;
У нас были глаза, которые могли видеть свет,
Рожденный могуществом мистического Отца.
Слава, сияющая невыразимыми силами,
И дыхание Божье окутывало ее.

Жизнь, которая двигалась в глубинах внизу,
Почувствовала, как загорелся огонь в ее недрах;
Жизнь пробудилась в союзе со Светом,

Божественно возбудилась и воскликнула:
"Это Древний из Дней внутри,
Свет, который есть до начала наших дней.

"Каждая сила, доступная духу,
Возникает заново в нашей жизни.
У нас были только мечты о сокровенной
Красоте, трепещущей от мистического огня.
Дыхание белого огня, из которого исходит сила,
Течет в одиночестве в час духа".

Человек возник на земле, по которой ступал,
Стал божественным, когда взирал на Бога:
Свет огненным вихрем вырвался
Из божественной тьмы и заговорил:
Человек вышел на простор, чтобы ступить
На колеснице духа мудрости.

Пришли ученые из школ,
Которые измеряют небесное по правилам,
Скептики, сомневающиеся, логики,
Которые во всех священных вещах Были точны,
Отмечали предел, устанавливали рамки,
"Ты ли Христос, на которого мы надеемся?
Ты маг, или в тебе
Есть божественная способность видеть?
Он тихо ответил пришедшим:
"Ни на это, ни на это, ни на это я не претендую.
Больше, чем тоска сердца,
у меня нет мудрости, которой я мог бы поделиться.
Я - голос, который взывает в том,
Чье сердце мертво, чьи глаза тусклы,
"Очисти пути, по которым могут течь
потoki света от того золотого единого,
Того "Я", которое живет внутри солнца".
Как говорил провидец древних дней.
Голоса с земных путей
Все еще спрашивали его: "Что ты здесь делаешь,
Если ты не пророк, не царь и не провидец?
Какая сила зажжена их могуществом?"
"Я теку перед стопами Света:
я - очищающий поток.
Но Тот, о ком вы и не мечтаете,
Чьи шаги все еще звучат среди вас,

Хотя и темные, божественные, невидимые.
Побуждаемый Им, Я иду по Его путям
, хотя и не смею поднять
Даже от земли эти такие тусклые глаза
Или взглянуть на Его ноги".

Когда наступают мертвые или мечтательные часы
Словно спадающая мантия,
Пробуждает око гностических сил
К свету скрытого дня,

И тоскующее сердце внутри
Ищет истинного, единственного друга,
Того, кто обременен нашими грехами
Любит, и любит до конца.

Ах, мученик мира,
С лицом непоколебимого покоя,
Вокруг чела которого вьется свет:
Это Ягненок с золотым руном.

Так они называли в древности сияние,
Такой лик сыны человеческие
Видят и всю жизнь его угадывают
Снова пробуждают первобытные огни.

Такое лицо и такая слава
Прошло перед глазами Джона,
С привкусом старой истории
Донеслось из давних времен

Который познал Бы Бога в человеке.
Еще глубже должен быть его взгляд.
Завеса за завесой его глаз должен сканировать
В поисках мистических знаков, которые говорят,
Не упал ли электрический огонь
На видящего в его трансе:
На своем пути он поднимает крылья
От всех окруженных временем вещей,
пламя славы вокруг его головы
Подобно птице с распростертыми крыльями.
Золотые и серебряные перья в покое:

Такой тенистый сияющий гребень
Вокруг головы героя открывает его
душе, которая могла бы его обожать,
Как главную силу, исцеляющую его
, И источник тайных знаний.
Природа такую диадему
Возлагает на свой королевский род,
Каждый глаз, который смотрит на них,
Знает Сынов Божественного.

—15 апреля 1896 г.

Протест любви

"Те, кто там находит прибежище, никогда больше не возвращаются".— Бхагавад-гита

Прежде чем я потеряюсь в необъятности и погрузлюсь в покой,
Пока я смотрю на свет и красоту издалека, из тусклых домов людей,
Пусть я все еще чувствую сердечную боль и жалость, любовные узы, которые я бы
не освободил,
Пусть голоса скорби, вызывающие ко мне, снова призовут меня к себе на помощь.

Прежде чем я обрушусь бурей могущества на престолы и владения
древности,
Прежде чем древние чары заманят меня бродить по усыпанным звездами
туманным небесам,
Я хотел бы выйти вперед как тот, кто хорошо пожал тот урожай, который
может собрать земля:
Пусть мое сердце будет переполнено состраданием, на моем челе будет
корона мудрых.

Я бы отправился, как голубь из ковчега, отправленный с пожеланиями и молитвами,
Чтобы вернуться с райскими цветами, которые распускаются в эдеме света:
Когда глубокое звездное пение серафимов я услышу в мистическом воздухе,
Пусть я уловлю хоть один оттенок их радости для печальных, обещанных
ночью.

Не один, не в одиночестве нашел бы я свой покой в Сердце Любви:
Будь я в трансе от сокровенной красоты, от пламени ее нежнейшего дыхания,
я все равно услышал бы жалобу павших, призывающую меня вернуться с небес
, Чтобы спуститься к скорбящим, которые рыдают в тени смерти.

— 15 мая 1896 г.

Король Инициировал
: "Они схватили Иисуса и побили его". — Святой Иоанн

Век за веком мир плакал
От высшей радости — Я видел руки,
Чьи огненные лучи охватывали
 И сгорели его земные повязки:
И там, где они соприкасались, живые краски
Вспыхивали, как перья рая.

Их радости тяжелые нации утихомирили—
Поднялась пурпурная роза славы,
Увенчанная такими лучами света, как флаш
 Белые вершины на их вздымающихся снегах:
В нем была волшебная палочка, которая давала
Власть над землей, воздухом, огнем и волнами.

От какой печали мокры белые щеки:
 Таинственный крест маячит в полумраке —
Там, где встретились четверичные силы
 И изливали свои живые потоки через него,
Сына, который прячет свой сияющий гребень,
Прижавшись К груди темного Отца.

—15 июня 1896 г.

Мечта детей

Дети проснулись во сне
 Пока земля была влажной и неподвижной,
Они следовали за ручьем в его мерцании
 К сердцу-свету холма.

Его звуки и зрелища исчезли
 Мир, когда они погружались в сон,
Когда они слышали музыку, прорывающуюся
 Из светлых глубин сердца.

Она бежала там , где протекал ручеек
 Под звездным светом сияла гeya
чудесными красками
 Как мыльные пузыри, которые они пускали в своей игре.

С туманной горы под
Отблески опаловой звезды:
Ее чудесные радужные дорожки
Издалека падали к их ногам.

С их ног, когда они бродили по лугу
Она вела через пещерные проходы,
наполненные фиолетовым и зеленым светом и тенью
На многие таинственные мили.

Дети были рады; им было одиноко
Днем играть на склоне холма.
"Но теперь, - сказали они, - нам остается только
Идти туда, куда сбиваются с пути добрые люди".

Несмотря ни на что, на склоне холма водились привидения
Клянусь волшебным народом, пришедшим снова;
И внизу, в свете сердца, зачарованные
Были люди цвета опала.

Они двигались как короли без присмотра
Без оруженосца или дамы,
Но в великолепных диадемах
С перьями цвета звездного пламени.

Они смеялись над детьми из - за
И позвал их в самое сердце:
"Спуститесь сюда, каждый неспящий ровер:
Мы покажем вам кое-что из нашего искусства".

И вниз , сквозь прохладу горы
Дети опустились на зов,
И стояли в сверкающем фонтане
И вовсе не в горе.

Огни появлялись и гасли
Множеством сверкающих нитей,
Ибо короли опалового огня выдували
Тьму из земли.

Это золотое дыхание было безумием
Воспламенить поэта,
И это было лекарством от печали,
И это легкость желания.

И всю ночь напролет над Эри
Они сражались с помощью жезла света
И любви, которая никогда не уставала
Злые создания ночи.

Они сказали, когда забрезжил седой рассвет:
"Мы покажемся вам на час";
И дети преобразились во славу
С помощью прекрасной магии силы.

Короли огня улыбнулись на своих лицах
И называл их древними именами,
Пока они не стали подобны звездным расам,
Покрытым перьями сумеречного пламени.

Они некоторое время разговаривали вдвоем,
Как угнетал многовековой труд;
И о том, как они лучше всего могли бы выдержать
Корабль мира отправляется на покой.

Рассвет в комнате угасал:
Дети начали моргать,
Когда услышали далекий голос, говорящий:
"Ты можешь вырасти таким, если будешь думать!"

Солнце взошло в желтом и веселом свете:
Они вывалились из кровати,
И половина сна исчезла вместе с дневным светом
А половину так и не удалось забыть.

—15 июля 1896 г.

Воздушные вожди

Их мудрые маленькие головки с презрением
Они расстелили между собой покрывала:
- Они что, думают, мы останемся здесь до утра?

Сказали Рори и Эйлин.

Когда наружу выглянули их блестящие глаза
Комнаты больше не было,
И они бежали из темного мира, крадучись
По сумеречной воздушной пещере.

Каждая из них была одета в веселое платье,
Во сне, если ты понимаешь,
Когда земля сбрасывает свое серое одеяние
Чтобы облачиться в волшебную страну.

Затем раздалось громкое жужжание
Так же ясно, как звенит лесной ветер;
И вот приближаются воздушные лодки
А вот и воздушные короли.

Волшебная кора сияла
И стремительные, как толпа пернатых:
С потоком чудесных огней
Они унеслись прочь.

И плыву вверх на ночном ветру,
С позой, рывком и подъемом,
воздушный флот унесся прочь, скользя
Сквозь дымку драгоценных небес.

Одна лодка дрейфовала над ними
Помимо летающих оркестров,
И начальника авиации, который наклонил и поднял
Детей могучими руками.

Дети очень удивились,
Там их встретили три командира авиации,
Они были высокими, серьезными и статными
С фиолетовыми воздушными телами.

Жемчужный свет с туманным мерцанием
Заплясал вокруг них всех,
Подобно мерцанию красок лунного лука

На дрожащем водопаде.

Путь флота в далекие земли
Ночь была волнистой,
И дальше через сапфировые звездные страны
Они следовали за светом.

"Посмотри вниз, Эйлин, - сказал Рори,
- Земля тонкая, как сон".
Она была освещена солнечным огнем
Возмутительный отблеск на отблеске.

Они видели мир грез насквозь под
Его сердце из радужного пламени,
Где странствуют звездные люди;
Как боги, они уходили и приходили.

Дети молча смотрели
Пока Рорей не заговорил снова,
"Это наши люди, которые ходят
Как маленькие человечки-тени?

"Они не видят того, что с ними происходит,
Они выглядят как маленькие пигмеи,
Мир был бы полон без них
И они считают себя такими высокими!"

Волшебный лай затих
Как орел, все дальше и дальше;
Пока над его носом не забил ветер
Пенный свет зари.

Детская мечта становилась все слабее,
Трое командиров авиации все еще были там,
Но художник теней солнца
Нарисовал пятерых в туманном воздухе.

Свет мечты закружился в недоумении,
Командир воздушного флота сказал: "Ты знаешь.
Вы живете сейчас, дети мои,

Десять тысяч лет назад".

Они смотрели на себя в прежнем свете,
И оплакивал дни нового,
Где нет ничего, кроме тьмы или холодного света,
Пока не раздался удар колокола.

"Мы должны идти", - сказали мудрые молодые мудрецы:
По удару курантов пробило пять утра,
И они пробежали сквозь тысячу веков
Из старых времен Де Данаана.

—15 августа 1896 г.

Дворцы сидхе

Две маленькие сладкие жизни вместе
С рассвета и до выпадения росы
Они танцевали на камнях и вереске
Подальше от пыльного города.

Темные глаза, похожие на звезды в анютиных глазках,
Голубые глаза, как у смелого героя —
Все их мысли были перламутрово-светлыми фантазиями,
Их сердца в золотой век.

Они напевали множество басен
И тосковал по эльфам в ярких шапках,
волшебному народу, который способен
Чтобы сделать нас самих феями.

Замолчать кражу детей
Они стояли там, держась за руки,
Под звон эльфийских колокольчиков
Вслух в подземелье.

И по скользящей серой скале,
побежал огненный цвет,
И из его толщи, скользя, вырвался
Мерцающий туман человека —

Сегодня, потому что дети убежали в
Древний вчерашний день,
И ручей из его прорытого русла тоже
Повернул в другую сторону.

Затем вниз , в открытую лощину
Старик с улыбкой повел меня за собой:
"Идите, звездные сердца, дети мои, следуйте за мной
Ненадолго в страну эльфов.

Над ними висели колокола,
Всякий раз, когда дул ветер земли,
Это заставляло их звенеть, лязгать,
Бескрайняя гора насквозь.

Но все же громче, чем звон
Раздалось пение эльфийского хора,
Пока гора не обезумела от пения
И насыщен формами огня.

Короли волшебных рас
Восседали высоко на тронах могущества,
И бесконечные годы смотрели с их лиц
Смотрели глазами света.

И один в бриллиантовом великолепии
Сияла ярче всех в тот час,
Более возвышенная, чистая и нежная,
Они называли его Цветком Власти.

Стены дворца светились
Как звезды, нарисованные вместе,
И струился фонтан воздуха
Цвет первоцвета на рассвете.

"Ах, вот видишь!" - вздохнула Эйлин,
Склонив опечаленную голову
Там, где лежал могучий герой,
Он выглядел как человек, который был мертв.

"Он проснется, - сказал их проводник, - это только кажется,
И о том, что увидят его глаза, я узнаю только во сне
".

Пока я не буду лежать там неподвижно, как он.

Они пели песню пробуждения,
Они дышали на него огнем,
Пока дух героя не вырвался наружу,
Сияющий взметнулся над хорами.

Как столп опаловой славы
Насквозь пронизанный множеством драгоценных камней —
"Да ты только посмотри на него сейчас", - сказал Рори,
"Он превратился в такого же фейри, как они!"

Восхождение эльфийских королей
Вскочили с тронов могущества,
И, слившись друг с другом,
Они растворились в воздухе и свете.

Ручей, достигший своего ложа, забулькал
Сверху посыпались камни:
Дети проснулись от вспыхнувшего
От удивления: "На чем мы остановились?"

Они ощупью пробирались сквозь камыши и клевер —
"Какие забавные старые пометки: смотрите сюда,
Они нацарапали на камнях повсюду:
Это как раз то место, где была дверь: как странно!"

—15 сентября 1896 г.

Голос мудреца

Они сидели со спокойными сердцами,
Чистое небо сверкало над головой,
И древняя мудрость пузырилась
Из уст юной любви.

Они читают в цветной истории
О Египте и Ниле,
И наполовину это казалось загадкой,

Пока что наполовину знакомо.

Пока не покончу с этой историей
Состарились египтяне,
И тень выглянула вперед, Рори
И сказала: "Мы встретились снова!"

И над Эйлин , девой
Оглянулась назад сквозь смутные века:
Она смеялась, и глаза у нее были отяжелевшие
С давней любовью к нему.

В тумане появились храмы , переполненные толпами
Когда сфинксов видели подряд,
И остаток дня прошел в тоске
Для их домов давным-давно.

"Мы бы пошли туда, если бы они нам позволили",
Они сказали с уязвленной гордостью:
"Они никогда не думают, когда глядят нас
Мы такие старые внутри".

Вокруг них кто- то бродил
Весь этот долгий день
Который, казалось, говорил: "Я играю
В прятки с тобой поиграть.

И одно за другим
Из воздуха донесся шепот о том,
Что Бог - большой добрый брат
Чей дом повсюду.

Его свет, подобный улыбке, мелькнул
От прохладных, прохладных ветров, когда они дуют;
От танцующих на небесах цветов
И звезды, которые сияют в траве,

И облака в темно-синем клубке,
И большинство с высоких гор,
Но Бог, как ветер, идет, вдыхая

Золотой свет сердца во все.

Оно растет, как дерево, и толкает
Пробивается сквозь внутренний мрак,
И расцветает быстрыми порывами
Любви к волшебному цветению.

И теперь никому не нужно вздыхать или печалиться
Всякий раз, когда улетает сердечный свет,
Ибо он возвращается когда-нибудь завтра
И никто никогда не умирает.

Сердце Мудрого билось
В сердце детей в тот день,
И многие мысли приходили мимолетно,
И представлялись торжественными и веселыми.

Они были серьезны, в каком-то смысле угадывая
Как детство обретало крылья,
И чудесный мир сиял
Огромными вечными вещами.

Торжественные сумерки затрепетали
Как перья серафимов,
И они чувствовали, что было произнесено
В Его закатном голосе.

Они задержались надолго, ради более дорогого
Чем дома были горные места,
Где Бог со звезд опускался ближе
Их бледные, мечтательные лица.

Их сердца перестали биться
Они замерли в благоговейном восторге.
Ибо Дух и дети встречались
В пурпурной, обильной ночи.

В сумерках его пепельно-серые соцветия проливаются на фиолетовое небо
Над сумеречными горами, где сердечные песни поднимаются,
Поднимаются и опускаются и снова растворяются в воздухе:
Земля обновляет музыку еще слаще. О, приди сюда.

Приди, ма кушла, приди, как в древние времена,
Оглашая подземье волшебными перезвонами.
По невидимым путям, как сбивается с пути каждое звенящее руно,
Извиваясь все дальше к складке мира,
Так мои мечты сбиваются с пути в стране более прекрасной;
Наполовину я ступаю по мокрой от росы траве, наполовину блуждаю там.
Померкни в своих мерцающих глазах в остывшем мире:
Пойдем, ма кушла, со мной к подножию горы,
Где светлые зовут нас, махая туда-сюда:
Пойдем, дети мои, со мной в Древний путь.

— 15 октября 1896 г.

Песня Рассвета

Пока земля темна и серая
Как я смеюсь внутри: я знаю,
В моей груди кипит веселый пыл
От утреннего переполнения.

Хотя щека побелела и взмокла
В моем сердце не может поселиться страх:
Туда ведет мой вождь, и все же
Древние боевые трубы призывают.

Не хмурься на меня поспешно
Если мой дух пренебрегает твоими заботами:
Моя радость, подобная солнцу, все еще смотрит вниз
Меняю слезы на сияющий вид.

Не думай, что у меня непостоянное сердце
Если от радости моя грудь распухнет,
Хотя твои пути расходятся с моими:
В истине нет прощаний.

То, что я люблю в тебе, я нахожу
Везде. Друга я приветствую
В каждом цветке, дереве и ветре—
О, но жизнь прекрасна, просто прелесть.

Что для тебя засовы и решетки
Для меня руки, ведущие
К свободе среди звезд

Где обитают мои золотые сородичи.

С вершины моей горы я смотрю:

Фиолетовый цветок Сумерек исчез,
И я посылаю тебе свою песню
В ровном свете рассвета.

— 15 ноября 1896 г.

— Древний Эдем

Наши легенды повествуют о многочисленных фонтанах, бьющих в Эри, и о том, что люди давних времен видели не их, а только Туата де Данаан. Некоторые считают, что именно естественный отток воды в этих местах считался священным; но над фонтанами, ручейками и реками поднималась зачарованная пена невидимых ручейков и рек, вырывающихся из Тир-на-ноге, души острова, и сверкающих в солнечном свете этого мистического дня. То, что мы видим здесь, исходит отэтой невидимой души и является путем к ней. В "Героическом эпосе о Кукулене" Стэндиш О'Грейди пишет о таком источнике и предваряет свою главу стихом из книги Бытия: "И вышли четыре реки из Эдема, чтобы орошать сад", и что следует в связи с этим.

Фонтан Призрачной красоты
—Мечта

Я бы хотел, чтобы я мог вплести
Цвет, чудо,
песню, которую я придумываю в
Мое сердце, пока я размышляю,

И покажи, как это произошло
Маги древности,
Чье пение было подобно пламени
Золотой голос зари;

Чьи сны сопровождались рядом с ними
Пением птиц,
И ухо все еще могло слышать их
Без слов.

Я могу только словами
Открыть тебе свое сердце,
О, Свет одиночества,
Подари сияние.

Между сумерками и темнотой
Огни плясали перед моими глазами:
я не находил ни сна, ни покоя, ни отдохновения,
Но видел сны о звездах и пылающем небе.

Я знал лица того дня —
Лица из снов, бледные, с распущенными волосами,
Я не знаю ни тебя, ни твоего дома,
Источник Призрачной Красоты, где?

Я миновал сон о мрачных путях,
Куда никогда не ступала нога человека:
Это была граница леса,
ужасное лесное одиночество.

Чудесным красным и сказочно-золотым
цветом были сотканы облака над океаном;
Звезды в огненном эфире раскачивались
И танцевали в веселом и сверкающем движении.

Огонь вспыхнул в моем сердце,
Когда я впервые увидел сияние старого моря;
Как будто там открылся бог
Я склонил голову в божественном благоговении;

И долго рядом с тусклой границей моря
я размышлял, пока сгущающаяся дымка не
Скрыла от меня то место, где серебристый прилив
Бежал своими тысячами темных путей.

Черная ночь опустилась на море:
Вместе с ней спустился безмолвный трепет:
я увидел фантастические испарения, поднимающиеся
над темнотой ямы.

Когда, о чудо! из самой дальней ночи
Появилось пятнышко розового и серебристого света
Над лодкой чудесной формы,
Быстро плывущей по морю.

Не человеческая воля так быстро привела
лодку к берегу
Без распущенного паруса и весел.

Пилот выпрямился на нем
И поднял свое древнее лицо,
(Древнее от радостной вечной юности,
Как у представителя звездной расы.)

Его лицо было покрыто густым смуглым румянцем;
Его глаза горели бронзовым и золотистым огнем;
Его волосы в потоках серебряного света
Ниспадали подобно пламени на его странный наряд

Который был украшен многими мистическими знаками,
Падал, как залитый солнцем рубин, сияющий:
Его свет разлетался по волнам вдалеке
красноватой рябью на каждой перекладине
По спиральным дорожкам, текущим.

Это была хрустальная лодка, которая гналась за
светом по водной пустоши,
Пока седой
Лоцман, пойманный среди волн, не сохранил свое драгоценное великолепие.

О, никогда еще не было такого великолепия:
Бледная луна пронизывала его насквозь
сиреневым, белым и голубым светом:
И было много волшебных оттенков
жемчужного, розового и аметистового,
Подобно молнии пробегали радужные отблески
И плелись вокруг чудесного тумана.

Пилот поднял руки, призывая к себе;
Я шел молча, с глубоким изумлением
, пытаюсь понять, почему этот Луч Света прошел
Так далеко по океанским путям
Из бескрайней и темной ночи.

- Скорее, скорее! - закричал он. - Прочь!
Теперь прошли тысячи эпох.
И все же ни ты, ни я, прежде чем наступит ночь,

Не будем больше вспоминать ни о кануне, ни о рассвете".

Стремительный, как ласточка к своему гнезду,
я прыгнул: мое тело упало прямо вниз:
серебряной звездой я поднялся и полетел.
Золотое пламя горело на его груди:
Я проник в сердце и узнал
Своего Брата-Себя, который странствует в глубинах,
Птицу чудесного мира сна.

Рубиновое тело окутало нас,
Словно двое в одном: мы оставили позади
протяженный в лигу шум берега
И понеслись быстрее ветра.

Расстояние сказалось на судне:
Мы приближались к таинственным островам:
Небесный град, который мы могли разглядеть,
Его сияющие горы, его темные драгоценности,
Его вершины и звездные россыпи.

Слава озарила нас: "Не бойся;
Ибо мы реальны, хотя то, что кажется
Столь гордо воздвигнутым над волнами,
Всего лишь мечты одного могущественного духа.

"В доме нашего Отца много храмов;
Но не входи и не поклоняйся,
Ради мысли, но следуй за мыслью
До тех пор, пока она не угаснет окончательно, поглощая себя.

"Источник призрачной Красоты бросает
Свое очарование на дневной свет:
Музыка в солнечном свете поет,
Чтобы отвлечь мечтательные сердца от
Их могущественных надежд и ненадолго ослабить их:
Мы не пойдем их путем:
Песнопение усыпляет тех, кто ищет
скипетр и диадему.

"Источник Призрачной Красоты всю ночь окружает нас
Своим волшебством;

Какими бы ни были дела сердца, оно видит их
И гонится за ними в бесконечном полете.
Или, обвитый призрачными видениями, там
Он строит в залах огня;
Его мечты вспыхивают, как павлинье крыло
, И сияют солнечными оттенками желания.
Мы не пойдем их путями
И не поддадимся соблазну фей или эльфов,
Но в конце наших дней
Покоимся в высшем "Я" Предков".

Хрустальная ладья коснулась берега,
Затем пламенем растаяла на наших глазах,
Как в сумерках опускается солнце,
Забирая райские лучи.

Мы поспешили под сводчатые проходы,
Где высоко в небе, скрытом
облачными колоннами, бушевала ночь,
Богатая, как опаловые лучи зари.

Я бы тогда задержался, но он...
"О, поторопимся: мечта меркнет,
Еще одна ночь, еще один день,
С ним расстанется тысяча лет

- Кто это Древнее божественное существо,
От которого наше призрачное рождение,
Окутанное чудесным светом,
Началось волшебным утром.

"Тысяча наших лет для него
- всего лишь ночь, всего лишь день,
Когда он отдыхает от циклического труда
Или поет песню звездного качания.

"Он засыпает: Темный Источник
Наполняет все наши сердца светлыми мечтами:
Он просыпается в древних сферах, и мы
Сквозь железные века оплакиваем ночь.
Мы не будем блуждать в ночи
, Но во тьме, более божественной,

Присоединимся к Отцу, Свету Огней
, И будем править древним родом".

Уже тогда опустились густые сумерки:
призрачные башни колебались в воздухе:
город походил на сверкающую раковину,
Его лазурные, опаловые, серебряные, голубые цвета
приобретали более мечтательные оттенки.
Мы боялись наступления ночи
И еще больше ускорили наше стремительное бегство.
Одной длинной вереницей проносились башни;
Дрожащее сияние оставалось позади,
Как будто кто-то быстрый и лучезарный
Пролетает мимо и развеивает по ветру
радужные локоны солнца.

И затем они исчезли из поля нашего зрения,
Волшебные огни Померкли, и все
погрузилось В Звездное Сияние,
Как вода в их фонтане.

Мы знали наше путешествие длиною во времени
И знали конец всем желаниям,
И видели в изумрудном сиянии
Нашего Отца, подобного белому солнечному огню.

Мы не могли сказать, возраст или молодость
Были на его лице: мы только горели желанием
Пройти врата Дня,
Вернулись изгнанники в сердце.

Он поднялся, чтобы поприветствовать нас, и его дыхание,
Музыка бурь сфер,
Растворило память о земле,
циклическом труде и наших слезах.
В нем прошли наши мечты о печали,
Дух снова был свободен
И услышал песню, которую
Поют Утренние Звезды в вечном разгуле.

Это был конец истории человечества;
Мы увидели глубокое неизмеримое сияние

И погрузились в мистическую славу, которую
В древности называли Темным Божеством.

Что ж, теперь этого больше нет,
Сон, который я пел:
По эту сторону рассвета сейчас
я сижу, преданный судьбе.

Но хотя о моих мечтах
Рассвет покинул меня,
Все это не казалось
Ибо что-то покинуло меня.

Я влюбился в какую - то другую
Мир, далекий от этого холодного света
Птица мечты, мой брат,
Излучает золотой свет.

Я тоже в Отца
Спрятал бы меня, и так,
Яркая Птица, собирайся
С тобою теперь я ухожу.

—15 декабря 1896 г.

Новая Земля

"Тогда я почувствовал себя каким-нибудь наблюдателем небес
Когда в поле его зрения проплывает новая планета".

Я , искавший вдали от земли
Приветствую волшебную страну,
Теперь нахожу удовлетворение в ее пределах,
И удивляюсь у моих ног.

Сегодня я выбираю более близкую любовь
И не ищи далекой сферы,
Ибо в ореоле волшебной росы
Появляются милые коричневые груди.

С радужным сиянием приходи и уходи
Воздушное дыхание дня,

И ева вся в жемчужном сиянии
С лунными ветрами играй.

Губы сумерек обжигают мне лоб,
Объятия ночи ласкают:
Мерцают ее белые глаза, сейчас опущенные
С глубокой старой нежностью.

Я закрываю глаза от мечты быть
Бриллиантовый свет снова засиял,
Как в древние часы, до того, как мы
Забыли себя для людей.

И все, что я думал о небесах до того, как
нашел на земле внизу,
Солнечный свет в скрытом ядре
Чтобы приглушить полуденное сияние.

И вместе с Землей радуется мое сердце,
Я двигаюсь, как в старину,
Я облачен В серебристый туман
И яркий от горящего золота.

—Февраль 1896 г.

Двойственность

"От меня исходят добро и зло".
Кто дал тебе такое рубиново-пылающее сердце,
И такой чистый холодный дух? Бок о бок
Я знаю, что они должны вечно пребывать
В интимной войне, и каждый друг другу дарит
Жизнь благодаря своей боли, а каждая радость - дротик, Который
Ранит горем или смертью тех, кто вступил в союз.
Красная жизнь в распятом духе,
Глаза вечной жалости к тебе, ты
Обречен с бессмертными силами воевать, чтобы быть,
Не меньшим мучеником мира, чем тот,
Чье увенчанное терновником чело узурпирует причитающиеся слезы,
Мы воздали бы тебе, вечно красная жизнь,
Чей страстный мир все еще находится в борьбе,
Отвергнутый, но в неконфликтных сферах.

—15 марта 1896 г. (Это без подписи, но в "Собрании стихотворений" А.Е.)

Элемент Языка

В главе "Тайной доктрины", посвященной происхождению языка, Е.П. Блаватская делает некоторые утверждения, которые цитируются здесь и которые следует хорошо учитывать при рассмотрении дальнейшего. "У Второй Расы был "Звуковой язык", а именно звуки, похожие на пение, состоящие только из гласных". Из этого развилась "односложная речь, которая была, так сказать, родоначальницей гласных односложных языков, смешанных с твердыми согласными, все еще используемых среди желтых рас, известных антропологам". Лингвистические характеристики развились в агглютинативные языки.... Флективная речь, корень санскрита, была первым языком (ныне мистическим языком Посвященных) Пятой расы".

Природа этого языка не была раскрыта вместе с другими учениями, касающимися эволюции расы, но, как и многие другие секреты, подробности которых все еще сохраняются Посвященными, она подразумевается в том, что уже было раскрыто. Применение к речи абстрактной формулы эволюции, которую они выдвинули, должно привести к ее открытию, ибо ключ лежит в соответствиях; знайте природу любой вещи в совершенстве, изучите ее происхождение, развитие и завершение, и у вас будет ключ ко всем тайнам природы. Микрокосм отражает макрокосм. Но, прежде чем применять этот ключ, хорошо бы почерпнуть все подсказки, которые были даны, чтобы было меньше шансов сбиться с пути в нашем применении. Во-первых, из "Тайной доктрины" мы узнаем, что звуки человеческого голоса соотносятся с силами, цветами, числами и формами. "Каждая буква имеет свое оккультное значение, особенно гласные содержат в себе самые оккультные и грозные силы". (S.D., I, 94) и снова говорится: "Магия древних жрецов заключалась в те дни в обращении к своим богам на их родном языке. Речь людей земли не может дойти до Владык, к каждому следует обращаться на языке его соответствующей стихии" - это предложение, которое будет показано наполненным смыслом. Цитируемая "Книга правил" добавляет в качестве объяснения природы этого элемента - языка: "Он состоит из звуков, а не из слов; из звуков, чисел и фигур. Тот, кто знает, как объединить эти три элемента, вызовет отклик управляющей Силы" (бога-регента определенного необходимого элемента). Таким образом, этот "язык является языком заклинаний или мантр, как их называют в Индии, звук является самым мощным и действенным магическим средством и первым из ключей, открывающих дверь общения между смертными и бессмертными". (S.D. I, 464)

Из этих цитат будет видно, что оккультные учения о речи прямо противоречат теориям многих филологов и эволюционистов. Первая речь, которая была похожа на песню — другая и более развитая речь, которая считается священной — эзотерическая сторона речи, в которой элементы наших обычных языков (то есть буквы) расположены так, что речь становится достаточно мощной, чтобы направлять элементы, и человеческая речь становится речью богов — нет никакого родства между этим идеальным языком и восклицаниями и мимикой, которые столь многие считают его корнем и началом. И все же тем, кто желает защитить свое право придерживаться оккультного учения, нечего опасаться сторонников этих теорий; им вовсе не нужно обладать какой-либо глубокой ученостью или лингвистическими достижениями; самый беглый взгляд на корни примитивной речи, насколько они были собраны, покажет, что они содержат мало звуков или вообще не содержат звуков, характер которых подтверждал бы звукоподражательные или междометные теории. Подавляющее большинство корней арийского

языка выражают абстрактные идеи, они редко указывают на конкретные действия, которые могли бы быть подсказаны любой возможной имитацией человеческого голоса. Я выбрал наугад из списка корней их английские эквиваленты, чтобы показать характер корней и прояснить сложность придерживания таких взглядов. Абстрактный характер идей, относящихся к действиям и вещам, которые часто не имеют сопутствующего звучания по своей природе, укажет, что я имею в виду. Какие возможные звуки могли бы имитировать смысл "двигаться, сиять, приобретать, течь, гореть, дуть, жить, обладать, покрывать, падать, восхвалять, думать"? Фактически, самые абстрактные из всех кажутся самыми примитивными, поскольку мы находим их наиболее плодотворными в сочетании с другими словами. Я надеюсь ясно показать это позже. Нет необходимости обсуждать утверждения теории междометий, поскольку это всего лишь теория, и существует мало корней, по которым мы могли бы сделать вывод даже об отдаленном происхождении такого рода. Серьезным возражением против теории о том, что речь изначально была предметом условностей и взаимного согласия, является нехватка слов среди корней, выражающих потребности первобытного человека. Как бы то ни было, мудрость внутри или за пределами арийца побудила его построить на этих корнях с их абстрактным значением идеальную основу, на которой мог бы развиваться великий язык. Однако, поскольку сторонники конкурирующих теорий опровергли аргументы друг друга, при этом никто не привел четких аргументов для себя, здесь нет необходимости делать больше, чем указывать на эти теории и на то, как они могут быть подтверждены.

Выдвигая гипотезу, более соответствующую доктрине духовного происхождения человека и гармонирующую с уже цитированными оккультными представлениями о речи, я оказываюсь в довольно необычном положении, поскольку вынужден признаться в своем незнании ни одного из этих примитивных языков. Однако я скорее склонен рассматривать это в целом как преимущество по следующим причинам. Я думаю, что первобытный человек (ранний ариец) выбирал свои слова благодаря определенной интуиции, которая распознала врожденное соответствие между мыслью и символом. Параллельно с растущей сложностью цивилизации язык утратил свой духовный характер, "он превратился в материю", по выражению Е.П. Блаватской; по мере того как количество общепринятых слов, необходимых для определения искусственных продуктов, увеличивалось, при запоминании этих слов спонтанность речи терялась, и атрофировалась та способность, которая позволяет человеку с психической быстротой подбирать все новые комбинации звуков для выражения эмоций и мыслей. Полагая, таким образом, что речь изначально была интуитивной и что для восстановления способности и соответствий между этими звуками и силами, цветами, формами и т.д. нужен только самоанализ и тщательный анализ звуков человеческого голоса, станет ясно, почему я не считаю свое незнание этих языков недостатком в целом. Соответствия обязательно должны были развиваться из моего внутреннего сознания, и при этом арийские корни в их нынешнем виде не могли оказать никакой помощи. В значении, придаваемом каждой букве, можно найти ключ к значению и происхождению корней; но значение каждого звука в отдельности никогда не могло быть обнаружено путем изучения их сочетаний, хотя их ценность и назначение в сочетании для образования слов могут быть достаточно очевидны, как только будет показано значение букв. Таким образом, любой недостаток знаний является лишь недостатком в том смысле, что он ограничивает область, из которой можно выбирать иллюстрации. Я счел необходимым предварить то, что я должен сказать, этим признанием, чтобы точно показать позицию, на которой я стою. Соответствия между звуками и силами были впервые выявлены, и изучение арийских корней доказало, что ключ можно применить.

Примечание: В статье, появившейся в Theosophist в декабре 1887 г., я попытался с помощью моего друга мистера Часа. Джонстон, чтобы выдвинуть некоторые идеи, которые составляют предмет этой статьи. Из-за многочисленных опечаток, которые сделали его непонятным, я счел необходимым полностью переписать его. -G.W.R. ----

На этом этапе желательно рассмотреть, как возникали соответствия между такими, на первый взгляд, разнообразными вещами, как звуки, формы, цвета и силы. Очевидно, что они могли возникнуть только благодаря существованию общей и первичной причины, отражающейся повсюду в различных элементах и различных формах жизни. Это изначальное единство лежит в основе всей оккультной философии и науки; Единое становится Многим; идеи, скрытые во Вселенском Разуме, выбрасываются наружу в проявлении. В "Бхагавад-гите" (гл. IV) Кришна заявляет: "Хотя я и нерожденный, обладающий неизменной сущностью и владыка всего сущего, все же, правя природой, которая принадлежит мне, я рожден лишь благодаря моей собственной майе, мистической силе самоидеации, вечной мысли в вечном разуме". "Я создаю вселенную с помощью единственной части самого себя и остаюсь отдельным", - говорит он позже, и, таким образом, руководя, он становится причиной появления различных качеств. "Я нахожусь во вкусе воды, свете солнца и луны, мистическом слоге ОМ во всех Ведах, звуке в пространстве, мужской сущности в мужчинах, сладком запахе земли, яркости огня" и т.д. Таким образом, изливаясь из одного источника, мы должны ожидать, что обнаружим соответствия, пронизывающие всю природу; мы должны ожидать, что все эти вещи способны к корреляции. Сосуществуя с проявлением, возникают идеи времени и пространства, и эти качества, атрибуты или силы, которые скрыты и объединены в зародыше мысли, претерпевают двойную трансформацию; они появляются последовательно во времени, и то, что мы называем эволюцией, прогрессирует кальпу за кальпой и манвантарой за манвантарой: настроения, доминирующие в эти периоды, воплощаются в материи, которая претерпевает бесконечные трансформации и принимает все формы, воплощая эти состояния сознания.

Порядок, в котором проявляются эти силы, провозглашен в Пуранах, Упанишадах и тантрических трудах. Это та абстрактная формула эволюции, которую мы можем одинаково применять как к великим, так и к малым явлениям в природе. Это можно утверждать многими способами, но, короче говоря, сначала существует одна божественная Субстанция - Принцип, Пламя, Движение или Великое Дыхание; из нее исходят элементы Акаша, эфир, огонь, воздух, вода и земля; духовные качества постепенно ослабевают в них по мере удаления от их божественного источника; это нисхождение в материю, низшая ступень проявления. "Укрепившись в своем последнем принципе как грубая материя, она вращается вокруг себя и наполняет седьмой эманацией последний, первый и низший элемент". (S.D. I, стр. 297) Это превращение высшего в низшее побуждает жизнь подниматься вверх через минеральное, растительное, животное и человеческое царства, пока не достигнет кульминации в духовности и самосознании. Здесь нет необходимости вдаваться в подробности, достаточно сказать, что элементы в природе начинаются как пассивные качества, их эфирная природа становится грубой, затем позитивной и, наконец, духовной, и эта абстрактная формула справедлива для всего в природе. Эти изменения, происходящие во Вселенной, повторяются в человеке, в его микрокосме, космическая сила, действующая на материю и создающая системы солнц и планет, действующая в нем, повторяется и создает сложный организм, который соответствует своему космическому аналогу. Индивидуальный дух Пуруша обитает в сердце каждого создания, его силы излучаются повсюду; они пронизывают различные принципы или проводники; они действуют через органы чувств; они воздействуют на различные сплетения;

каждый принцип и орган специализирован как проводник для определенной силы или состояния сознания. Все звуки, которые мы можем произносить, имеют свое значение; они выражают настроение; они создают формы; они пробуждают к активной жизни внутри нас духовные и психические силы, которые сосредоточены в различных частях тела. Следовательно, весь организм человека насквозь пронизан такими соответствиями; наши мысли, эмоции, ощущения, силы, которые мы используем, цвета и звуки, действующие на разных планах, - все это соотносится между собой, а также связано с силами, развивающимися вокруг нас, в которых мы живем и движемся. Мы находим, что такие соответствия составляют предмет многих Упанишад и других оккультных трактатов; например, в Яджнавалкьясамхите, трактате по философии йоги, мы находим звук "Ра", связанный с элементом огня, Теджас Татвой, с Богом Рудрой, с центром в теле чуть ниже сердца. Другие книги добавляют, в качестве соответствия Теджас Татве, что его цвет красный, вкус острый, форма треугольная, а сила - расширение. Соответствия, приведенные в разных трактатах, часто различаются; но что мы можем сделать с уверенностью, так это то, что, должно быть, существовала целостная наука по этому предмету; взаимосвязь звука с подобными вещами, однажды понятая, является ключом, объясняющим не только магическую силу звука, но и структуру тех корней, которые остаются как реликвии примитивной арийской речи.

Мыслящий принцип в человеке, воспринимающий природу через свои проводники, тонкое, астральное и грубое физическое тела, преобразует эти ощущения в свой собственный набор соответствий: этот принцип в человеке, называемый Манасом, связан с элементом акаша, свойством которого является звук; Манас движется в акаше, и поэтому все идеи, которые входят в ум, пробуждают свои соответствия и немедленно отражаются в звуке. Давайте возьмем в качестве примера восприятие красного цвета; это сообщение разуму вызвало бы вибрацию, вызывающую выброс звука наружу в ментальном проявлении, и таким образом возник бы импульс произнести букву R, соответствующую этому цвету. Этот Манасический принцип в человеке, истинное Эго, вечен по своей природе; оно существует до и после тела, что-то передается ему от каждого воплощения; и поэтому, поскольку в теле человека присутствует эта долго путешествовавшая душа, несущая с собой следы своего вечного прошлого, эти буквы, являющиеся элементами ее речи, запечатлели в них соответствие не только с силами, естественными для ее преходящего окружения, но также и с той более обширной эволюцией природы, в которой она принимала участие. Эти соответствия требуют нашего внимания далее.

Предложенные здесь соответствия, я думаю, вовсе не исчерпывают возможного значения какой-либо из букв. Каждый звук должен иметь семичное отношение к планам сознания и различиям жизни, силы и материи на каждом из них. Полное овладение ими позволило бы познающему направлять различные потоки силы и контролировать элементарного познающего, чтобы направлять различные потоки силы, и контролировать элементарных существ, живущих на астральных планах, ибо они отвечают, как нам сказано, "когда вибрирует точная шкала бытия, к которой они принадлежат, будь то цвет, форма, звук или что-либо еще" (Path, May, 1886), Этим высшим интерпретациям, которые я не могу дать; для этого требуется, чтобы более глубокое существо знало более глубокий смысл. Прилагаемые здесь тексты могут оказаться наводящими на размышления; я не претендую на их окончательность или авторитетность, но они могут быть интересны изучающим оккультные упанишады, где постоянно говорится о мистической силе звука.

Наилучший метод расположения букв - начинать с А и заканчивать М или ОО: между ними лежат все остальные буквы, и их последовательный порядок определяется их духовными или материальными качествами. После А мы получаем буквы с эфирным или текучим звучанием, такие как R, H, L или Y; они постепенно становятся более жесткими по мере прохождения от А, следуя естественному порядку в этом. На полпути мы получаем такие буквы, как K, J, TCHAY, S или ISH; затем они становятся мягче, а губные, такие как F, B и M, приобретают что-то от музыкальных качеств предыдущих звуков. Если мы расположим их таким образом, окажется, что это очень близко соответствует фактическому порядку, в котором звуки возникают в процессе образования. Тогда мы начнем с

А — Это представляет Бога, творческую силу, Самость, "Я", начало или первопричину. "Среди букв Я - гласная А", - говорит Кришна в "Багаваде". Она не имеет цвета, числа или формы.

R — Это движение, воздух, дыхание или дух; это также абстрактное желание, и здесь мы находим учение Ригведы в гармонии. "В Нем впервые возникло желание, которое было первичным зародышем разума и которое мудрецы, исследуя своим интеллектом, обнаружили в своих сердцах как связь, соединяющую Сущность с не-Сущностью". Соответствующий цвет этой буквы - красный.

H (hay) и L-Движение пробуждают Тепло и Свет, которые соответствуют соответственно H и L. Этот изначальный океан бытия, говорится в книге Дзиан, был "огнем, теплом и движением", которые объясняются как ноуменальные сущности этих материальных проявлений. Цвет H оранжевый, L желтый. L также передает ощущение излучения.

Y (да) — Эта буква обозначает сгущение, сближение, силу притяжения, сродство. Материя на стадии эволюции, к которой это относится, газообразная, туманная или эфирная: огненные туманы в космосе собираются вместе, образуя миры. Цвет Y - зеленый.

W (путь) — Вода - следующий элемент в проявлении: в космической эволюции о ней говорят как о хаосе, великой Бездне; ее цвет, я думаю, индиго. После этой стадии элементы проявляются уже не поодиночке, а парами или с двойным аспектом.

G (голубой) и K — Отражение и Твердость; вещество становится кристаллическим или металлическим: соответствующий цвет синий.

S и Z — дальнейшее различие; материя атомарна: этим буквам придается абстрактное значение числа или семени: их цвет фиолетовый.

Джей и Чай—Земля и грубая Субстанция: это низшая точка эволюции; миры сейчас сконденсировались в твердую материю. Цвет этих букв оранжевый.

N и Ng — Здесь начинают действовать какие-то новые силы; соответствующие звуки, я думаю, имеют значение продолжения и трансформации или изменения: эти новые силы продвигают эволюцию по восходящей дуге: их цвет желтый.

D и T — Цвет этих букв красный. Начинается инволюция высших сил в низшие формы, о которых говорилось ранее. D представляет собой это вливание жизни в материю; это нисхождение и инволюция, возможно, смерть или забвение на время воплощающейся силы. Это эволюция, восходящее движение, порождающее жизнь; заключенные в нем энергии вырываются наружу, и начинается растительность.

Иф и Иш - Они соответствуют соответственно росту или расширению и растительности; земля, как сказано в Книге Бытия, "произрастает траву, и злаки, и деревья, приносящие плоды". Цвет этих букв - зеленый.

В и Р — После флоры - фауна. В - Жизнь или Существо, животное и человек. Появляется Человечество; В - мужской род, Р - женский. Р также имеет значение разделения, дифференциации или производства, что может относиться к материнству. Цвет здесь синий.

Ғ и V — фиолетовый цвет. Эволюция продолжает двигаться вверх, снова входя в эфирные планы. Легкость и необъятность являются характеристиками этой стадии: мы начинаем пронизывать частью нашей природы высшие сферы бытия и достигаем завершения на последней стадии, представленной

М — которое имеет много значений; считается, что это конец или смерть личности, это Приемник, в который все течет, это также Символ материнства во всеобщем смысле, оно имеет это значение, когда жизненный импульс (который всегда представлен гласной) следует за ним, как в "ма". Это Пралайя миров; губы смыкаются, когда это произносится. Его цвет - индиго.

О — Последний гласный звук символизирует абстрактное пространство, дух снова облачается в одеяние изначальной материи; это Нирвана восточной философии.

Теперь я попытаюсь показать, как абстрактное значение этих звуков раскрывает более глубокий смысл в корнях арийского языка, чем это обычно допускают филологи. Проф. Дж. Макс Мюллер говорит во введении к "Биографиям слов". "О конечных элементах в смысле первичных элементов языка мы никогда не можем надеяться что-либо узнать", и он также утверждает, что корни не поддаются дальнейшему анализу. Сейчас я попытаюсь показать, что этот дальнейший анализ может быть проведен.

Меня не следует понимать так, что все так называемые корни при анализе могут придать им тайный смысл. Не все филологи согласны относительно того, что представляет собой корень или какие слова являются корнями, и в условиях этой общей неопределенности не следует ожидать, что эти соответствия, которые, как я уже сказал, не являются полными, будут применимы в каждом конкретном случае. Есть много других вещей, которые усугубляют трудность; часто оказывается, что корень имеет очень много различных значений; некоторые из них могли возникнуть так, как я предлагаю, и многие другие являются производными от первичных значений и поэтому вообще не являются интуитивными. Необходимо будет использовать интуицию, чтобы обнаружить, какие ощущения, вероятно, будут вызваны восприятием действия или объекта; или, если корень имеет абстрактное значение, мысль должна быть проанализирована, чтобы обнаружить ее существенные элементы. Ранее я описал способ, которым, по моему мнению, одно ощущение, восприятие красного цвета, предполагает соответствие ему в звуке, букве R. Там, где идея более сложна, для ее выражения необходима комбинация двух, трех или четырех звуков, но все они возникают одним и тем же способом. Читатель, желающий доказать истинность выдвинутой здесь теории, может воспользоваться любым из двух методов; он может применить соответствия к корням, или он может попытаться сам создать слова, выражающие простые, элементарные идеи, комбинируя необходимые буквы; и тогда, если он обратится к корням, он, вероятно, обнаружит, что многие из слов, созданных им таким образом, на самом деле использовались давным-давно, и этот метод позволит ему легче понять, в каком смысле или на каком плане следует использовать ту или

иную букву. Я думаю, вероятно, что на Священном языке, упомянутом выше, это можно было бы сразу распознать по различию в интонации голоса. Возможно, это было в какой-то степени пережитком песнопений, которые были отличительной чертой речи Второй расы. (Тайная доктрина, т. II, стр. 198) В письменном языке нелегко обнаружить это без долгих размышлений, если только предварительно не были предприняты попытки вновь пробудить способность интуитивной речи, которой мы раньше обладали и которая стала атрофированной.

Здесь невозможно вдаваться в подробный анализ корней: я могу только проиллюстрировать метод, который будет более точно применяться там, где корни выражают большинство элементарных концепций. Давайте возьмем в качестве примера корень Wal, означающий "кипятить". Кипячение вызывается действием огня на воду, и здесь мы находим объединенные буквы W, вода, и L, свет или огонь. На войне, чтобы забить как родник, звуки воды и движения объединяются. Аналогичная идея выражена в слове Wat, to well out; абстрактное значение слова T, которое состоит в том, чтобы развиваться, выходить или проявляться, здесь применяется к особому действию. Хороший метод, которому следует следовать, чтобы понять, как чистое абстрактное значение буквы может применяться многими различными способами, - это взять некоторые корни, в которых выделяется какая-либо одна буква, и затем сравнить их. Давайте возьмем D. Это имеет абстрактное отношение к инволюции или вливанию; это можно рассматривать двояко, либо как положительное, либо как отрицательное; как применение силы или получение силы. Теперь я думаю, что если мы сравним следующие корни, то обнаружим сходство действий, лежащее в основе их всех. Id - набухать; Ad - есть; Dhu - класть; Da - связывать; Ad- нюхать; Du - входить; Da - сосать.

Я не собираюсь здесь исчерпывающе анализировать корни, поскольку это не эссе по филологии, а попытка прояснить некоторые тайны звука; те, кто желает изучить эту сторону предмета более полно, могут изучить в этом свете примитивные языки. Должно быть достаточно еще нескольких примеров. Корень Mar, умирать, может по-разному интерпретироваться как прекращение движения, прекращение дыхания или уход духа, R выражая то, что на различных планах является движением, духом, воздухом и дыханием. В Bur сочетаются быть активным, жизнь и движение; в Gla - свечение, отражение и свет; та же идея присутствует в Gol, озере. Мы находим, что в Kar сочетаются измельчение, твердость и движение: в Thaḥ - генерирование, расширение и нагрев; в Rak - расчесывание, разделение и твердость, предполагается разделение каким-либо твердым предметом; та же идея содержится в Pik - резать. В Pis, "колотить", буквы, обозначающие разделение и материю в ее молекулярном состоянии, объединены: в Fath, "летать", легкость и расширение; в Yas, "опоясывать", сближение и число; в Rab, "быть неистовым", энергия и жизнь; в Rip, "ломать", энергия и разделение. В юдхе "сражаться", возможно, подразумевается значение "объединяться, чтобы уничтожить". Без дальнейшего анализа читатель сможет обнаружить связь, которую абстракции, соответствующие каждой букве, имеют с определенным применением в следующих словах. Ак, быть острым; АНК, согнуть; рни, разжечь; Ар, двигаться; Аль, сжигать; Ка, точить; харь, чтобы сжечь; ку, чтобы высечь; СБ, производить; Гал, чтобы быть желтого или зеленого цвета; Гхар, чтобы быть желтого или зеленого цвета; Тхак, к оттепели; деготь, пройти; Чт, набухать; Дак, укусить; НАК, погибнуть; па, питать, кормить; номинал, в избытке; Пи, отекающий, быть толстым; ПУ, для того чтобы очистить; искусственная кожа, порождать; Пау, мало говоря, распухать; грипп, летать, плавать; - бере, носить с собой; БХУ, чтобы быть, стать; бла, чтобы взорвать, как цветок; Ма, думать; Мак, толочь; Ми, приуменьшать; му, заткнуться, обнести; Яс, бурлить, бродить; Ю. С., связать воедино, для смешивания; ОО "ЮК", с гнетом, чтобы присоединиться к; Ра, любить;

Рик, к борозде; луг, светить; Рудь, краснеть, чтобы быть красным; луб, похоти [?]; Лу, чтобы сбросить с; вилить, чтобы быть влажным; ВИМ, выплюнуть, так что, сеять, разбрасывать; Сак, резать, расщеплять; СУ, чтобы генерировать; СВА, чтобы бросить; Swal, назревать; СКА, отрезать; Скап, чтобы высечь; Sniw, снег; изрыгать, выплевывать; Swid, вспотеть; и т. д. Теперь может оказаться интересным анализ некоторых священных слов и имен божеств.

Было сказано, что прежде чем мы сможем должным образом понять характер любого божества, мы должны были бы знать значение и цифры, прикрепленные к каждой букве в имени, поскольку таким образом были обозначены силы и функции различных богов. Если мы возьмем в качестве примеров имена, знакомые каждому, Брахма, Вишну и Рудра, три аспекта Парабрахмана в проявлении, и проанализируем их таким же образом, как корни, то обнаружим, что они раскрывают свое основное значение. Образуя союз Б, жизни, Р, дыхания, и Ма, производителя, я бы перевел Брахму как "созидательное дыхание жизни". Вишну, по аналогичному анализу, является силой, которая "проникает, расширяет и сохраняет"; Я вывожу это из союза V, сила которого - это проникновение, Sh - расширение, и N - продолжение. Рудра - это "дыхание, которое поглощает дыхание". Аум - самое священное имя из всех имен; считается, что оно символизирует действие Великого дыхания от его зарождения до его завершения: это начало, А, середина, У и завершение М. Это также подтверждение связи нашей духовной природы со Вселенским Божеством, аспектами которого являются Брахма, Вишну и Рудра. Позже мне будет что сказать об оккультной силе этого слова. В сочетании с двумя другими словами это "тройственное обозначение Высшего Существа". Ом Тат Сат имеет значение, относящееся к еще более высокому аспекту Божества, чем эта другая Троица; Ом здесь означает, что это Все; Тат, что оно самосуще или саморазвилось; я думаю, повторение Т в Тат придает ему это значение: Сат означало бы, что в нем содержатся семена всего проявления. Е.П. Блаватская переводит это слово как Бытие, что, по-видимому, является другим способом выражения той же идеи. Мистическое заклинание, знакомое всем изучающим Упанишады, "Ом, бхур, Ом, Бхвар, Ом, Свар", является утверждением существования Божественного "Я" во всех трех мирах, или Локах. Лока обычно переводится как место; буквы наводят меня на мысль, что место или мир - это всего лишь затвердевание или кристаллизация Огня или Света. В Бхурлоке кристаллизация изначального элемента Огня оставляет активным только один принцип, жизненный принцип, обычно называемый Праной. Таким образом, Бхурлока - это место, где активна жизнь; у нас есть В, жизнь, и R, движение, чтобы предположить это. В слово Бхувар вставлена новая буква V: эта буква, как я уже сказал, соответствует Астральному миру, поэтому Бхувар Лока - это место, где активны как Астральный, так и Жизненный принципы. Труднее перевести Svar Loka: букве S здесь придается какое-то значение, которое я не могу уловить. Это могло бы означать, что этот мир содержит зародыши Астральной жизни; но это не кажется достаточно отчетливым, Свар Лока обычно известна как Дэвачан, и все заклинание означало бы, что Божество присутствует во всем Праническом, Астральном и Дэвачаническом мирах. Интересно отметить, что сказано в Глоссарии Е.П.Б. об этих трех словах (стр. 367): говорится, что они "зажжены огнем и рождены из него" и обладают созидательной силой. Повторение их с надлежащим ударением должно пробудить в оккультисте силы, соответствующие трем мирам. Я думаю, что на этих примерах изучающий сможет приблизиться к истинному значению заклинания; те, кто понимает оккультное значение цветов, прикрепленных к буквам, смогут глубже других проникнуть в эти тайны.

Здесь я могу сказать кое-что об общей философии заклинаний. Говорят, что в природе существует однородный звук или тон, который повсюду побуждает молекулы к активности. Это

"Слово", которое, по словам Святого Иоанна, было в начале (план причинности); в другом смысле это Акаша оккультной науки, элемент звука, это пифагорейская "музыка сфер". Вселенная построена, сформирована и поддерживается этим элементом, который присутствует повсюду, хотя и не слышен большинству людей на данной стадии эволюции. Это не звук для физических ушей, но глубоко в сердце иногда можно услышать "мистические звуки высот Акаши". Слово Аум представляет этот однородный звук, оно пробуждает скрытую в нем силу, называемую Ягьей. В Глоссарии говорится, что это "одна из форм Акаши, внутри которой мистическое слово вызывает ее к существованию": это мост, посредством которого душа может перейти в мир Бессмертных. Именно об этом говорится в "Нада-Бинду упанишаде". "Ум, становясь нечувствительным к внешним впечатлениям, становится единым со звуком, как молоко с водой, а затем быстро поглощается чидаками (Акашей, где пронизывает сознание). Звук ... служит приманкой для океанских волн Читты (ума) ... змеиная Читта, слушая Наду, полностью поглощается ею и, становясь бессознательной ко всему, концентрирует себя на звуке". Мы можем процитировать далее из другой Упанишады. "Оставив позади тело, органы и объекты чувств, и взяв лук, древко которого - сила духа, а тетива - аскетизм, и убив стрелой свободы от эгоизма первого хранителя, ... он пересекает с помощью лодки Ом другую сторону эфира в сердце, и когда эфир раскрывается, он медленно входит, как рудокоп, ищущий минералы, входит в шахту, в зал Брахмана. ... Отныне, чистый, непорочный, бездыханный, бесконечный, нетленный, твердый, нерожденный и независимый, он стоит в своем собственном величии, и, увидев Себя стоящим в своем собственном величии, он смотрит на колесо мира".

Пусть никто не думает, что это все, и что простое повторение слов принесет что угодно, кроме вреда тем, кто пытается использовать эти методы без дальнейших знаний. Было сказано (Path, апрель 1887 г.), что Милосердие, Преданность и подобные добродетели являются структурными потребностями в природе человека, который предпринял бы эту попытку. Мы не можем, пока вся природа не очистится долгими служениями и жертвоприношениями и не достигнет настроения, одновременно полного благоговения и напряженной воли, стать чувствительными к тонким силам, которыми обладает духовная душа.

То, что здесь сказано об Аум, который является именем нашего собственного Бога, и о том, каким образом оно извлекает скрытую силу, послужит иллюстрацией метода другими словами. В Тара-Сара Упанишаде Сукла-Яджур Веды говорится: "Через Ом рождается Брахма; через Нарождается Вишну; через Ма рождается Рудра и т.д.". Все это имена богов; они соответствуют силам в человеке и природе, при их использовании они объединяются, и человек поднимается вверх, к Бессмертным.

Я был вынужден сжать то, что я должен был сказать в этих статьях, я смог только предложить, а не выдвинуть идеи, поскольку мои собственные знания об этих соответствиях очень неполны. Насколько я знаю, эта тема до сих пор не затрагивалась, и это должно служить мне оправданием скудного характера предоставленной информации. Позже я надеюсь рассмотреть связь звука и цвета с формой и показать, как эти соответствия позволят нам понять язык, на котором боги говорят с нами через цветы, деревья и природные формы. Я надеюсь также показать, что именно знание отношения звука к форме определяло форму букв во многих первобытных алфавитах.

На заре Калиюги *

Там, где мы вместе сидели в тот вечер на склоне холма, дул слабый ветер, а воздух был затянут легким туманом. Огромный загорелый склон, на котором мы сидели, был покрыт редкими спицами травы; он спускался в туманную даль вниз, где смутно виднелась деревня, окутанная завесами ленивого дыма. Дальше была более голубая тень и более глубокая глубина, из которой, гора за горой, поднимались священные высоты Гималаев сквозь усыпанные звездами зоны серебристого и сапфирового воздуха. Как весело было на наших сердцах! Тихая радость земли ускорила их биение. Какие сказочные фантазии, чередующиеся с нежнейшим смехом, срывались с детских уст! В нас Золотой век прошептал свои последние слова и ушел. Взошла белая луна, ее пыльно-жемчужные лучи косо прорезали темноту от старой горы до наших ног. "Мост!" - закричали мы. "Примаवि́та, которая мечтает стать скайуокером, вот тебе мост!"

Примави́та только улыбался; он всегда был молчалив; он смотрел на веселые лиги пульсирующего света, которые вели к лучезарной тайне. Мы продолжали смеяться и болтать; затем Примави́та нарушил свое молчание.

"Вьясса, - сказал он, - я вышел в раздумье, я вышел на свет, но это был не тот свет. Я чувствовала себя феей; Я сверкала лазурью и сиренью; я шла вперед, и мое сердце билось от тоски, сама не зная по чему, и я мчалась все дальше и дальше, пока желание не осталось, и я не остановилась, и свет не заглянул в меня, полный смысла. Я чувствовала себя искрой, и танец моря радости уносил меня все выше, выше, выше!"

"Примави́та, кто может понять тебя?" - сказала его младшая сестра Вина. - "Ты всегда говоришь о вещах, которых никто не видит; Вьясса, спой для нас".

"Да! да! пусть Вьясса споет!" — закричали они все; и они кричали и кричали, пока я не начал: -

"Призрачными лепестками, подобно лотосу, возвышаются горы с их снегами:
Сквозь восходящую сапфировую Сому изливается такой поток славы,
Как когда первый в желтом великолепии Брахма поднялся из лотоса.

"Высоко над темнеющими холмами, где гаснут волшебные огни дня,
Все жители крошечной планеты машут нам издалека;
Взволнованные дыханием Брахмы, они искрятся волшебством геи.

"Брахма, в полном одиночестве пребывающий в радости, мечтает о радостях, которые царят в космосе,
Сопровождает все кружащееся великолепие к месту их упокоения,
Где, наконец, в чудесной тишине звездная раса сливается воедино".

"Вьясса точно такой же, как Примави́та, сегодня ночью он полон мечтаний", - сказала Вина. И действительно, я был полон мечтаний; весь мой смех затих; смутное и неопишное беспокойство охватило меня; вселенский воздух вокруг, казалось, был взволнован движением неведомых сил. Некоторое время мы сидели молча; затем Примави́та воскликнула: "О, смотрите, смотрите, смотрите, Дэвы! яркие личности! они наполняют воздух своим сиянием".

Мы видели, как они проходили мимо, и были опечалены, ибо они были полны торжественного величия; над головой небесных певцов раздавалось пение, полное агонии прощания и ухода, и мы поняли из их песни, что боги вот-вот покинут землю, которая никогда больше и на века не станет свидетелем их прихода. Земля и воздух вокруг, казалось, дрожали от боли. Дрожа, мы сблизилась на склоне холма, в то время как сияние Дэвов приближалось и удалялось; и ясные, холодные и яркие, как всегда, вечные созвездия, которые меняются или не плачут, засияли, и мы остались наедине со своей печалью. Охваченные благоговейным страхом, мы должны были заговорить, но мы прижались теснее друг к другу и почувствовали утешение друг в друге; и так, скорчившись в тишине; внутри себя я услышала, словно издалека, ноту более глубокой тоски, подобную звуку рога, вырвавшегося из сердца древней Матери над погибшим героем: в ужасный момент я увидела смерть и мучения; он был точкой опоры ее души, светом, которым она хотела сиять среди людей. То, что последует за грядущими темными веками, вставало передо мной в виде темных, переполняющих картин; подобно прибою гигантского океана, они колыхались на фоне небес, увенчанные смутными, гигантскими и воюющими фигурами. Я видел каменных воинов, мчащихся на битву; я слышал их свирепый хохот, когда они скакали верхом по растоптанному врагу; я видел, как поднимался дым от ужасного пожара, и все гуще и чернее становились просторы, и тут и там виднелось сияние сердца какого-то героя, которое поддерживало в себе истинный свет. Я повернулся к Примавите, который присел на корточки рядом со мной: он видел вместе со мной видение за видением, но за густыми черными веками, которые лишали меня надежды, он видел воскресение Истинных и возвращение богов домой. Все это он рассказал мне позже, но сейчас наши слезы были пролиты вместе. Тогда Примавита поднялся и сказал: "Вьяса, там, где сияли огни, где они сражались за Истину, там мы с тобой должны сражаться; ибо от них исходит свет нового дня, который забрезжит за тьмой". Я увидел, что он больше не был мечтателем; его лицо было твердым и выражало великую решимость. Я не мог понять его, но я решил следовать за ним, бороться за то, за что боролся он, работать с ним, жить с ним, умереть с ним; и вот, размышляя и пытаясь понять, мои мысли вернулись к той печали матери, которую я впервые почувствовал. Я видел, как мы делим с ней радость или горе, и, охваченный вдохновением от ее горя, я пел о ее любимом человеке: —

"Становится ли земля серой от горя
Из-За того, Что ее герой, дорогая, сбежал?
Хотя в ее долинах не упало ни единого листка,
В наших сердцах льются ее слезы.

"Звезды все еще смеются в вышине,
Не им сказано о ее горе;
Оплакивая ее героическую любовь,
В наших сердцах льются ее слезы.

"Мы, ее дети, скорбим о нем,
Скорбим о погибшем старшем герое;
В серых и тусклых сумерках
В наших сердцах льются слезы".

"Вьясса, - сказали они, - ты разобьешь нам сердца". И мы сидели в тишине и еще более глубокой печали, пока не услышали усталые голоса, зовущие нас из темноты внизу: "Примавита! Вьясса! Чандра! Парвати! Вина! Васудева!" - выкрикивая все наши имена. Мы спустились в наши дома в долине; широта славы покинула этот мир, и наши сердца были полны большого горя, присущего детям.

— 15 октября 1893 г.

----- * Примечание—Калиюга. Четвертый, черный или железный век, наш нынешний период, продолжительность которого составляет 432 000 лет. Это началось за 3102 года до нашей эры в момент смерти Кришны, и первый цикл из 5000 лет закончится между 1897 и 1898 годами. -----

Медитация Парвати

Парвата поднялся со своего места под баньяновым деревом. Он неуверенно провел рукой по лбу. В течение всего дня молодой аскет был погружен в глубокую медитацию, и теперь, вернувшись с небес на землю, он был ошеломлен, как человек, который просыпается в темноте и не знает, где он находится. Весь день перед его внутренним взором горел свет Лока, пока он не устал и не изнемог от их великолепия; пространство сияло, как алмаз, с невыносимым блеском, и не было конца ослепительным процессиям фигур. Он видел огненные сны умерших в Сваргаме. Его мучило сладостное пение гандхарвов, чья хоровая песня отражала в своей ряби ритмичный пульс Бытия. Он видел, как сферы, вмещавшие их, были заключены в светящиеся сферы еще более широкого круга, и все обширнее и обширнее становились перспективы, и все меньше казалась душа при взгляде, пока, наконец, всего лишь крупинка жизни, не взвалила на себя бремя бесчисленных миров. Ища Брахму, он нашел только великую иллюзию, столь же бесконечную, как и существо Брахмы.

Если все это были тени, то земля и леса, в которые он возвращался вечером, казались еще более нереальными, простым сумеречным трепетом крыльев мотылька в космосе. Призрачный и мимолетный, если бы он погрузился, как сквозь прозрачность, в пустоту, это не было бы чудесно. Парвати повернул домой, все еще наполовину пребывая в трансе: пробираясь по тусклым аллеям, он не замечал горящих глаз, которые смотрели на него из мрака; змей, шуршащих в подлеске; ящериц, светлячков, насекомых - бесчисленных существ, о которых ходили слухи по индийским лесам; они тоже были всего лишь тенями. В полубессознательном состоянии он остановился у деревни, услышав звуки человеческих голосов, играющих детей. Он почувствовал прилив жалости к этим крошечным существам, которые боролись и кричали, перекачиваясь друг через друга в экстазе радости; великая иллюзия действительно поглотила их, которым когда-то поклонялись Дэвы. Затем совсем рядом с собой он услышал голос; его низкие тона, его благоговение успокоили его: в нем было что-то родственное его собственной натуре; он полностью пробудил его. Небольшая толпа из пяти или шести человек молча слушала старика, который читал по рукописи из пальмовых листьев. Парвати узнала его орден по оранжевым одеждам, которые он носил; Бхикшу новой веры. В чем было его заблуждение?

Старик на мгновение поднял голову, когда аскет подошел ближе, а затем продолжил, как и прежде. Он читал "Легенду о Великом Царе Славы". Парвати слушала его, постигая с быстрой интуицией и тонкостью мистика внутренний смысл Чудесного Колеса, слоновьего Сокровища, Озера и дворца Праведности. Он следовал за говорившим, понимая все, пока не дошел до медитации Царя: тогда он услышал с трепещущим сердцем, как "Великий Царь Славы вошел в

золотую комнату и опустился на серебряное ложе. И он позволил своему разуму наполнить одну четверть мира мыслями о Любви: и так во второй четверти, и так в третьей, и так в четвертой. И таким образом, весь огромный мир, вверху, внизу, вокруг и повсюду, он продолжал наполнять сердце Любовью, далеко идущей, ставшей великой и безмерной ". Когда старый Бхикшу закончился, Парвати поднялась и снова ушла в лес. Он нашел секрет Истины — оставить позади просторы и войти в Существо. Другая легенда всплыла в его сознании, сказочная легенда о праведности, расширяющейся и наполняющей вселенную, видение, прекрасное и полное древнего очарования; его сердце пело внутри него. Он снова сел под баньяновым деревом; он воспрянул душой; он увидел перед собой давно забытые образы тех, кто страдает на скорбной старой земле; он увидел запустение и одиночество старости, оскорбления пленника, страдания прокаженного и отверженного, ледяной ужас и темноту жизни в темнице. Он впитал всю их скорбь. От всего сердца он обратился к ним. Любовь, вспыхнувшее неистовое и нежное пламя; жалость, дыхание необъятного; сочувствие, рожденное единством. Этот тройной огонь посылал свои лучи; они окружали эти темные души; они пронизывали их; они сокрушали угнетение.

В то время как Парвати с помощью духовной магии посылала исцеляющие силы, далеко отсюда в этот момент, в своем зале, на троне восседал король. Перед ним был связанный пленник; связанный, но гордый, непокорный, с непобедимой душой. В зале воцарилась тишина, пока король не произнес приговор, пытку для этого древнего врага. Король сказал: "Я думал совершить с тобой какую-нибудь жестокую вещь и так закончить твои дни, враг мой. Но я с грустью вспоминаю о великом зле, которое мы причинили друг другу, и о сердцах, разбитых нашей ненавистью. Я больше не причиню тебе зла. Ты свободен уйти. Делай, что хочешь. Я возьму тебе, насколько возможно, твое разрушенное состояние". Тогда душа, которую не могла покорить никакая сила, была покорена, и колени преклонились; его гордость была побеждена. - Мой брат! - сказал он и больше ничего не смог сказать.

Наблюдать в течение многих лет за маленькой узкой щелью высоко в темной камере, так высоко, что он не мог протянуть руку и выглянуть наружу; и видеть, как небо ежедневно меняет цвет с голубого на темный, иссушило душу этого заключенного. Горьких слез больше не было; почти даже печали; только тупое, мертвое чувство. Но в тот день у него вырвался громкий стон: он услышал снаружи смех ребенка, который играл и собирал цветы под высокими серыми стенами: тогда все это нахлынуло на него, божественных вещей не хватало, света, славы и красоты, которые земля дарит своим детям. Узкая щель потемнела: показалась половина маленького бронзового личика.

"Кто ты там, в темноте, кто так вздыхаешь? Ты там совсем один? Столько лет! Ах, бедняга! Я бы спустился к вам, если бы мог, но я посижу здесь и поговорю с вами некоторое время. Вот тебе цветы", - и маленькая ручка рассыпала их пригоршнями; комната наполнилась опьяняющим ароматом лета. День за днем появлялся ребенок, и тупое сердце снова проникалось человеческой любовью.

В сумерках у глубокой и широкой реки одиноко сидела пожилая женщина, мечтательная и полная воспоминаний. Огни быстро проплывающих лодок и огни звезд были такими же, как в детстве и во времена старой любви. Старой, немощной, ей пора было спешить прочь из этого места, которое не изменилось вместе с ее горем.

"Видишь там нашу старую соседку?" - спросила Айша своего возлюбленного. - Говорят, когда-то она была такой же красивой, какой ты заставляешь меня думать о себе сейчас. Как ей, должно быть, одиноко! Давайте подойдем поближе и поговорим с ней"; и влюбленный с радостью ушел. Хотя они разговаривали скорее друг с другом, чем с ней, все же что-то из прошлого - которое никогда не умирает, когда им овладевает бессмертная любовь, — снова воскресло, когда она услышала их голоса. Она улыбнулась, думая о годах жгучей красоты.

Учитель в сопровождении своих учеников проходил мимо дороги, где сидел прокаженный. Учитель сказал: "Вот наш брат, которого мы не можем трогать. Но ему не нужно закрываться от истины. Мы можем сесть там, где он сможет слушать ". Он сел на обочине рядом с прокаженным, а его чела встали вокруг него. Он произносил слова, полные любви, доброты и сострадания, вечные истины, которые наполняют душу нежностью и молодостью. Маленькое старое пятнышко начало светиться в сердце прокаженного, и слезы потекли по его иссохшим щекам.

Все это были деяния Парвати, аскета; и Наблюдатель, который был над ним всю вечность, сделал большой шаг к этой душе.

— 15 ноября 1893 г.

Беседа у Евфрата

Священник Меродах гулял со мной вечером по берегу великой реки.

"Сейчас ты чувствуешь уныние, - сказал он, - но это было неизбежно. Ты искал результат, равный твоему вдохновению. Ты должен научиться довольствоваться только этим. Наконец, вдохновение придет на каждое мгновение, и в каждом действии проявится божественный огонь".

"Сейчас я чувствую безнадежность. Почему это? Желание и воля не менее сильны, чем раньше".

"Потому что ты искал результат за пределами себя, и, привязанный к внешним вещам, твой разум привлек к себе тонкие сущности земли, которые затуманили его. Но в этом есть нечто большее. У природы есть ритм, и та часть нас, которая состоит из ее элементов, разделяет его. Вас учили, что природа вечно становится: первая эманация в великой глубине - это мудрость: мудрость превращается в желание, и невыразимое стремление выйти наружу затемняет первозданную красоту. Наконец, возникают стихии, слепые, темные, беспокойные. Природа в них воображает себя забывчивой. Этот ритм повторяется в человеке: момент вдохновения — мудрого и ясного, определяем мы; затем нас охватывает великое желание, которое побуждает нас к действию; герой, поэт, влюбленный - все одинаково слушают музыку жизни, а затем пытаются выразить ее словом или делом; соприкасаясь с природой, ее смертоносное влияние усыпляет их; такие сбитые с толку и забывчивые, они задаются вопросом, где Бог. К ним в какой-то момент возвращается старое вдохновение, вселенная становится такой же волшебной и сладостной, как всегда, дается новый импульс, и так они вращаются, извращая и используя, каждый по-своему, космический ритм ".

"Меродах, то, что ты говоришь, похоже на правду, и, оставив в стороне космический ритм, которого я не понимаю, снова определи для меня три состояния".

"Вы не можете по-настоящему понять малое отдельно от великого; но, применяя это к вашему собственному случаю, вы вспоминаете, что у вас был странный опыт, казалось, что внутри вас пробудился Бог. Это прошло; вы ненадолго остановились, полные странного стремления, жаждущие великого; и все же вы смотрели вовне, по ту сторону того первого момента, и в этот второй период, который является взаимообменом и переходом, ваше стремление привлекло к вам те тонкие материальные сущности, о которых я говорил, которые, подобно туману, окружают, притупляют и сбивают с толку разум странными фантазиями формы и ощущения. Каждый раз, когда мы с тоской думаем о каком-либо объекте, эти сущности текут к нам из невидимых сфер и пропитывают нас росой материи: тогда мы забываем о великом, мы спим, мы мертвы или подавлены, как вы подавлены".

Я вздохнул, слушая. Наблюдение за сиюминутными желаниями было первым шагом; я думал о задачах героя как о том, что они ведут вверх, к Богам, но эта бессонная напряженность воли, работающей внутри себя, требовала еще большей выдержки. Я приблизился к месту назначения; я остановился и огляделся; внезапное искушение охватило меня; мир был достаточно прекрасен, чтобы в нем жить. Зачем мне трудиться в погоне за далекой славой? Вавилон казался полным тайн, его храмы и дворцы утопали в сиянии драгоценных камней и вечернем мраке. В далеких высотах туманного великолепия золотые пластины на храмах отбрасывали угасающий свет; в углубляющемся своде заиграло звездное сияние; необъятный гул поднялся с многолюдных улиц; ароматы множества садов у реки овевали меня; я был убаюкан плеском фонтанов. Ближе я услышал голоса, и голос, который я любил: я слушал, как зазвучала песня

"Скажи мне, юный влюбленный,
Любовь - это радость или горе?
Им весело или грустно вместе
По этому пути кто идет?"

В ответ раздался голос

"Сияющий, как освещенное солнцем перо,
Чистые и гордые, они идут;
Со львом смотрят вместе
Рад, что их лица видны".

Моя печаль отступила; скоро я буду среди них и буду гулять и шептаться среди тех роскошных садов, где всегда мечтала прекрасная праздность. Меродах посмотрел на меня.

"Вы обнаружите, что эти мысли будут вам очень мешать", - сказал он.

- Ты имеешь в виду— - Я заколебался, наполовину сбитый с толку, наполовину изумленный. "Я говорю, что мысль, подобная той, что только что вспыхнула в тебе, прогоняя твою печаль, вернется снова, когда ты в следующий раз впадешь в уныние, и поэтому ты приучишь себя находить облегчение в великом поиске, возвращаясь к старой привычке сердца, обновляя то, что следовало бы отложить в сторону. Это желание мужчин и женщин друг к другу - самая крепкая связь среди многих, связывающих нас: ее труднее всего преодолеть. Великие люди земли сами прошли этот путь со слезами на глазах".

— Но, конечно, Меродах, ты не можешь осуждать то, что, я бы сказал, в такой степени является частью нашей природы - всей природы.

"Я не осуждал это, когда сказал, что это самые прочные узы, которые связывают нас здесь: это грех только для тех, кто стремится к свободе".

"Меродах, должны ли мы тогда отказаться от любви?"

"Есть два вида любви, о которых знают мужчины. Есть один, который начинается с внезапного острого восторга — он угасает в бесконечных тонах печали. Есть любовь, которая пробуждается среди мертвых вещей: сначала это холод, но он пускает корни, он согревает, он расширяется, он овладевает вселенскими радостями. Так любит человек: так любит Бог. Те, кто знает эту божественную любовь, воистину мудры. Они любят не то или иное: они - сама любовь. Хорошенько подумайте над этим: сила сама по себе не является атрибутом Богов; в этом великом обществе нет таких страшных призраков. А теперь прощай, мы еще встретимся".

Я проводил взглядом его удаляющуюся фигуру, а потом пошел своей дорогой. Я жаждал той мудрости, которую обретают только те, кто трудится, и борется, и страдает; но я был полон богатой жизни, которая жаждала волнения и самореализации, и в том великом Вавилоне грех не заявлял о себе в своей истинной природе, но все еще был скрыт покровом первозданной красоты.

—15 декабря 1893 г.

Пещера Лилит

Из своей пещеры вышла древняя Лилит, Лилит мудрая, Лилит чародейка. За пределами ее жилища пролежала небольшая тропинка; она вилась среди гор и сверкающих вершин, и перед дверью туда-сюда расхаживал один из Хранительниц Мудрости. Из своей пещеры вышла Лилит, презирая его одиночество, ликуя своей мудростью, выставя напоказ свою сияющую и волшебную красоту.

"Все еще один, звездочет! Неужели твоя мудрость бесполезна? Тебе еще предстоит узнать, что я более могуществен, зная пути заблуждения, чем ты, знающий пути истины".

Мудрый не обратил на нее внимания, но ходил взад и вперед. Его взгляд был обращен к далеким вершинам, обители его братьев. Звездный свет падал на него; сладкий ветерок спускался по горной тропе, развеивая его белое одеяние; он не прекращал своих размышлений. Подобно туману, поднимающемуся между скалами, колыхалась Лилит в своей пещере. Фиолетовое, с серебристыми отблесками ее одеяние; ее лицо было тусклым; над ее головой сияла призрачная диадема, то, что мужчина воображает над головой своей возлюбленной - присмотревшись к ее лицу поближе, он увидел бы, что это была корона, к которой он тянулся, что глаза горели его собственным желанием, что губы были приоткрыты, чтобы уступить тайным желаниям его сердца.

"Скажи мне, чтобы я знал, почему ты ждешь так долго? Я, здесь, в своей пещере между долиной и высотой, закрываю глаза всем, кто проходит мимо. Те, кто случайно выходит к тебе, возвращаются ко мне снова, и только один из десяти тысяч уходит. Мои иллюзии для них слаще истины. Я предлагаю каждой душе ее собственную тень; я плачу им их собственную цену. Я разбогател, хотя в древности меня породили простые пастухи. Люди создали меня; смертные

сделали меня бессмертным. Я возник, как пар, из их первых снов, и с тех пор каждый вздох и каждый смех остаются со мной. Я состою из надежд и страхов. Коварные принцы строят свои планы завоеваний в моей пещере, и там герой мечтает, и там влюбленные всех времен пишут в пламени свою историю. Я мудр, обладаю всем опытом, чтобы искушать, ослеплять, ужасать. Никто не пройдет мимо. Так почему же ты ждешь?"

Хранительница Мудрости посмотрела на нее, и она немного отпрянула, и ее серебристо-фиолетовый цвет немного поблек, но из ее пещеры все еще звучал ее голос:

"Звезды и звездный венец можешь предложить не только ты, и каждое обещание, которое ты даешь, даю и я. Я предлагаю хорошее и плохое безразлично. Влюбленных, поэтов, мистиков и всех, кто хотел бы испить из первого Источника, я обманываю своим миражом. Я была Беатриче, которая вела Данте ввысь: мрак был во мне, и слава тоже была моей, и он не выходил из моей пещеры. Звезды и сияние небес были иллюзией бесконечности, которую я соткала вокруг него. Я запечатлела его душу тенью космоса; в ореховой скорлупе поместился бы фильм. Я затронул тусклые струны сердца многообразной музыкой бытия. Бог в человеке слаще, чем человек в Боге: поэтому он почил во мне".

Она немного помолчала, а затем продолжила.

"Вот этот фантастический парень, который ускользнул от меня — неужели твоя мудрость не могла удержать его? Он вернулся ко мне, полный тоски, и я обвила его руками, как прекрасный меланхолик, и теперь его печаль так же сладка для него, как надежда до его падения. Послушайте его песню." Она снова сделала паузу. Из глубин донесся голос, воспевающий печальное знание —

"А как же вся эта воля к действию?

Оно исчезло давным-давно,
Ибо стрела из сна пронзила его насквозь
Выпущенная из лука неизвестного Лучника.

Что обо всем этом думать душе?

Кто-то поднес ему чашу,
Наполненную божественным напитком,
И пламя сожгло ее дотла.

Как насчет надежды подняться?

Только в своем "я" мы ощупью добираемся
До туманного конца времен;
Истина положила конец надежде.

Что же такое любить всем сердцем?

Печальнее, чем для воли или души,
Никакой свет не манил его наверх;
Любовь обрела себя целиком".

"Разве это не прискорбно? Я жалею только тех, кто жалеет себя. И все же он мой, более чем когда-либо. Это конец человеческой мудрости. Как ему теперь спастись? Что заставит его подняться?"

"Его воля пробудится", - сказал Мудрейший. "Я не скорблю о нем, ибо тьма длится долго, прежде чем рождается дух. В ваших пещерах он учится не видеть, не слышать, не думать, ибо очень мучителен полет ваших иллюзий".

"Печаль - великая связь", - сказала Лилит.

Это связь с объектом скорби. Он оплакивает то, чего ты никогда не сможешь ему дать, жизнь, которую ты никогда не вдыхал в себя. Он выйдет, и ты не увидишь его во время ухода. Когда желание умирает, пробуждается воля, быстрая, невидимая. Он выйдет вперед, и один за другим обитатели ваших пещер пробудятся и пойдут дальше; по этой маленькой старой тропинке будут ходить поколение за поколением. Ты тоже, о, сияющая Лилит, последуешь за мной, но не как госпожа, а как служанка.

"Я буду плести заклинания", - воскликнула Лилит. "Они никогда не пройдут мимо меня. Я опояю их сладчайшим ядом. Они будут отдыхать сонно и удовлетворенно, как в старину. Разве давным-давно они не были великанами, могучими людьми и героями? Я победил их юным очарованием. Пройдут ли они мимо, слабые и тоскующие по ушедшим радостям, по грехам своей гордой ликующей юности, в то время как я вырос в несметное количество мудрости?"

Мудрый, как и прежде, ходил взад и вперед, и воцарилась тишина, и мне показалось, я увидел, что твердой волей он пронзает бушующий мрак пещеры, и тут и там сердце было тронато в своей слепоте. И мне показалось, что я увидел, как этот Печальный Певец наполнился новым желанием быть, и что иллюзии добра и зла покинули его, и что он, наконец, преклонил колени перед Мудрым, чтобы познать высшую истину. В туманную полночь я слышу эти три голоса: Печального Певца, Чародейки Лилит и Мудреца. От Печального Певца я узнал, что мысль о себе никуда не ведет, но вдыхает аромат каждого цветка, и срезает цветок с каждого дерева, и срубает каждое дерево в долине, и в конце концов бродит туда-сюда по пустынным местам, грызя себя в последнем голоде. Я узнал от Лилит, что мы сами плетем свои чары и связываем себя собственным воображением; думать об истине как о чем-то неподвластном нам или любить символ бытия - значит затемнять путь к мудрости и отдалять нас от вечной красоты. От Мудреца я узнал, что самая истинная мудрость - это ждать, работать и желать втайне; те, кто сегодня безмолвен, завтра будут красноречивы, и земля услышит их, и ее дети поприветствуют их. Из этих трех истин труднее всего усвоить молчаливую волю. Давайте искать высшую истину.

—15 февраля 1894 г.

Странное Пробуждение

Глава I.

Мы все знаем, что живем в Темный век, но и половины его темноты не осознаем. Мы переносим физические и моральные страдания; но, к счастью или к несчастью, мы забываем о горе из всех печалей — Духовной Трагедии. Чистый и древний дух жизни покрылся такой ржавчиной, что о скипетре, диадеме и звездном господстве, которым мы владели, никто не помнит; и если кто-то говорит об этих вещах, на него странно смотрят пустыми глазами или глазами, в которых сквозит

безумие. Я не знаю, называть ли его великим или жалеть того, кто испытывает такую муку; ибо, хотя это истинная мука распятия, только боги подвергаются такой мученической смерти. У этих редких душ память не рождается: жизнь течет своим чередом, и они вместе с ней продолжают грезить: их убаюкивают огни, цветы, звезды, краски и сладкие запахи, и они на некоторое время укрыты от рая и ада; затем в какой-то момент пузырь лопается, и бог пробуждается и познает себя, и он снова поднимается с гигантской силой, чтобы победить; или же он погибает, и волны Леты, возможно, из милосердия, стирают его краткое знание.

Я знал такого человека много лет назад, и я рассказываю о нем, потому что не знаю более глубокого доказательства существования божественной натуры, чем история этого человека. Артур Харви, как я слышал, его описывают люди, в ранние годы был мягким, застенчивым и склонным к мечтаниям. Его рано забрали из школы, он приехал из деревни в город и занялся бизнесом. Он обладал апатией и податливостью, характерными для столь многих духовных людей, и которые особенно часто встречаются среди уроженцев Индии; поэтому поначалу он воспринимал свое ежедневное заключение как нечто само собой разумеющееся, хотя и был рад, когда оно заканчивалось, и весенними или летними вечерами вокруг него дул острый сладкий воздух, и земля выглядела призрачной, покрытой росой и прекрасными красками, и его душа обогащалась странными воспоминаниями и психическими ощущениями. И так день за днем он мог бы продолжать чередовать работу и мечты, и душа в своих фантазиях, возможно, никогда бы не узнала о трудах ума, каждый из которых работает по привычке в свое обычное время, если бы не случай, произошедший примерно через два года после того, как он занялся бизнесом.

Однажды утром его менеджер сказал: "Харви, возьми это письмо, доставь его и жди ответа". Он нетерпеливо вскочил, радуясь непривычной свободе от своего письменного стола. Когда он выходил, на него обрушилось все ослепительное великолепие солнечного света. Он поднял голову. Ах, какие безграничные пространства сияющей синевы. Как далеко! Какое могущество! Он внезапно почувствовал себя слабым, маленьким, подлым и немощным. Его конечности дрожали под ним: продолжая свой путь, он избегал внимания людей. Необъятность, подобная этой, бросавшейся в глаза, следившему за кончиком пера, нервировала его: он испытывал горькое презрение к самому себе. Какое место занимал он среди этих огромных энергий? Город оглушил его как единым криком: топот толпы; скопище повозок; блеск и тени; грохот, рев и пыль; черный дым, клубящийся в воздухе; высоко вздымающиеся снежные и сверкающие облака, которые несли сильные ветры; все это было всего лишь сложной и чудесной работой одной чудовищной личности; соперника во вселенной, который поглотил и отнял у него его собственное божественное приданое. Из него; из него исходила сила — свободная, бесстрашная — кружившаяся в игре, и вращавшая солнца и звезды по их орбитам, и мчавшая землю сквозь свет и тени. Из него; из него самого; никогда не быть отвоеванным; никогда не быть возвращенным. Ликующий смех дня; пламя лета; гигантские ветры, проносящиеся над городом; далекие божественные явления наполнили его невыразимым отчаянием. Кем он был среди всего этого? Искра, гаснущая в своем гнезде; немного прилипшей горячей пыли.

Он оказался на маленькой площади; он сел на скамейку; его мозг горел, глаза ничего не видели.

- О! боже мой, что это он там лопочет? - раздался гротескный голос, и маленькая фигурка исчезла, кувыряясь в кустах.

"Бедный молодой человек! Возможно, он болен. Вам нехорошо, сэр?" - спросила сочувствующая медсестра.

Он встрепенулся, пришел в себя и, бормоча что-то неразборчивое, продолжил свой путь по городу. Ужасное влияние ушло, и с ним произошла новая перемена. Смех мальчишки отозвался в его сознании: он ненавидел внимание: должно быть, в его внешности есть что-то абсурдное или из ряда вон выходящее, чтобы вызвать это. Внезапно он понял, что между ним и людьми, среди которых он жил, пролегла пропасть. Они были яркими, актуальными, соответствовали своим местам. Как он им завидовал! Затем вся поверхность его разума наполнилась желанием скрыть это различие. Он вспомнил различные характеристики тех, кто работал вместе с ним. Один знал все актуальные песни, сленг и фразы; другой отличался элегантностью в одежде; третий обсуждал театры с полупрофессиональными знаниями. Харви, однако, никогда не смог бы войти в мир и жить в нем, если бы ему пришлось сначала пройти через врата таких идей! Он доставил свое письмо; он устал, и когда возвращался, то не заметил ни неба, ни солнечного света, а спешащие толпы были безразличны и бесхарактерны. Он прошел сквозь них; его разум был таким же тупым, как и у них; всего лишь машина, направляющая быстрые шаги.

В тот вечер клерк по фамилии Уиттейкер, немного старше его по должности, был поражен любопытным и утонченным лицом Харви.

"Послушай, Харви, - сказал он, - как ты проводишь вечера?"

Харви слегка покраснел от непривычного интереса.

"Я совершаю долгие прогулки", - сказал он.

- Ты много читаешь?

- Немного.

- Ты ходишь в театр? - спросил я.

"Нет".

-Никогда?

-Никогда.

- Фух! что за чудак! Никаких клубов, классов, мюзик-холлов — ничего подобного, а?

"Нет, - сказал Харви с легкой горечью, - я ничего и никого не знаю; я всегда один".

"Какая необыкновенная жизнь! Да ведь ты совершенно за пределами Вселенной. Послушай, - добавил он, - пойдем со мной сегодня вечером. Я немного посвящу тебя. Ты знаешь, что должен научиться своей профессии как человек".

Он держался очень любезно; и все же Харви был настолько застенчив, что нашел бы какое-нибудь оправдание, если бы не это случайное выражение "вне вселенной". Разве эта отчужденность не была тем самым, что он только что горько переживал? Пока он колебался и заикался от неловкости, другой сказал: "Ну вот, никаких оправданий! Тебе не нужно идти пить чай к себе домой. Пойдем со мной.

Они вместе пошли по темнеющим улицам. Один веселый и непочтительный, переполненный замечаниями или критикой; другой молчаливый, его обычная мечтательность была видоизменена, но не исчезла, и однажды, глядя вверх, в ясную темно-синеву, где сияли звезды, у него на мгновение возникло ощущение, что он подвешен к ним на тонкой невидимой нити, как паук, свисающий с крыши; подвешен высоко, где чистый и древний эфир пылал вокруг обиталищ вечности; а внизу и вокруг него - мысли демонов, дым, темнота, ужас и тоска преисподней.

Глава II.

Я не могу назвать всех шагов, которыми юная душа вышла из своих облаков и грез, но должен поторопиться с годами. Этот единственный случай из его детства я рассказал, чтобы отметить характер и тенденцию его развития; духовность, ставшая самосознательной только при уходе; жизнь, падение от идеалов, которые становились все величественнее, прекраснее и светлее по мере того, как исчезала возможность их реализации. Но этот прилив внутренней жизни не был регулярным и непрекращающимся, а скорее напоминал волны, которые действительно отступают, но возвращаются снова и снова, и на мгновения кажется, что они набирают едва ли не большую высоту, чем были раньше. Его жизнь была чередой таких падений и таких пробуждений. Каждое новое переживание, выводившее его душу из состояния покоя, приносило с собой откровение о духовном прошлом, в котором, как теперь казалось, он жил бессознательно. Каждый новый опыт, обогащавший его разум, казалось, делал его душу еще более бесплодной. В трогательной тоске этих моментов было мало морального элемента, который был скорее дремлющим и некультурным, чем извращенным. Он не задумывался над их моральным аспектом, поскольку разделял поверхностную неприязнь к этическому, которую мы часто наблюдаем у чисто художественных натур, которые не могут вынести, когда на их красоту накладываются ограничения или причиняют боль. Самым большим его недостатком было общество прекрасных мужчин или благородных женщин. Он взлетел далеко за пределы досягаемости тех, кого знал, и, желая такого общения, стал относиться к ним цинично или чувственно. Он начал писать: он приобрел способность к энергичному самовыражению посредством таких эмоций, которые были окрашены мистическим сладострастием, которое было другим полюсом его внутреннего, тайного и духовного существа. Двойное напряжение его энергии, связанное с ежедневной работой и ночными занятиями с умственной продуктивностью, пагубно сказалось на его здоровье, и через год он стал настолько хрупким, что не мог заниматься ни тем, ни другим из своих занятий без перерыва на полный отдых. Получив отпуск от своих работодателей, он вернулся на шесть недель в деревню, где родился. Здесь, ранним летом и солнечным светом, его здоровье быстро улучшилось; его разум даже больше, чем тело, насыщался жизнью; и здесь, больше, чем в какой-либо период его жизни, его воображение начало иметь дело с могущественными вещами и проникать в сокровенные тайны жизни, и здесь он перешел к длинной нисходящей линии, по которой человеческий дух покинул империю; он начал смутно понимать, каким упадком из звездного состояния душа человека вступает в великую видимую жизнь. Эти вещи приходили к нему не ясно, как идеи, а скорее как призрачные и сияющие видения, проносящиеся в воздухе рассвета или сумерек, когда он двигался.

Не только это богатство духовной жизни сделало его счастливым, но и другая причина сговорилась с ним для достижения этой цели. Он встретил натуру, в чем-то схожую с его собственной: Олив Рейн, женщину его жизни.

Шли дни, и ему все больше хотелось не упускать ни малейшего шанса поговорить с ней, и всего за два дня до своего отъезда он отправился в деревню, надеясь увидеть ее. Вечером он шел по тихой английской улочке быстрыми шагами, которые несут вперед беспокойство или лихорадочную мысль. Чистый свежий воздух приводил его в восторг; поля, потускневшие, голос кукушки, луна, похожая на желтый шар, вырезанный в синеве, скот, похожий на большие красные тени, которые дети с ненужным шумом гнали домой; все это вспыхнуло перед ним и стало частью его: готовые аксессуары и фон для его снов, их тишина успокаивала беспокойную красоту страсти. Приближаясь к деревне, он замедлил шаг, наполовину задаваясь вопросом, что могло послужить предлогом для визитов, следующих один за другим так быстро. Предлогом послужил случай. Он увидел ее серое платье, ее крепкую прямую фигуру, выступившую из-за кустов сирени у ворот отцовского дома. Она увидела Харви, идущего к ней, и ждала его с приятной улыбкой. Харви, привыкший к самоанализу и идеальному воображению, здесь не испытал никакого шока, глядя на внешнее. Последние лучи дня отразились от белого столба ворот, осветили ее лицо и тронули золотом нежные каштановые волосы, ноздри, губы, подбородок и сиреневую шею. Черты ее лица были четкими, безупречными; выражение изысканно серьезным и чистым; в больших серых глазах был тот ровный блеск, который свидетельствует о твердой и непоколебимой воле. Каким-то необъяснимым образом он поймал себя на том, что думает о смутных объектах своих снов, нежных и неуловимых вещах, росе, свете звезд и прозрачных пленках, возникших благодаря какому-то сродству. Он отверг их — не тех, — затем появился сильный воин с выражением жалости на лице и исчез: все это произошло быстро, как вспышка, прежде чем она заговорила.

"Я собираюсь лечиться", - сказала она. "Старая сестра Уиндер заболела, а мой отец вернется поздно". Мистер Рейн был сельским врачом.

- Можно мне пойти с тобой? - спросил он.

- О да, почему бы и нет? Но сначала мне нужно заехать в два или три места по пути.

Он пошел с ней. Он был полон восхищения. Как могла она выйти из своего собственного мира устремлений и мистической религии и проявить такую совершенную фамильярность, легкость и заинтересованность в решении этих грязных деревенских жалоб, моральных и физических? Харви был человеком, которому не нравились подобные вещи, которые не затрагивали его чувства прекрасного. Он не мог говорить с этими людьми так, как это делала она: он не мог им сочувствовать. Боль старой женщины заставила его замкнуться в себе едва ли не с большим отвращением, чем с жалостью. Пока Олив склонилась над ней нежно и сострадательно, он пытался представить, что ее вдохновило на такие поступки и такое самозабвение. На мгновение ему почти показалось, что какая-то скрытая воля во вселенной не позволяет красоте покоиться в ее собственной сфере, а постоянно склоняет ее среди печалей. Он почувствовал облегчение, когда они снова вышли в ночь.

Это была ночь чудес. Унесенные далеко в сказочную высь, звезды танцевали с весельем, которое было более грандиозным и торжественным, чем любой покой. Ночь была сотворена из множества нежных огней. Трава, деревья и поля светились темными красками богатой

керамики. Повсюду тишина; повсюду ликующее дыхание жизни, тонкое, универсальное, проникающее. В очарованное сердце пало очарование, которое мы называем древним, хотя у дней нет собратьев и никогда не будет. Харви, пораженный этим чудом, повернулся к своему спутнику.

"Посмотри, как Волшебник Прекрасного дует своим мистическим дыханием на мир! Как дрожат огни; какая тишина! Как это прогоняет воспоминания о боли!"

"Ты можешь так легко забыть о боли? Я почти не заметил ночь - она действительно чудесна. Но боль, которую она охватывает повсюду, я не могу забыть".

Мне невыносима мысль о боли в любое время, тем более когда эти чудеса позади и вокруг нас. Мне кажется, ты ищешь боли почти как любовник. Я не могу понять тебя. Как ты можешь выносить уродливое, подлое, грязное — страдания, с которыми сталкиваешься. Ты — такая красивая?"

- Неужели ты не можешь понять? - спросила она почти порывисто. - Ты никогда не испытывал жалости, такой же всеобъемлющей, как свет, заливающий мир? Мне кажется, что жалость падает, падает, падает с того старого неба на землю и ее страдания. Бог не безразличен. Вечная Любовь окружает нас. Она желает нашего искупления. Его движения подобны ряби, начинающейся от края пруда, которая преодолевает исходящую рябь и возвращает всем покой.

"Но что такое боль, если есть эта любовь?" - спросил Харви.

"Ах, как я могу тебе ответить? И все же я думаю, что это триумф любви, оттесняющей грех и бунтарство. Крик побежденной старой природы - боль. И это универсально и происходит повсюду, хотя мы не можем этого постичь; и поэтому, когда мы уступаем этой божественной любви и принимаем перемену, мы находим в боли тайную сладость. Это первый трепет, предвещающий необъятный рассвет".

- Но почему вы говорите, что это универсально? Разве это не ужасная мысль?

"Если Бог вчера, сегодня и завтра тот же, то жизнь Христа на земле была символом - должна быть символом - того, что пребывает вечно: Свет и Тьма в вечном конфликте: распятие в вечности".

Эта вера, такая ужасная, такая жалкая, такая странная, исходящая от этой молодой девушки, глубоко тронула Харви. Он не отверг ее. Твердость и уверенность ее высказываний, моральная чистота ее характера понравились ему, который ощущал отсутствие у себя четкой веры и героической цели. Как и все духовные люди, он легко усваивал духовные настроения тех, с кем соприкасался. Исходившая от нее нравственная, патетическая и христианская доктрина имела тот элемент красоты, который позволял ей сочетаться с его идеальным язычеством. Возвращаясь домой, он размышлял над ее словами, ее жизнью, ее мыслями. Он начал находить невыразимую красоту в ее жалости, как в чувстве, поднимающемся из неведомых глубин, из древнего сердца вещей. Преисполненный этой жалости, он смог преодолеть свою нелюбовь к боли и выйти вперед как сильный воин из своего сиюминутного видения. Он поймал себя на том, что снова и снова повторяет ее слова: "Мы находим в боли тайную сладость, тайную сладость, тайную сладость". Если бы он только мог найти это, на что бы он не осмелился, чего бы он не достиг? И, вращая все это на своей беспокойной подушке, им овладело одно из тех

мистических настроений, о которых я говорил: блуждая среди тусклых оригиналов, наполовину во сне, наполовину в трансе, он раскрыл внутри себя эту древнюю легенду о душе:

В природе царили великий Мрак и великая Слава, и легионы тьмы и славные воинства постоянно воевали друг с другом. Тогда Древний от Века, который хранит все это в себе, объединил Мрак и Славу: Сынов Яркого Огня он послал во тьму, а детей Тьмы он привел к вратам дня. И в новой жизни, образовавшейся из союза этих двоих, боль, осознавшая себя застенчивой, соприкоснулась с духовной красотой, и те, кто принадлежал к Сонму Красоты, носили каждый на челе Терновый венец.

Глава III.

Харви встал рано; расхаживая взад и вперед в белом рассвете, он находил ответы на каждый вопрос в своем сознании: они возникали с милой и радостной непосредственностью. Жизнь наполнилась величайшим смыслом: свет из-за завесы упал на то, что ему раньше не нравилось, и в этом новом свете боль, печаль и старые моральные устои обрели значение, о котором раньше и не мечтали. Впуская в свой разум идеи Олив Рейн, он отчасти устранил их аскетизм: то, что он сам отвергал, видя в ней, добавляло еще один и особенный интерес к тому святому идеалу о ней, который он сформировал. Однажды она сказала, что мир и отдохновение немислимы, пока в природе существуют борьба и страдания. Нигде нельзя было найти прибежища; приближаясь к божественному, эта боль становилась только шире, интенсивнее, почти невыносимой, ощущая и ассимилируя необъятность божественной печали, нависающей над невозвращенной глубиной. Эта жалость, это осознание боли, не ее собственной, наполнявшей ее саму, наполнявшей ее жизнь, выделяли ее из всех, кого он знал. Она казалась ему посвященной. Затем этот влюбленный в своей мистической страсти перешел в созерцании своей возлюбленной от земной души к невидимой. Он видел позади и вокруг нее форму, невидимую другим; форму, духовную, трогательную, невообразимой красоты, за которой следили вечные силы, которую они питали своей собственной жизнью и которой они причиняли свою собственную боль. Эта форма была увенчана, но остро заостренным сиянием, от которого падали призрачные капли. Расхаживая взад и вперед в белом рассвете, он сочинил для нее песню и записал ее.

Посвященному

Все твои пути были нам неизвестны:
Мы были так далеко от тебя,
Мы смешивали в мыслях твой дух таким образом —
С белизной, золотыми звездами и росой.

Могущественная мать вскормила тебя:
Ее дыхание доносилось из ее мистических обителей:
Их эльфийское мерцание плыло сквозь
чистоту твоих сумрачных часов.

Могущественная мать сделала тебя мудрым;
Дала любовь, которая очищает скрытые пути:

Ее мрак был славой для твоих глаз;
Ее тьма - всего лишь Источник Дней.

Она вселила в тебя всю нежность,
И красоту, сияющую, как утро:
Она вселила нашу радость в твою, затем возложила
тебе на голову терновый венец.

Твои глаза наполнены нежным светом,
Для тех, чьи глаза затуманены слезами;
Они видят, что твое чело увенчано яркой короной,
Но не кольцо ранящих копий.

Мы не можем представить себе никакого замешательства, пока небесный свет сияет сквозь нас. Харви, хотя и со смирением думал о своем прошлом как о бессильном и неблагородном в плане действий, своим богатым живым сознанием чувствовал, что способен проникнуть в ее самые тонкие эмоции. Он не мог думать о будущем без нее; он не мог отказаться от надежды приблизиться вместе с ней к тем тайнам жизни, которые преследовали их обоих. Его мысль, поддерживаемая ею, пронеслась сквозь многие мистические годы. Он начал видеть странные возможности, вспышки древней силы, божественную магию, на которую откликался весь мир, и так далее, пока мысль не затрепетала в перспективах, заканчивающихся дымкой пламени. Тем временем вокруг него было лето: радость и молодость были в его сердце, и поэтому он продолжал мечтать — предсказывая земле и ее людям будущее, которое принадлежит только духовной душе, — мечтая о счастливых годах, как мечтает ребенок.

Позже тем же вечером, когда Олив сидела в своем саду, доктор Рейн вышел и вручил ей пачку журналов.

- В них есть кое-что, что может заинтересовать тебя, Олив, - сказал он. - Насколько я понимаю, для них пишет молодой Харви. Я просмотрел одну или две. Для меня они слишком мистичны. Вряд ли вы сочтете их достаточно мистическими".

Она без особого интереса взяла у него бумаги и положила их рядом с собой на сиденье. Через некоторое время она взяла их в руки. Пока она читала, ее брови начали хмуриться, а лицо похолодело. Эти стихи были полны того мистического сладострастия, которое, как я сказал, характеризовало ранние произведения Харви; все его богатое воображение было задействовано для того, чтобы сосредоточить внимание на моментах полусочувственных ощущений; образы использовались таким образом, что природа, казалось, помогала и подстрекает к эмоциям; из сердца вещей, из дикого очарования и вечного разгула вырывалось в жизни людей пламя страсти. Ничто не могло быть более непохожим на душу Христа, которой она поклонялась как основе вселенной и на которую она полагалась.

- Он не испытывает жалости, он не понимает любви, - пробормотала она. Она почувствовала, как в ней поднимается холодный гнев; она, испытывавшая жалость ко многим вещам, почувствовала, что была произнесена ложь, оскверняющая самое святое в Святая Святых, то, от

чего зависела ее жизнь. Она никогда не могла понять Харви, хотя он был частью общей доброты, с которой она относилась ко всем, кто оказывался рядом с ней; но здесь он казался раскрытым, почти хвастаясь вдохновением страстных сил, которые ведут свою древнюю войну против Всевышнего.

Огни вокруг нее в тихом саду уже начали меркнуть, когда открылась калитка и кто-то спустился по дорожке. Это был Харви. В полумраке он не заметил, что ее обычной улыбки не было, и, кроме того, он был слишком увлечен своей целью. Он на мгновение заколебался, затем заговорил.

- Олив, - сказал он дрожащим голосом, - когда я шел по дорожкам, чтобы попрощаться с тобой, мое сердце взбунтовалось. Я не мог вынести этой мысли: Олив, я многому научился у тебя; твои слова так много значили для меня, что я воспринял их как слова Бога. Прежде чем я узнал тебя, я сжимался от боли; я блуждал в поисках ложной красоты. Теперь я вижу цель жизни — продолжать старую героическую битву за истину; давать страдающим утешение в виде красоты; стать настолько чистыми, чтобы через нас могла пройти та божественная жалость, о которой я никогда не знал, пока ты не заговорил, и тогда я увидел, что это был корень всей жизни, и за этим ничего не стояло — такая магия в твоих словах. Этим утром мое сердце радовалось за вас этой истине, и я увидел в ней силу, которая преобразит землю. И все же вся эта надежда пришла ко мне через вас; я все еще наполовину поддерживаю ее через вас. Расстаться с тобой сейчас — мне кажется, это все равно что отвернуться от стража небесных врат. Я знаю, что мало что могу тебе принести. Я должен изо всех сил умолять тебя о том, как много ты значишь для меня, когда я спрашиваю, можешь ли ты любить меня".

Она почти не слышала ни слова из того, что он говорил. Она сознавала только, что он говорил о любви. О какой любви? Разве он не писал о ней? Это превратило бы Небеса в преисподнюю. Она повернулась к нему лицом и произнесла холодно и обдуманно:

"Ты мог бы говорить мне о любви, писать и думать об этом вот так!" Она положила руку на злополучные журналы. Харви проследил за движением ее руки. Он взял бумаги и вдруг увидел все, когда она повернулась и ушла, — какой страстной, должно быть, показались ей эти стихи. Чем он был в ее присутствии, что могло научить ее другому? Всего лишь сомневающийся и вопрошающий. В ужасный момент его прошлое встало перед ним, мечтательное, слабое, чувственное. Совесть пронзила его насквозь. Он не мог найти слов, чтобы сказать. Осуждая себя, он слепо двинулся к калитке и вышел. Он едва сознавал, что делает. Перед ним бледная сухая дорога вилась в сумерках среди живых изгородей и коттеджей. Призрачные дети приходили и уходили. Во всем, что они делали, казалось, было какое-то безумие. Почему он не слышал их голосов? Они бегали круг за кругом; должны были раздаваться крики, или смех, или что-то в этом роде. Затем внезапно что-то, казалось, подтолкнуло его вперед, и он безучастно пошел дальше по переулку. В тот трагический момент его душа, казалось, покинула его, оставив только полуживотное сознание. С тупым вниманием он прислушивался к приглушенному звуку своих шагов по пыльной дороге и маленьким струйкам дыма, которые вырывались перед ними. Время от времени что-то яростно пульсировало на мгновение и утихало. Он шел все дальше и дальше. Его путь лежал через какие-то поля. Он остановился по привычке и свернул с дороги. Снова та же яростная пульсация. В одно дикое мгновение он попытался собраться с мыслями и овладеть собой, а затем подавленная душа вырвалась из давивших ее облаков. Воспоминания о надежде и стыде: утренняя радость его сердца; блестящие и одухотворенные фантазии,

которые вдохновляли его; их внезапный конец; деградация и нудная жизнь, к которой он должен был вернуться завтра: все поднялось в бурном конфликте. Чувство тоски, которое было стихийным, а не сиюминутным, наполнило его. Дрейфующая и колеблющаяся природа — он видел себя в лодке, несомым течением, которое несло его то к островам красоты, то уносило прочь от их исчезающего великолепия в мрачные пропасти и водопады, уходящие во тьму. Он не был хозяином ни радости, ни печали. Без воли: непрактичный; с чувствительностью, которая превращала радость в бред, а уныние - в сущий ад; дни, к которым он шел, протягивали железные руки, чтобы привязать его к смертельно скучному и обыденному. Эти перспективы, невыносимые и безнадежные, захватили его. В отчаянии он бросился ниц. Вокруг его головы сомкнулись прохладные травы, влажные от росы. Странная и узкая граница между раем и адом! Повсюду вокруг него кипела первобытная жизнь, невинная и бессознательная. Повсюду вокруг него, охваченная лихорадкой жизни, та Сила, которая создавала и свет, и тьму, непостижимая в своих действиях, тихо пела прекрасную песнь цветов.

Глава IV.

Маленькие кучки бумажных дел накапливались сами собой, добавлялись, уменьшались и добавлялись снова, в течение всего дня, пока Харви сидел за своим столом. Он вернулся к своей работе: дел было непривычно много, и ночь за ночью его задерживали надолго сверх обычного времени. Железная рука, которую он предвидел, была наложена на него: она лишила его даже права на скорбь, времени для скорби. Но в нем временами шевелились воспоминания о прошлом, острая тоска и яростный бунт. С ним все окончательно трансформировалось в идеальные образы и аспекты, и его ужалило не столько воспоминание о каком-то происшествии, сколько элементарное ощущение боли в самой жизни. Он чувствовал, что лишен наследия духовной жизни, которое не мог определить даже для себя. Редкие лучи света, пронизывавшие пыльный воздух кабинета, таинственное золото, падавшее на невообразимые расстояния из чистых первозданных мест, пробудили в нем невыразимую тоску: при взгляде на него у него перехватило горло. Часто и ночью, поднимая усталые глаза от страниц, вспыхивающих под ярким газовым рожком, он видел, как голубизна становится еще насыщеннее от древних облаков звездной пыли. Какой болью это было для него - незапамятная тишина, пассивность и умиротворение, хотя по ним бежали миллионы толчков и преследовали друг друга всю темную ночь! Как больно было опускать глаза и видеть вокруг себя бледные и лихорадочные лица, выглядевшие призрачно в горячем, зловонном, животном и мерцающем воздухе!

Закончив работу, он устало тащился в ночь — куда угодно, в ночь; но там, как и внутри, он не мог убежать от той силы, которая преследовала его могучими воспоминаниями, от бича, которым владеет Бесконечность. У природы нет прибежища для тех, в ком возгорелся огонь духа: нет на земле славы, за которую она не знала бы большей славы. Когда Харви шел по длинным улицам, мерцающим мириадами огней, исчезающих в голубых и туманных далях, перед ним в призрачном воздухе возникали торжественные ряды сомкнутых сфинксов, залитые звездным светом пирамиды и храмы — давно умершее величие, мечта, которая насмеялась над жизнью вокруг него, оберегая печальные маленькие поколения человечества, удаляющиеся от красоты. Исчезло чистое и бледное великолепие первозданных небес и блеск перворожденных звезд. Но даже это воспоминание, которое связывало его в воображении с идеальным прошлым, не всегда принадлежало ему: он был отягощен, как и вся его раса, животным сознанием, которое яростно требовало своей правильной жизни, которое жаждало ощущений и было полно похоти

и гнева. Тьма была не только вокруг него, но и в нем самом, и боролась там за господство. Это вызывало формы низости и ужасные искушения, которые омрачали его душу; они обещали забвение; они, казалось, говорили: "Удовлетвори нас, и твоя бесконечная тоска угаснет: быть из глины очень скучно и удобно; это обычный удел".

Однажды ночью, наполненный этой невыносимой болью, проходя по улицам, он поддался искушению избавиться от этого мучительного сознания: он подошел к одной из уличных женщин и ушел с ней. Она была полна легкой болтовни и болтала без умолку. Харви не ответил ей ни слова; он был преисполнен твердой решимости. Дитя звезд! какое отношение он имел ко всему этому? Он стремился только к уничтожению своей души. Что-то в этой ужасной тишине передалось его спутнику. Она посмотрела на его лицо при свете лампы; оно было белым, замкнутым и жестким. Дитя Звезд, не менее того, хотя она давно забыла об этом, она содрогнулась от этой ассоциации. Она отшатнулась от него с криком: "Ты скотина— ты скот!" - а затем убежала. Несчастный человек вернулся домой и сидел в своей одинокой комнате с глупыми вытаращенными глазами, устремленными в темноту и пустоту, пока бледно-зеленый свет зари не начал проникать в него.

В это лихорадочное и мучительное существование еще не пришел свет. Опьяненный несчастьем, Гарвей не мог или не хотел думать; и неумолимый дух, который следовал за ним, еще больше углублял и ускорял течение его существа, и МРАК и СЛАВА его мечты придвинулись еще ближе друг к другу. Могущественный и таинственный дух, ты, кто венчает боль красотой, и перед кем могущественные склоняются со своих мест, под их руководством, для такого увенчания и для такой агонии, были сплетены воедино живые потоки зла и добра, чтобы, наконец, человек мог познать себя — свою душу — не иначе, как Тобой!

Пути, которыми он пришел к этому моменту, были забыты; ощущения, мысли и настроения, достигшие кульминации в огне самосознания, можно было проследить лишь смутно. Однажды в воскресенье он уехал из города и, лежа в поле под деревьями, на время забыл о страданиях. Он снова погрузился в мир грез. Он, или порождение его воображения, некая тень его самого, жил в древних лесах и бродил по ним, где чудесные дни не были омрачены чувством печали. Детство проходило во всепроникающем ликовании; через пульсацию юности текла огненная энергия, оживлявшая мир; и эта тень мечтателя, живущего среди лесов, постепенно переросла в сознание огненной жизни, поверхностные формы которой были всего лишь пленкой: он вошел в это царство огня; его жизнь стала его жизнью; он знал тайные пути к солнцу и солнечные тайны, живущие в золотом мире. "Это был я сам, - пронеслось в голове Харви. - Это был я. Ах, как давно это было!" Тогда впервые его видения, грезы и воображение стали для него реальными, как воспоминания о духе, путешествующем во времени и пространстве. Оглядываясь назад, он нигде не мог найти в маленьком и обыденном окружении своей жизни ничего, что могло бы подсказать или породить эти яркие картины и идеи. Они начали быстро перемещаться в его уме и выстраиваться в определенном порядке. Ему самому казалось, что он пал вниз по длинному ряду линий все убывающей красоты — пал вниз из обителей вечности в эту суетную и отвратительную жизнь. Когда Харви шел домой по улицам, какая-то сила, должно быть, направляла его шаги, потому что он ничего не видел или не знал о том, что происходило вокруг него. С осознанием реальности своих фантазий пришла энергия, которой он никогда прежде не ощущал: его душа полностью завладела им: он знал, хотя и деградировал, что он дух. Затем, в этот высший момент, вокруг него собрались воспоминания о свете и тьме, и они стали устами, через которые вечные силы говорили с ним на языке, непохожем на человеческую речь. Дух

света стоял за видениями мистической красоты: дух тьмы облачился в желания глины. Эти силы начали воевать внутри него: он слышал голоса, как будто разговаривали Титаны.

Дух света заговорил внутри него и сказал— "Пробудись сейчас и будь моим голосом в этой мертвой земле. Есть много вещей, о которых нужно говорить и петь — о мертвом языке, музыке и значении, философии старого света; ты будешь исполнять сладчайшие песни; истории более дикие и странные, чем все, что я тебе расскажу, — забытые деяния туманного и мечтательного расцвета.

Голос снова приблизился, полный сладких обещаний, вокруг него витали волшебные слова. Он постарел — невообразимо постарел и юноша одновременно. Он был поражен чудесами первобытного мира. Хаос с чудовищными силами, змееподобные силы, странные люди-звери и люди-птицы, грубая первая мысль о пробуждении природы была перед ним; с непостижимых высот звездной чистоты он обозревал ее; он исходил из славы; он спускался и сражался; он сражался с бегемотами, с летающими змеями и чудовищными ползучими тварями. С Владыками Воздуха он спустился и победил; он обитал в новой стране, мире света, где все было из света, где деревья распускали листья живой зелени, где роза расцветала розой света, а лилия - белым сиянием, и по бескрайним сверкающим равнинам и в глубинах светящихся лесов мечтательные реки текли жидким серебристым пламенем. Часто он присоединялся к безумному танцу на высокогорье, кружась круг за кругом, пока темная трава не вспыхивала огненными зелеными кольцами под ногами. И так, снова и снова проходя через бесконечные трансформации, он увидел, как первый мир темных элементов прокрался в мир красоты, облекая его грубостью и скрывая его огни; и темные духи тонкими путями проникли в сферы духов света и стали подобны туману над памятью и цепи над скоростью; земля застонала от боли. Тогда этот голос воззвал внутри него— "Выйди; выйди из этого; выйди, о царь, в сферы предков, к безмятежной духовной жизни. Выйди из печи, ибо от тебя останется прах. Уходи, о царь, к старому владычеству и небесной власти; выходи к древней славе!"

Затем другой голос снизу рассмеялся над этим безумием. Полный презрения, он произнес: "Ты, рожденный из глины, повелитель звезд? Жалкий труженик пера, немощное и утомленное тело, что сделает из тебя дух?" Харви оттолкнул этот ненавистный голос. Из его души исходил импульс отправиться в другие земли, вечно странствовать под богатыми звездами небесами, быть наблюдателем рассвета и кануна, жить в лесных местах или на залитых солнцем равнинах, еще раз слиться с огненной душой, скрытой внутри. Но насмешливый голос не сдавался, показывая ему, насколько абсурдно и нелепо "стать бродягой", как сказал голос, и в конце концов умереть в рабочем доме. Так вечный дух в нем, сущность Бога, сознающий свое прошлое братство с утренними звездами, Белыми Эонами, в своей тюрьме корчился от низости, пока, наконец, он не воскликнул: "Я больше не буду бороться; это всего лишь агония духа - стремиться сюда вообще; Я буду сидеть и ждать, пока не рассеется глубокая тьма".

Но наставление было еще не завершено; он познал изначальное место духа; ему еще предстояло познать его природу. Он начал со странной грустью думать о надеждах мира, о маленьких детях. В своем видении он видел, как они выросли, несли бремя в молчании или невежестве; он видел, как они вместе тащили вперед того огромного сфинкса, которого люди называют цивилизацией; не было времени слоняться среди прекрасного, ибо если кто-то останавливался, это означало быть растоптанным ногами многих, кто не мог ни остановиться, ни отдохнуть, и колеса образа перемалывали эту душу в ничто. Он ощущал каждую боль почти с

мучительным сочувствием. Не в силах помочь, с его губ сорвался крик к другому, который с незапамятных времен превратился в интуитивный у людей. Но Оно возвышенно и спокойно превыше всякого призыва; для Него крики всех скорбящих звезд звучат лишь как одна великая музыка; лежа в бесконечных небесных просторах, из объединенных чувств многих вселенных Оно черпает только обширное и бесстрастное знание, без различия удовольствия или боли. От универсума, который не движется и не помогает, Харви в своей агонии отвернулся. Он сам мог убежать от борьбы; думая о том, в каком далеком месте или состоянии найти покой, он обнаружил в своем собственном существе истину, что душа нигде не может найти покоя, пока в мире все еще есть боль или несчастье. Он не мог представить себе ни одного места или состояния, где эти крики боли не достигли бы его; он не мог представить себе ни одного рая, где печальные воспоминания не преследовали бы его и не жгли. Тогда он понял, что природа души - это вечная любовь; он знал, что если он убежит, божественное сострадание заставит его возобновить свое братство с пораженными и страждущими; и что было бы лучше всего вечно вести борьбу во тьме. В душе Харви воцарилось долгое молчание; затем он с почти торжественной радостью осознал, наконец, истину о себе самом — о душе. Битва закончилась; Мрак и Слава были связаны воедино, неразрывно. Харви был полон чувства покоя, как будто из невидимых мест на него упала роса с успокаивающей и исцеляющей силой. Он огляделся. Он был у двери своего жилища. Высокие узкие дома тускло-красных тонов возвышались вокруг него; из их труб еще выше поднимался темный дым; но за его туманным колыханием еще виднелись звезды; они пробивались сквозь дым белым блеском. Харви с минуту смотрел на них и вошел, странно успокоенный.

Конец

—15 марта- 15 июня 1894 г.

Полуночный Цветок

— "Арханы рождаются в полночный час... вместе со священным цветком, который раскрывается и расцветает во тьме". — Голос Безмолвия

Мы стояли вместе у двери нашей хижины: сквозь сгущающиеся сумерки нам было видно, как наши овцы и козы щиплют сладкую траву на склоне холма; мы были так же полны сонного удовлетворения, как и они. Ничто не омрачало нашего счастья — ни воспоминания, ни тревога за будущее. Мы медлили, пока нас окружали бескрайние сумерки; мы были едины с их росистой тишиной. Блеск ранних звезд впервые нарушил наш сон: мы посмотрели вверх и по сторонам: желтые созвездия начали вместе петь свой хоровой гимн. По мере того как сгущалась ночь, они быстро выходили из своих укрытий в глубинах тихой и непостижимой синевы; они висели горящими гроздьями; они приближались множеством, которое ослепляло: темное сияние ночи было повсюду усыпано туманной серебряной пылью, длинными золотыми дымками с драгоценными камнями сверкающего зеленого цвета. Мы почувствовали, насколько подходящим местом для жизни была земля с этим ночным великолепием над нами, с тишиной и прохладой на ее лужайках и озерах после изнуряющего дня. Валмика, Кедар, я и Ананда наблюдали вместе; сквозь густой мрак мы могли видеть далекие леса и огни — огни деревень и городов во владениях короля Суддходаны.

- Братья, - сказала Валмика, - как хорошо быть здесь, а не там, в городе, где не знают покоя даже во сне.

"Там и сям, - сказал Кедар, - я видел внутренний воздух, наполненный красным свечением, там, где они были заняты трудом и борьбой. Казалось, он добрался до меня; я не мог дышать. Я взбирался на холмы на рассвете, чтобы посмеяться там, где лежал снег, и солнце было таким же белым, как и они сами".

- Но, братья, если бы мы спустились к ним и рассказали им, как мы счастливы, и как растут цветы на склоне холма, и все о стадах, они наверняка поднялись бы и оставили все печали. Они не могут знать, иначе пришли бы". Ананда был всего лишь ребенком, хотя и таким высоким для своих лет.

"Они бы не пришли", - сказал Кедар. "Вся их радость - торговаться и копить. Когда Шива обрушит на них свое гневное дыхание, они будут стенать, или когда преты в жестоком голоде пожрут их".

- Как хорошо быть здесь, - сонно повторила Валмика, - присматривать за стадами и отдыхать, а также слушать речи мудрого Варунны, когда он приходит к нам.

Я молчал. Я лучше их знал этот оживленный город, который сиял за темными лесами. Я жил там до тех пор, пока, почувствовав себя больным и измученным, не вернулся к своим братьям на холм. Я задавался вопросом, действительно ли жизнь будет продолжаться безостановочно, пока не закончится болью всего мира. Я сказал про себя — О, могучий Брахма, на самых дальних гранях их сновидений находятся наши жизни; ты, древний невидимка, как слабо проникает в наши сердца звук твоей песни, свет твоей славы! Полный страстного желания подняться и вернуться, я стремился услышать в сердце музыку, о которой говорила Анахата в наших священных свитках. Наступила тишина, а потом мне показалось, что я слышу звуки, не радостные, а мириады шепотов. По мере того как я слушал, он углублялся, перерастая в страстную молитву, мольбу и слезы, как будто крик давно забытых человеческих душ эхом разносился по пустым комнатам. Мои глаза наполнились слезами, потому что казалось, что это было во всем мире, и вздыхать из глубины веков, давным-давно, было и еще предстоит.

"Ананда! Ананда! куда бежит мальчик?" - закричала Валмика. Ананда исчез во мраке. Мы услышали его радостный смех внизу, а затем другой голос. Вскоре наверху показалась высокая фигура Варунны. Ананда держал его за руку и танцевал рядом с ним. При свете звезд мы могли разглядеть его простую белую мантию. Я мог ясно проследить каждую черточку серьезного и прекрасного лица, лучистые глаза; не из-за звездного света, который я видел, а потому, что серебристое сияние немного рассеивало черноту вокруг темных волос и лица. Валмика, как старшая, заговорила первой.

- Добро пожаловать, святой отец. Не зайдете ли вы отдохнуть?

- Сейчас я не могу остаться. Я должен перевалить через гору до рассвета, но вы можете пройти немного со мной — те из вас, кто захочет.

Мы с радостью согласились - Кедар и я; Валмика осталась. Затем Ананда помолился, чтобы уйти. Мы уговаривали его остаться, опасаясь, что ему придется карабкаться по скалам и замерзать в снегах, но Варунна сказал: "Пусть ребенок идет с нами; он вынослив; он не устанет, если будет держать меня за руки".

Итак, мы отправились в путь вместе и оказались лицом к лицу с нагорьем, которое все возвышалось и возвышалось над нами; мы хорошо знали дорогу даже ночью. Мы молча ждали, когда Варунна заговорит, но почти два часа поднимались без слов, если не считать криков восторга и изумления Ананды при виде раскинувшихся над нами небес. Но я жаждал получить ответ на свои мысли, поэтому заговорил.

"Учитель, Валмика говорила, прежде чем ты пришел, как хорошо было быть здесь, а не в городе, где они полны раздоров, и Кедар подумал, что их жизни превратятся в огненную боль, и никакие слова не помогут. Ананда, говоря действительно как ребенок, сказал, что если кто-то спустится к ним, они послушают его историю о счастливой жизни. Но, Учитель, разве мало людей говорят и истолковывают священные писания, и как мало тех, кто принимает близко к сердцу слова богов! Кажется, они действительно идут через желание к боли, и даже здесь, на наших холмах, мы не свободны, потому что Кедар чувствовал горячий жар их страсти, а я слышал в своем сердце их рыдания отчаяния. Учитель, это было ужасно, потому что они, казалось, пришли со всей земли и из далеких веков".

- В надежде ребенка больше правды, чем в вашем отчаянии, потому что говорить очень полезно, хотя слушают немногие. Лучше жизнь, которая помогает, хотя и в горе, чем жизнь, которая уходит от боли в одиночество. И все же нехорошо говорить, не обладая силой, ибо только знающий Брахму может истинно истолковать священные писания. Хорошо быть свободным, прежде чем говорить о свободе; тогда у нас будет сила, и многие прислушаются".

"Но кто оставит радость ради печали, и кто, будучи един с Брахмой, может вернуться, чтобы дать совет?"

"Брат, - сказал Варунна, - в этом надежда мира. Хотя многие ищут только вечной радости, все же крик, который вы слышали, был услышан великими, которые повернули назад, призванные этими умоляющими голосами. Маленькая старая тропинка, тянущаяся вдаль, ведет через множество удивительных существ к месту Брахмы; там находится первый источник, мир прекрасной тишины, свет, который не померкал с начала времен — радость, где жизнь угасает; но, поворачивая назад, маленькая старая тропинка уводит в мир людей, она проникает в каждое скорбящее сердце, и путь того, кто хотел бы ступить туда, остановлен ее болью и прегражден ее заблуждением. Таков путь великих; они сворачивают с пути, идущего от дверей Брахмы, воинов и сильных; они движутся по его бесчисленным путям; они преодолевают тьму мудростью, а боль - состраданием. После многих завоеванных миров, после многих человеческих рас, очищенные и возвышенные, они идут к более великому, чем Брахма. В них, хотя и немногих, заключена надежда мира; это герои, в честь возвращения которых земля зажигает свои сигнальные огни, а Дэвы поют приветственные гимны".

Мы остановились там, где плато расширялось; в холодном воздухе почти не чувствовалось ряби; в тишине снега блестели, свет отражался от крошечных звезд, которые весело и сверкающе качались над нами. В тишине мы слышали безмерное биение сердца мира; наши мысли устремлялись к небесам, не печальные, но полные торжественной надежды.

- Братья! Учитель! Смотрите, какая замечательная вещь! и еще одна, и еще одна! Мы услышали зов Ананды; мы посмотрели и увидели священный цветок — полуночный цветок — о, пусть земля снова породит такую красоту — он вырос из снегов с листьями из тонкого хрусталя, нимб окружал каждый сияющий цветок, нимб бледный, но сияющий. Я склонился перед ним,

охваченный благоговейным страхом. Я услышал, как Варунна сказал: "Земля, действительно, зажигает свои сигнальные огни, и Дэвы поют свой гимн; слушайте!" Мы услышали музыку прекрасной мысли, плывущую по высотам земли, полную бесконечной любви, надежды и томления.

Братья, радуйтесь, ибо родился Тот, кто избрал великий путь. Теперь я должен идти вперед. Кедар, Нарайян, Ананда, прощайте! Нет, не надо дальше; возвращаться предстоит долгий путь, и ребенок устанет.

Он пошел дальше и скрылся из виду. Но мы не вернулись; мы долго, очень долго стояли молча, глядя на священный цветок.

Клятва, данная давным-давно, быть сильной в наших сердцах сегодня. Здесь, где боль сильнее, отдыхать приятнее. Здесь, где красота угасает, больше радости убаюкивать себя мечтами. Здесь добро, истина, наша надежда кажутся всего лишь безумием, порожденным древней болью. Давайте поднимемся из покоя, грез или отчаяния. Давайте пойдем тем путем, которым идут Великие.

—Июль 1894 г.

История звезды

Эмоции, которые преследовали меня в этом маленьком кафедральном городке, было бы очень трудно описать. После спешки, шума и лихорадки города редкие недели, проведенные здесь, были бесконечно мирными. Они были полны причудливого ощущения детства, иногда затрагивая более глубокие струны — гигантские и духовные вещи, о которых мечтает детство. Маленькая комната, в которой я спал, выходила окнами на огромную серую стену собора; только вечером солнечный свет пробивался вокруг нее и проникал в комнату сквозь выцветшие зеленые шторы. Должно быть, именно эта серебристая тишина цвета каким-то неуловимым образом подействовала на меня с ощущением непрекращающейся Субботы; и это усиливалось колокольным звоном час за часом: пафос, раскаяние и надежда, выраженные летящими нотами, окрашивали интервалы смутными и нежными воспоминаниями. Они преследовали меня в снах, и я с невыразимой тоской слышал звон астральных колоколов, доносившийся из какого-то тусклого и обширного собора космической памяти, пока покой, который они провозглашали, не превратился почти в кошмар, и я жаждал полного забвения их отзвуков.

Более примечательными были странные провалы в другие миры и времена. Почти так же часто, как смена колоколов, происходили переходы из состояния в состояние. Я понял, что подразумевается под индийской философией Майи. Воистину, мои дни были полны майя, и моя повседневная городская жизнь была для меня не более реальной, чем один из тех ярких, кратких проблесков того, что было давно в прошлом. Я говорю о прошлом, и все же эти моменты показали мне, насколько ложны наши представления о времени. В вечно живом вчера, сегодня и завтра слова не имеют значения. Я знаю, что погрузился в то, что мы называем прошлым, и то, что я считал мертвым навсегда, было тем, что мне еще предстояло пережить. Из преклонного возраста земли я шагнул в ее детство и еще раз получил первобытное благословение юности, экстаза и красоты. Но эти вещи слишком обширны и расплывчаты, чтобы говорить о них; слова, которые мы используем сегодня, не могут рассказать их историю. Ближе к нашему времени следующая легенда.

Я был, как мне казалось, одним из Магов древней Персии, наследником ее незапамятных знаний и пользовался некоторыми из ее сил. Я пытался проникнуть сквозь великую завесу природы и почувствовать жизнь, которая оживляла ее внутри. Я пытался постичь рождение и рост планет, и для этого я поднялся духовно и вышел за пределы земли в ту кажущуюся пустоту, которая является матрицей, где они прорастают. Во время одного из таких путешествий меня поразил призрак, как мне показалось, планеты, которую я раньше не наблюдал. Тогда я не мог наблюдать ближе, и, появившись снова в другой раз, она исчезла. По прошествии многих месяцев я увидел его еще раз, сверкающего огненной красотой — его движение было медленным, он вращался вокруг какого-то невидимого центра. Я размышлял над этим и, казалось, понял, что невидимым центром было его изначальное духовное состояние, из которого он ненадолго вышел и в которое затем удалился. Коротким был его день; его сияние превратилось в мерцание, а затем, через несколько месяцев, во тьму. Я узнал его время и циклы; я приготовился и решил дожидаться его прихода.

Рождение планеты

Сначала тишина, затем внутренняя музыка, а затем звуков песни по всей необъятности его орбиты стало так же много, как звезд на горизонте. Проспекты и перспективы звуков! Они раскачивались взад и вперед. Они изливались из всеобщей тишины, наполненные неслышанными вещами. Они устремились вперед и разразились мириадами детских голосов, веселых. Из возраста и вечности они устремились в юность. Они заполнили пустоту весельем и ликованием. Затем, взбунтовавшись, они вернулись и вошли в ужасный Источник. Они снова вышли вперед, и звуки превратились в шепот; они снова возрадовались и снова погрузились в тишину.

И вот уже все вокруг окутал безбрежный сумрак; он наполнил колыбель планеты бесцветным огнем. Я почувствовал рябь, которая унесла меня от центра к периферии. В этом центре начало разгораться неподвижное пламя; произошло новое изменение, и пространство начало сворачиваться, молочная и туманная субстанция закачалась взад и вперед. С каждым движением пульсация его ритма уносила его все дальше и дальше от центра, он становился все темнее, и огромная пурпурная тень накрыла его так, что я больше не мог его видеть. Теперь я был на внешней границе, где сумерки все еще продолжали окружать планету зонами чистого света.

По мере того, как ночь за ночью я поднимался, чтобы посетить его, они становились разноцветнее и ярче. Я видел, как явно работает воображение природы. Я бродил по тенистым нематериальным лесам, гигантской растительности, созданной из света и красок; я видел, как она становится все гуще, увешанная гирляндами и огненными жгутами, и испещренная светом мириадом цветов, каких земля никогда не знала. Одновременно с появлением этих вещей я почувствовал внутри себя, как бы в гармоничном движении, чувство радости, возрастание самосознания; я почувствовал себя полным радости, молодости и тайны нового. Я чувствовал, что вот-вот появятся более великие силы, те, кто выбросил этот мир за пределы и возвел его как место в космосе.

Я не мог рассказать и половины чудес этой странной расы. Я сам мог постичь лишь самую малость тайны их существования. Они распознали мое присутствие там и общались со мной таким образом, что я могу описать это только словами, что они, казалось, проникали в мою душу, вдыхая огненную жизнь; и все же я знал, что высочайшее, чего я мог достичь, было лишь внешней гранью их духовной природы, и, если сказать вам немного, мне много раз приходилось

переводить это, ибо в первом единстве с их мыслью я коснулся почти универсальной сферы жизни, я заглянул в древнее сердце, бьющееся во времени; и это знание превратилось во мне, сначала, в обширную и туманную символику, и так далее по многим ступеням развития. человеческая мысль облекается в слова, которые вовсе не несут в себе первоизданной и волшебной красоты.

Я стоял перед одним из представителей этой расы и думал: "В чем смысл и цель здешней жизни?" Внутри себя я почувствовал ответный экстаз, который озарял горизонты рассвета и покоя, казалось, он говорил:

"Наша весна и наше лето разворачиваются в свет и форму, а наши осень и зима - это погружение в бесконечную душу".

Я подумал: "С какой целью изливается и изымается эта жизнь?"

Он подошел ближе и прикоснулся ко мне; я снова ощутила трепет бытия, превратившегося в видение.

"Цель - это творение, а творение - это радость: Единое пробуждается от покоя, когда мы выходим, и познает себя в нас; возвращаясь, мы входим в него с радостью, познав самих себя. После долгих циклов мир, в котором вы живете, станет похожим на наш; он будет изливаться наружу и изыматься; мистическое дыхание, зеркало для остекления вашего существа".

Он исчез, пока я гадал, какие циклические изменения превратят наш комок грязи в тонкую субстанцию мысли.

В том мире я не осмеливался оставаться в период его ухода; немного войдя в его жизнь, я стал подчиняться его законам: сила, вернувшаяся, полностью растворила бы мое существо. Я с диким ужасом почувствовал, как оно овладевает мной, и отступил от уходящей славы, от величия, которое было моей судьбой, — но не сейчас.

От таких снов меня будил, возможно, тихий стук в дверь, и в комнату заглядывало милое личико моей маленькой кузины Маргарет со словами: "Кузен Роберт, ты не спустишься к ужину?"

Об этих видениях в свете последующих размышлений я хотел бы немного рассказать. Все это было всего лишь символом, требующим трижды возвышенной интерпретации, прежде чем можно будет понять его истинное значение. Я не знаю, возвещают ли о мирах такие радостные песни, или у каких-либо из них такое мимолетное существование, ибо разум, отражающий истину, введен в заблуждение странными фантазиями о времени и месте, в которых секунды растягиваются в столетия, а долгие циклы отражаются в мгновении времени. Внутри нас есть небольшое пространство, через которое протянуты все нити Вселенной; и, окружая этот непостижимый центр, человеческий разум иногда улавливает проблески вещей, которые истинны только в этих проблесках; когда мы записываем их, истина исчезает, и остается только туманная история — такая, как эта. И все же, возможно, время не совсем потрачено впустую на рассмотрение подобных легенд, ибо они раскрывают, хотя и в виде фантазии и символа, величие, наследниками которого мы являемся, судьбу, которая принадлежит нам, хотя и очень далека.

—15 августа 1894 г.

Как теософия влияет на чей-либо взгляд на жизнь

— Доклад, прочитанный перед Дублинской ложей.

Прося вас обсудить со мной влияние системы мышления, называемой теософией, на взгляд человека на все то, что входит в понятие "Жизнь", я должен предварить свои замечания признанием, что я не черпал свои идеи из увесистых томов и, более того, не проводил каких-либо серьезных исследований; и я должен далее попросить вас верить, что то, что вы услышите, является наиболее непредвзятым утверждением, насколько это возможно, по темам, которые обязательно попадут в поле зрения.

Мировоззрение любого индивидуального разума не является постоянной величиной; оно в некоторой степени определяется образованием, окружающей средой и врожденными склонностями; но оно всегда подвержено изменениям; оно постоянно испытывает влияние тонких сил и обстоятельств и меняется с каждым новым опытом и каждым новым ощущением. Тем не менее, эти влияния редко проявляют свое присутствие значительным изменением ментальной установки, и мы лучше всего способны ощутить их, наблюдая, как действия индивида, которые в значительной степени являются добровольным или непроизвольным выражением его точки зрения, отражают в разное время изменения в этой точке зрения. Действительно, собственный опыт человека даст много материала для работы; ибо, я осмелюсь предположить, никто не будет настаивать на том, что его нынешнее отношение к остальной вселенной идентично тому, которое было десять или пять лет назад, или даже один год назад. Небольшое исследование покажет, что психические процессы, предшествующие некоторому определенному действию, некоторым важным образом изменились по сравнению с теми, что были в 1890 году. Важный вопрос состоит в том, чтобы выяснить, как произошло изменение, и должен ли человек позволить посторонним событиям повлиять на его умственные выводы, или же он должен стать, благодаря мудрости, приобретенной усилием, сознательным хозяином своей судьбы.

Теософия имеет своим ведущим принципом абсолютное единство по сути и взаимосвязь всей жизни, будь то видимая, невидимая, материальная, интеллектуальная, духовная, и это сразу же дает ключ к рассмотрению настоящего предмета; ибо в соответствии с тем взглядом, который отдельный мыслитель принимает на силы и отношения самого разума, будет его взгляд на обязанности, которые эти силы и отношения влекут за собой; другими словами, этика или моральная философия должны основываться на метафизике. Теперь я хочу быть как можно более кратким, указывая на теософский взгляд на разум и душу, их силы и взаимоотношения; и если бы это не было необходимо для единства моих замечаний, я бы воспользовался ссылкой на многочисленные умелые, интеллектуальные и убедительные объяснения этого вопроса, которые вы слышали в этой комнате.

Теософия, выражаясь как можно более кратко, принимает вселенную как "проявление Божественной жизни, действующей во всех формах живого и неживого". Человек рассматривается как составное существо, искра этого божественного вселенского духа, облаченная в тело. Бессмертная, неразрушимая часть человека состоит из этой искры вселенского духа, ее носителя - человеческого духа и разума, или интеллектуальных способностей. Оно использует в качестве жилища тело с его животной жизнью, его страстями и аппетитами, которым человечество столь склонно придавать огромное значение. Связующим звеном является ум, который, будучи полным волнения, сильным и упрямым, воспринимает все

материальное существование, движим надеждами, страхами и бурей существования. Урок, на котором всегда настаивали как на обязательном усвоении, состоит в том, что низшая часть человека, тело и его привязанности, должны быть покорены и очищены; и единственный способ научить его его истинным функциям - это страдание; и когда это будет сделано, мы приблизимся к цели, когда мы отождествим наше сознание со своим истинным "я", а не с иллюзией. Способности разума ощущать все существующее и его отношения к остальной части нашего существа как связующего звена, обеспечивающего контакт души с внешними вещами и временами являющегося проводником Мудрости, которая является одним из атрибутов того, у чего нет атрибута: я говорю, что эти силы и отношения разума, о которых повсюду говорится в теософской литературе, являются определяющими факторами в формировании нашей Этики. И поскольку, начиная с Сократа, нас учат, что самопознание необходимо для руководства своим поведением, знание ума и его способностей сразу же бросается в тень как имеющее огромную ценность. Он обладает по крайней мере тремя элементарными способностями, а именно способностью знать, способностью чувствовать и способностью действовать. Эти силы, хотя и различимы, неотделимы друг от друга; но скорее, когда мы различаем знание, чувство и действие, то при тщательном исследовании обнаруживается, что то, что мы называем этими именами, является комбинациями трех элементов, различающимися только в отношении элемента, который преобладает. Локк хотел бы, чтобы мы предположили, что когда я говорю "я знаю", это означает, что объект помещен в мое сознание, как в сумку. Но никакая сумка не могла бы породить феномен знания. Чтобы произвести это, требуется задействовать активную силу, которую мы называем интеллектом. Знание объекта всегда вызывает в уме некоторую эмоцию по отношению к нему: обычно этой эмоцией является удовольствие. Иногда трудности, которые сопровождают приобретение знаний, настолько велики и вызывают такую неудовлетворенность и боль, что ум испытывает искушение изгнать их вместе с объектом, который их вызывает, из своего сознания. Знание и эмоции, которые оно порождает, побуждают к тем действиям, которые являются результатом внутренней активности ума, стимулируемой ими. Таким образом, мы видим, что предпосылками любого действия является разум как активная сила, а этика, в особенности теософская этика, рассматривается как имеющая практическую ценность, а не просто спекулятивный интерес.

Отклонившись так далеко от моей темы, я перехожу к вопросу, к которому я обращаюсь сам, - это разработка на индивидуальном уровне системы, о которой я пытался донести более великие истины. Первый класс, с которым я буду иметь дело, - это равнодушные. Для них теософия представляет максимально широкое поле деятельности и причины для нее, какие только можно пожелать. Это показывает, что ни одно действие не обходится без его прямого постоянного результата, и что, следовательно, позиция безразличного абсолютно несостоятельна. Никто, кто изучал теософскую литературу, никогда не сможет найти там оправдания простому невмешательству. Это указывает на огромную ценность того, что мы называем мелочами, и на сравнительно незначительную ценность того, что равнодушный человек обратил бы наибольшее внимание. Теософия всегда настаивает на действии в каком-то направлении, предпочтительно сознательном, хорошо направленном действии с чистым мотивом.

Агностик находится, так сказать, на особом попечении теософии — она сразу показывает ему направления, в которых можно получить дальнейшие, более полные и углубленные знания о каждой отрасли науки или философии. Оно говорит ему: "Продолжай свой предыдущий метод исследования и помни, ничего не принимай как должное, не принимай чужой авторитет. Стремись к знанию: мы можем только указать путь, которым прошли сами. Исследуйте каждый

уголок своего разума и научитесь контролировать его и свое чувственное восприятие. Тогда вы больше не будете сомневаться в своих результатах как в возможно несовершенных, но вы достигнете более тесного контакта с Истиной ". Как Агностикам, так и индифферентным изучение теософии принесет осознание ответственности по отношению к другим, что является основой нашего вселенского братства. Это приведет к удалению личного элемента, который до сих пор так много омрачал и затемнял наши исследования; и это постепенно приведет к устранению беспокойства по поводу результатов, что приведет нас (путем устранения угрызений совести или одобрения) к спокойствию ума, при котором может быть достигнута большая работа.

Привлекательность теософии для научного исследователя практически идентична последней. Это покажет ему то, что многие из его собратьев более или менее молчаливо признают, что безнадежная и умерщвляющая душу вера материалистов (что весь рост расы, борьба за высшую жизнь, стремление к добродетели полностью исчезнут и не оставят никаких следов) является сокрушительным умственным бременем, которое ведет к абсолютному отрицанию; это покажет духовную природу человека в совершенном соответствии с истинными теориями и в зависимости от фундаментальных законов и причин.

Переходя от неверия к вере, если использовать эти слова в их самом узком смысле, давайте рассмотрим, каким образом теософия повлияет на сторонника доктрин той или иной системы религиозной мысли. Возьмем сначала обычного протестанта; теософия, по-видимому, обречена на неудачу из-за того, что она лишает личности Божества и привычки молиться: ибо к обеим этим доктринам привязан ревностный церковник. Но если это действительно так, то что же это заменяет? В нем говорится об искуплении, но не об искуплении 1861-летней давности, а о ежедневном искуплении, которое должно совершаться в жизни каждого и оказывать такое же большое влияние на окружающих; оно предполагает, что возможности есть внутри каждого из нас, если мы только ищем истинный путь. Кроме того, и это небольшой момент, это устраняет ужасную язву церковного управления, которая так сильно поддерживает идею обособленности и личности: и, наконец, это предлагает вместо произнесения молитв Богу, которого нас учат бояться десять раз до того, как настоять на любви, союз с этим высшим "я", которое, если стремиться к нему, приносит мир, мудрость, бесконечное сострадание и бесконечную любовь.

Что может предложить теософия римско-католической церкви? Все, что она предлагает протестанту; с тем дополнением, что возвышается не только одна женщина, но и все женщины как существа одной и той же сущности и духа всей природы. Это показывает, что нет никакого превосходства, но что благодаря усилиям, обучению, устремлению каждый, как мужчина, так и женщина, будет признан достойным того, чтобы быть взятым на небеса и снова соединиться с единым источником жизни и бытия. Это показывает, что вся доктрина святости и блаженства имеет источник в Истине, хотя и искажена.

А что насчет других овец? Как быть с той душой, которая, чувствуя себя вынужденной своей интуицией признать сущностную божественность человека, все же не находит в церквях выражения, которое соответствовало бы ее эмоциональной природе? Как быть с тем, кого, за неимением лучшего слова, я буду называть символистом, который всегда стремится выразить в той или иной форме искусства или мысли ту божественную энергию, которая есть мудрость, сознание и энергия в одном лице? Разве теософия не дает наилучшего выхода его душевным силам? Разве ее идеи не находятся на одном уровне, если не выше, с тем, что могут предложить

ему самые возвышенные моменты его чувств? Несомненно, если кто-то и может обрести покой в ее лоне, то символист, постоянно пытающийся выразить свое чувство Истины, Красоты, которые, в конце концов, являются лишь вторым отражением Высшего разума с его знанием сущности всей жизни, может в этом выполнять свою благороднейшую работу для Человечества в компании с теми, кто, ранее сделав все, что могли, для расы из чувства долга, возникающего из интуиции, которую они отказывались признавать, нашел в доктринах теософии широчайшее возможное поле для такой работы и чистейший мотив.

А теперь, переходя от конкретных типов, как мы смотрим на теософию как на силу в Этике? Мы находим ликвидации шкурный инстинкт настаивал, как это необходимо для развития эго через его материальную конверт для всестороннего и полного познания своего Высшего "Я"; мы находим учение о братстве, выдвинутые в его самые благородные стороны; мы узнаем, что, следовательно, ответственность увеличивается и расширяется с сопровождающим чувство силы, чтобы принять и нести ответственность; при росте выше чувство внутри нас приходит чувство повышенной прочности; мы узнаем постепенно, чтобы работать без рассмотрения или тревогу за результаты; мы становимся более терпимыми нашего соседа недостатки, и в меньшей степени-наше собственное; мы находим, что полностью абстрагироваться от объектов чувств, мы становимся равнодушными к маленькой неприятности, и больше бесплатных, чтобы помочь нашим соседям, когда они нажимают на него, с осознанием причин нынешних условиях, лежащих в прошлые действия, и наши нынешние действия будет причин будущих условий, мы сами в состоянии работать в полную меру наших сил, чтобы привести в движение такие причины как приведет к счастливым результатам для человечества в целом; мы научимся смотреть на смерть не как открытия духовной жизни, но как освобождения от веса, который держит под духовной жизни, которая всегда с нами, так же, как до рождения и после смерти; мы научимся смысле методов, с помощью которых Вселенная сложится его судьба; мы видим, с каждым днем крепнет ощущение бессмертия, в абсолютном единении с универсальной душой, которая поначалу просто проявлялось в странных чувств и эмоций; мы найти ключ к контролю наших физических и умственных способностей, и не удивились, обнаружив в десять тысяч раз увеличить стоимость этих факультетов тогда медведь; мы ставим себе все больше и больше в гармонии с тем, что мы чувствуем, чтобы стать источником всей истины; мы постепенно оказываемся в состоянии выразить эти дурацкие чувства, которые мы смогли не найти слова для своей грандиозностью и величием; пока, наконец, после многих воплощений, через страдания, через отчаяние иногда, чтобы знание, которое превосходит все человеческое знание, в блаженство, которое выше нашего настоящего идей, в мир, который мир не может дать, какое surpasseth всякое понимание, и все готово отказаться от этого блаженства и умиротворения, и чтобы использовать это знание на божественное милосердие по отношению к нашим товарищам, которые следуют.

Но как нам надеяться на этот прогресс? Что нам делать, чтобы реализовать эти идеи? Это состояние наступит благодаря желанию? Неужели нет повседневного способа продвигаться вперед? Вот некоторые из вопросов, которые естественным образом вернутся на уста любого из присутствующих, кто не досконально знаком с теософскими идеями: и что мы можем сказать в ответ? Должны ли мы признать, что теософия - это доктрина только для образованных, культурных, богатых? Должны ли мы признать, что христианство или агностицизм более практичны, их легче понять обывателям? Должны ли мы сказать, что теософия не является евангелием для сегодняшнего дня? Нет, тысячу разнет! Если и есть какой-то результат изучения теософии, то это обретение Надежды, верной и несомненной Надежды, которая вскоре

становится Доверием, а позже и знанием. Я решительно утверждаю, что нет никого, кому теософия в некоторых из ее бесчисленных аспектов не нравилась бы, и привлекательна достаточно сильно, чтобы сделать ее главной страстью его существования; но я также столь же решительно утверждаю, что в теософии, как и во всех других вещах, необходимы чистые мотивы и настойчивость. Никому ничего не стоит потратить час в день на медитацию над каким-либо аспектом жизни; на размышления о нашей вечной природе и стремление привести себя в соответствие с нашими высшими идеалами чистоты, благородства, Истины. Тогда мы не сможем прочно закрепить идею всеобщего братства в нашем сознании как действительную реальность, которую необходимо достичь, и всегда действовать на этой основе. Для меня мысль об абсолютном единстве всей жизни представляет собой настолько высокий идеал для воплощения в практическую форму, насколько позволяет мне мое недостаточное развитие. Можем ли мы сделать этот идеал или какой-либо другой идеал настолько важной частью нашего мышления, что он окрашивает все наши чувства, эмоции и действия? Тогда мы внесем свой вклад в борьбу. Мы не будем из числа лаодикийцев, которым не было ни жарко, ни холодно. Давайте попробуем это: давайте посмотрим, окажет ли это такой эффект, и если мы своим личным опытом убедили себя в реальности этого, давайте продвигаться дальше и путем дальнейших испытаний узнаем более великие истины за пределами этого. Реинкарнация и Карма - это, по сути, доктрины для бедных и нуждающихся, умственных и физических. В теософии не нужны интеллектуальные тонкости: это духовное восприятие, и кто осмелится сказать беднякам, что у них этого меньше, чем у их собратьев?

Единственная область, где аргумент об "исключительности" может иметь хоть какое-то значение, - это оккультизм. В сознании большинства людей присутствует недоверие ко всему тайному. Но помните, верьте только в то, что ваш собственный тест показал вам истинным, и научитесь не осуждать тех, кто нашел какой-то непреодолимый импульс, побуждающий их искать дальше. Кроме того, любому, кто неясен в своих мотивах изучения оккультизма, лучше сделать паузу, прежде чем давать себе какие-либо обязательства или предпринимать то, результат чего он не знает даже смутно.

И прежде чем завершить это отступление, позвольте мне еще раз решительно настаивать на том факте, что истинный прогресс придет только к тем, кто стремится его достичь.

Те, кто хочет стать чем-то большим,
Чем те, кто пирует, смеется и умирает, услышат
голос долга, как ноту войны,
Укрепляющий их дух для великого предприятия,
И укрепляющий каждую жилу для атаки.

Опять же, избавьтесь от лени, или ее синонима, безразличия. Настоящий наследственный грех человеческой природы - это лень. Победите это, и вы победите все остальное. Мы не можем позволить себе останавливаться на достигнутом; мы должны продолжать двигаться дальше. В этом, действительно, стоять на месте — значит возвращаться назад, и, что еще хуже, удерживать других.

В заключение мне, возможно, будет позволено высказать вам несколько замечаний относительно влияния, которое оказала на меня теософия. Это дало мне удовлетворительные причины для жизни и работы; это придало серьезности моей работе, которую я ценю как одну

из самых ценных вещей в моем жизненном опыте. Это послужило тому глубочайшему чувству поклонения и устремления, которым обладаем все мы; это показало мне, что, расширяя свое сознание в сознании вселенной, человек приобретает больше знаний и возможностей для помощи человечеству; и это указало, где можно найти материалы для научной основы этики, а также каковы будут очертания будущего здания; и, наконец, это показало, что если объекты наших желаний меняются, и многие вещи, которыми мы дорожили, больше не ценятся, это означает просто приобретение более широких и всесторонних интересов.

— 15 сентября 1894 г.

Комфорт

Нас постоянно призывают утешать, и для многих является проблемой, что сказать. Ибо есть люди, которые не видят другого выхода из своей боли, кроме того, что они получают то, чего желают. Влюбленный тоскует по тому, кто отсутствует или холоден; бедняки требуют богатства; измученные взывают об облегчении страданий; и так далее, на всех этапах человеческой жизни мы постоянно встречаем таких людей. Мы, возможно, свободные от подобных невзгод, воспитали в себе героическое настроение. Мы думаем, что это не то, о чем стоит печалиться; следовательно, мы находимся перед дилеммой. Мы не можем помочь им, ибо их идеалы часто кажутся нам неблагородными — исполнение их желания лишь привело бы к возобновлению старой боли и еще крепче привязало бы их к измученному колесу. И все же мы не можем быть холодными, мы, которые хотели бы отождествить себя со всей жизнью, ибо душа должна "прислушиваться к каждому крику боли, подобно тому, как лотос обнажает свое сердце, чтобы напиться утреннего солнца". Во многих случаях, когда страдание неизбежно и не может быть воспринято иным образом, что нам делать? Некоторые, немного возвышаясь над постыдным мнением, что единственное облегчение - в удовлетворении желания, благоговейно говорят тем, кто испытывает боль: "Такова Божья воля", а некоторые принимают это как таковую с тупой покорностью. Но у некоторых железо вошло в душу — слова пусты. "Что общего у меня с Богом или у Него со мной?" они требуют в своих сердцах. Они присоединяются к извечному призыву и яростному бунту, который во все времена совершает душа человека против любых внешних ограничений. Мы, ученики древней мудрости, можем затронуть в них какую-то струну, которая может пробудить вечное терпение.

Мы говорим, что это не боль, навязанная нам какой-либо вечной силой; но путь, по которому мы идем, мы сами очень давно определили. На вопрос: "Какое отношение мы имеем к Богу?" мы отвечаем, что мы дети Божества — яркие искры, рожденные в Божественном пламени, дух в своем первобытном экстазе отражает в себе многочисленные силы, которые теснятся в пространстве. Оно было питаемо божественной любовью, и вся эта великая красота трепетала в нем и оживляла его. Но от этого видения, которое было у духа, он перешел к восхождению на еще большие высоты — оно было духовным, оно могло достичь божественности. Переход от первоначального трансцендентального состояния видения к другому состоянию бытия, всепроникающему сознанию, может быть достигнут только тем, что известно как нисхождение в материю, где дух отождествляет себя со всеми формами жизни и ассимилирует их сущности. Это циклическое паломничество оно предприняло, предвидя боль, но "предпочитая свободную волю пассивному рабству, интеллектуальной, застенчивой боли и даже пыткам", пока будут течь мириады времени" бессмысленному, идиотскому, инстинктивному блаженству", предвидя боль, но зная, что из всего этого выйдет более благородное состояние жизни, божество,

способное править, сила, помогающая в общей эволюции природы. По опыту многих, это правда, что, уходя глубоко внутрь себя, элементарное сознание нашептывает утешение; оно говорит, что с нами все будет хорошо; это наша изначальная воля, которая так приказывает. И таким образом мы оправдываем боль и сердца, которые разбиваются; и тот старый призыв и яростный бунт, который мы вызываем, гаснет во внутреннем свете, который исходит от "Цели, Утешителя, Господа, Свидетеля, места упокоения, Убежища, Друга". Тогда мы сможем снова идти вперед со старой, героической, титанической волей к господству, стремясь не к бегству, а скорее к встрече, терпению и ассимиляции как горя, так и радости; ибо так мы можем пронизывать всю жизнь — жизнь, которая по своей сути едина. Это истинный центр, на котором должно покоиться всякое терпение; это утешение, которое душа может обрести для себя; и за пределами и после этого мы можем сказать, что действительно боремся в хаосе, но в хаосе, само расстройство которого является результатом закона. Этот закон - справедливость, которая не может ошибаться. Уверенность в этой справедливости может породить бессмертные надежды; наши мотивы, наша вера спасут нас. Мы можем осмелиться на большее, отдать себя более полно, ибо разве корень этого закона не провозглашен красотой, гармонией, состраданием? Мы можем верить, что наши действия принесут плоды в полной мере, и оставаться небрежными по отношению к манере поведения и не стремиться к таким результатам. Мы можем смотреть на него, если захотим, как на сладчайшего из сладчайших, нежнейшего из нежнейших; и это правда, хотя он по-прежнему является хозяином огненной боли. Прежде всего, это закон нашего собственного бытия; он един с нашим изначальным "я". Я думаю, во всем этом кроется то утешение, которое мы можем принять и предложить в случае боли. Те, кто понимает, в своем смирении станут едиными с самими собой; и из этого смирения возникнет воля идти вперед и выполнять наше высокое предназначение.

— 15 мая 1894 г.

Восходящий цикл

Учение Тайной доктрины делит период, в течение которого продолжается эволюция человека на этом земном шаре, на семь периодов. В течение первых трех с половиной из них эфирное человечество, появившееся в Первой Расе, постепенно приобретает материальную форму, а психическая духовность внутреннего человека трансформируется в интеллектуальность. В течение оставшихся трех с половиной периодов происходит постепенная дематериализация формы; внутренний человек медленно поднимается от простого интеллекта мозга к более совершенному духовному сознанию. Нам говорят, что существуют соответствия между ранним и более поздним периодами эволюции; старые условия повторяются, но на более высоких планах; мы вновь обретаем старую духовность с добавлением мудрости и интеллектуальной силы. Рассматривая это таким образом, мы обнаружим, что Седьмая Раса соответствует первой; Шестая - Второй; а Пятая Раса (которая является нашей) соответствует Третьей. "Сейчас мы приближаемся ко времени, - говорится в "Тайной доктрине", - когда маятник эволюции решительно направит свое колебание вверх, возвращая человечество на параллельную линию с примитивной Третьей Коренной Расой в духовности". То есть примерно к концу Пятой Расы на земле будут существовать условия, некоторым образом соответствующие тем, которые преобладали, когда люди Третьей Расы начинали свою эволюцию. Через этот период могут пройти еще сотни тысяч лет, тем не менее, представляет интерес прогнозировать это будущее, насколько это возможно, поскольку будущее скрыто в настоящем и является результатом сил,

действующих сегодня. Из этого исследования мы можем выяснить истинную природу движений, подобных Теософскому обществу.

Один из самых интересных отрывков в "Тайной доктрине" - это тот, который описывает раннюю Третью расу. "Это потомство не было Расой. Сначала это было чудесное Существо, называемое "Инициатором", а после него группа полубожественных и получеловеческих существ". Даже не пытаясь объяснить истинную природу этого таинственного Существа или Расы, мы можем предположить, что одна из вещей, на которые намекается, - это сознание единого существа, которым обладали эти древние Адепты. Разгуливая по земле в качестве наставников менее развитого человечества, их мудрость и сила имели общий корень. Они учили истине, исходящей из сердечного восприятия жизни, вечно свежей и вечной, повсюду пронизывающей природу и изливающейся в них самих. Это сердечное восприятие есть сознание единства внутреннего существа. Маятник эволюции, который в своем восходящем движении вернет человечество назад на параллельную линию с примитивной Третьей Коренной Расой, должен вернуть нечто, соответствующее этой изначальной иерархии божественных мудрецов. В конце Калиюги мы должны увидеть новое братство, сформированное из тех, кто поднялся над материальной жизнью и целями, кто победил себя, кто очистился страданиями, кто обрел силу и мудрость и кто пробудился к старому магическому восприятию своего единства в истинном Бытии. "В конце Кали, нашей нынешней эпохи, Вишну, или "Вечный Царь", явится как Калки и установит праведность на земле. Умы тех, кто живет в то время, пробудятся и станут прозрачными, как хрусталь" (Тайная доктрина, II, 483)

Минуя поворотную точку эволюции, где иллюзия отделенности является полной, и продвигаясь к тому будущему, ожидающему нас на бесконечных расстояниях, когда Великое Дыхание прекратит свое внешнее движение и мы сольемся в Единое — на этом горном пути в группах и скоплениях люди сначала сблизятся друг с другом, войдя в дух своих собственных родительских лучей, прежде чем объединиться в источнике всего света и жизни. Мы можем ожидать, что возникнет такое братство мужчин и женщин, сознающих себя в единстве, мыслящих единым разумом и действующих от единой души. Все подобные великие достижения человечества были предвещены задолго до этого знаками, которые могут быть известны тем, кто изучает жизнь людей. Прежде чем появиться живое существо, в темноте утробы происходит вынашивание. Идеалы сначала существуют в мысли, и из мысли они воплощаются в объективное существование. Теософское общество было создано для формирования ядра всеобщего братства человечества, и его тенденция направлена к этому идеалу. Не можем ли мы обоснованно предположить, что сегодня в этом движении мы являемся свидетелями рождения новой расы, соответствующей божественным Инициаторам Третьей; расы, которая в своей внутренней жизни будет поистине "Чудесным Существом". Я думаю, что мы окажем наше самое истинное служение Обществу, рассматривая его таким образом как реальное существо, чей младенческий возраст и мистическое детство мы должны лелеять. Есть много людей, которые знают, что с помощью определенных методов возможно участвовать в душевной жизни коллеги, и если возможно сделать это хотя бы на мгновение с одним товарищем, то таким образом возможно участвовать в более обширной жизни великих движений. Придет время для всех, кто посвятил себя этой идее, как это сделала Е.П. Блаватская и некоторые другие, когда они войдут во внутреннюю жизнь этого великого Существа и разделят надежды, стремления, героизм и неудачи, которые неизбежно должны быть вызваны, когда так много мужчин и

женщин работают вместе. Чтобы достичь этого, мы должны постоянно помнить об этом чувстве единства; стремиться также подниматься в медитации, пока не почувствуем в необъятности бытие этих бесчисленных сердец, горящих героической целеустремленностью: мы должны попытаться очеловечить наш мистицизм; "Мы можем достичь Вселенского Разума только через умы человечества", и мы можем проникнуть в их умы путем постоянной концентрации, стремясь осознать их мысли и чувства, пока мы всегда будем носить с собой в воображении, как [писал] Уолт Уитмен, "эти восхитительные ноши, мужчины и женщины".

—15 ноября 1893г.

Развлечения "Мистических ночей"

Мы весело двинулись в путь под покровом сумерек;
День дракона с его красноватым гребнем
Сверкал на затененных холмах, нависших над
неподвижными серыми полями в их росистом покое.

Мы шли веселые, ибо все древние истории
вновь звучали в наших сердцах, пока мы шли;
Над нами возвышалось рассветно-белое великолепие горы;
Мы взобрались на нее как на престол Божий.

Мы разбили палатки в укромном уголке на склоне горы. Весь день мы ликовали, предвкушая счастливые праздники вдали от многолюдного города. Но теперь, когда мы сидели вокруг лагерного костра в сумерках, на нас опустилась тишина. Что нам было делать долгими вечерами? Я видел веселое лицо Вилли по другую сторону камина, который пытался подавить зевоту, снова набивая трубку. Брайан наблюдал, как звезды одна за другой занимают свои места. Я повернулся к Роберту и обратил всеобщее внимание на него как на достойный объект для презрения. Он вытащил из нагрудного кармана брошюру на какую-то научную тему и пытался прочесть ее при мерцающем свете.

"Вы поднялись в горы ради этого, - спросил я, - чтобы расширить свои знания об эоценовой эпохе?" Отложи это в сторону, или мы отправим это во всеожжение звездам".

- Ну, - сказал он с несколько пристыженным видом, - ты же знаешь, надо что-то делать. Вилли курит трубку, Брайан ведет какие-то таинственные переговоры с планетами, а тебе нужно позаботиться об огне. Что же делать?"

Это касалось сути вопроса. Я некоторое время размышлял над этим, пока меня не осенила идея.

"Вот Брайан. Пусть он расскажет нам историю. Он появился на свет со связкой старых легенд. Он знает все тайны и очарование со времен Риши и вообразил за ними нечто большее. У него есть рассказы о тысяче воплощений, скрытых в тайне. Он верит, что все, что произошло, все еще живет в памяти Природы, и что он может вызвать из циклов прошлого героические фигуры и забытую историю просто по своей воле, как маг собирает орды стихий вместе".

- Пусть в нем будут дракон и принцесса, - сказал Вилли, принимая позу слушателя.

- Или достоверная информация об эоценовом человеке, - предположил Роберт.

"Я не мог бы рассказать историю таким образом", - просто сказал Брайан. "Я никогда не смог бы придумать историю, хотя все персонажи, герои и принцесса, должны были прийти и сесть рядом со мной, чтобы я мог описать их такими, какими они были на самом деле. Мои истории возникают в моем сознании, как живые существа, и я могу рассказывать их только так, как они рассказывают мне самих себя. Сегодня, когда я лежал на солнце с закрытыми глазами, я увидел дымку золотого света, затем появились сумеречные деревья, движущиеся фигуры и говорящие голоса; это превратилось в то, что вряд ли можно назвать историей, а всего лишь вечером в каком-то легендарном существовании".

Мы ждали, пока Брайан пытался вспомнить свои туманные фигуры. Мы уже прониклись симпатией к его фантастическому миру, потому что долины под нами были тускло окрашены и тихи, и мы лишь редко и издали слышали шум деревни; горные создания тайно передвигались, ища свои особые радости в тишине, среди росы и темноты. Немного погодя Брайан начал.

Сады сумерек

Я видел в своем видении одного из героев античного мира. Он ехал верхом много-много дней, но не увидел ни одного доброго человеческого лица. После долгих скитаний и трудов он пришел в Сады Сумерек, богатые и редкие сады первобытного мира, известные древним грекам по слухам как Геспериды. Он с удивлением огляделся вокруг; все вокруг было залито туманным светом, ровным, как вечером, который разливался повсюду; воздух был насыщен ароматом множества цветов; от каждого цветка исходил аромат, который витал вокруг него в виде нежного пара. Пока он смотрел, к нему приблизился один из духов сада в облике прекрасного человеческого ребенка.

- Как ты сюда попал? - спросил я.

"Я скитался много лет, - сказал он, - я сражался с драконами, которые лежат, завернувшись в лимонную чешую, на дорогах; я воевал против угнетения; я добился торжества справедливости, и теперь, когда на земле воцарился мир, я мог бы спокойно жить в своем собственном сердце, но пока не мог. Итак, я оставил позади счастливые очаги и дома людей и поехал дальше, тайный огонь непрестанно горел во мне; я не знаю, в каком странном доме он будет гореть до сих пор. Но что это за сады?"

"Это Сады Сумерек", - ответила девочка.

"Как прекрасны тогда, должно быть, Сады Дня! Как похож на легкую аметистово-золотую пыль туман, поднимающийся от зачарованных благоухающих цветов!" Несомненно, какие-то духовные существа должны обитать в воздухе, который так постоянно окрашивается в оттенки жемчуга и ракушек!"

"Они - слуги Зевса", - сказал ребенок. "Они живут в этом блуждающем воздухе; они выходят в мир и творят тайну в сердцах людей".

- Неужели кто-то из таких привел меня туда?

"Я не знаю; но одно я знаю точно: ведомый ли блуждающими духами или ведомый своим собственным сердцем, никто не может оставаться здесь в безопасности и смотреть на цветы, кроме тех, кто понимает их тайну, или тех, кто может создать такую же красоту. Для всех остальных смертелен аромат цветов; пораженные безумием, они уносятся во внешний мир в лихорадке, страсти, нескончаемом голоде и мучениях".

"Мне все равно, уйду ли я от них", - сказал странник. "Не здесь мое сердце могло бы успокоиться и его желание угасло бы, но в первом Источнике".

Они прошли дальше и углубились в Сумеречные Сады, которые были вечно меняющимися, переливчатыми, вечно краснеющими новой и мимолетной красотой, вечно исчезающими перед пристальным взглядом, чтобы открыть под ними более безмолвные миры мистического бытия. Как пар, то великолепный, то нежный, они колыхались, или как гигантские водоросли затевают ныряльщика в индийской волне, залитые солнцем сквозь все ее зеленые глубины. Иногда под их ногами разворачивалась тропинка с миллионами сияющих голубых цветов, мерцающих, как звезды на Пути Уилки, и изящно уводила в сказочные дали.

"Давай отдохнем", - сказал ребенок, прислоняясь к дереву. Она начала покачивать рукой взад-вперед среди цветов; когда ее пальцы коснулись похожих на колокольчики соцветий горящего аметиста, они окрасились в насыщенный цвет; казалось, она погрузилась в мечты, как человек, который трудится не ради наслаждения, а всегда живя среди богатых радостей. Он задавался вопросом, была ли она такой же нереальной, как сады, и, вспомнив ее слова, они показались ему знакомыми, как будто были всего лишь отголосками невысказанных мыслей, которые нахлынули на него, когда он двигался. Пока он наблюдал за порхающей фантазмагорией с чувством ожидания музыки, которая так и не прозвучала, фантазмагорией с чувством ожидания музыки, которая так и не прозвучала, перед ним возникли образы покоя, исчезающие быстрее страсти, и приблизились формы непоколебимой чистоты, одетые, как жрицы, в белое и золотое; они положили головы ему на грудь; когда он посмотрел вниз, их глаза, нетерпеливые и горящие, стали страстными и полными желания. Он протянул руку, чтобы сорвать цветы и сплести венки для их прекрасных головок.

- Не надо! Не надо! - закричал ребенок. - Посмотри, у каждого цветка есть свой хранитель!

Вокруг корней каждого цветка или среди листьев обвивались змеи, поджидая с волнистой головой и раздвоенным языком, чтобы ударить неосторожную руку. Он стряхнул с себя дремотное влияние запахов и перегруженного воздуха; формы исчезли. Он вспомнил слова ребенка: "Никто не может оставаться в безопасности равным по красоте". Он начал размышлять о значении садов.

"Пока мы сидим здесь, засидевшись допоздна во славе сумерек, я расскажу вам историю, которую мне подсказало воображение", - сказал он. "Я думал, кто-то пришел сюда давным-давно и построил себе могущественный мир во сне на многие сотни лет".

"Он жил с королями и советниками; он занимался магическими искусствами, и великие и мудрые люди земли были его товарищами. Когда пришло время ему уходить, он печально отвернулся от человеческих башен. Он прошел, сам того не ведая, по странным ущельям, ведущим в эти сады; но свет не падал на него радужными волнами, пенистыми от цветов и сверкающими от исчезающих форм; свет был скрыт в недрах сумерек; он был всепроникающим, но невидимым; сущность света омывала его душу; свет был живым; свет был

неистощимым; им рождалось все; прикасаясь к нему, все шло вперед в экстазе, слепое, ищущее реализации.

Волшебник принес с собой семена человеческого желания, мудрости и устремления. Свет пробился сквозь его угрюмую забывчивость и зажег давно забытый огонь. Он очнулся от своей темноты и увидел перед собой в счастливейших перспективах островной город, где он бездельничал. Вокруг него были мужчины и женщины, которых он знал; повинувшись его тайным желаниям, толпы приветствовали его как короля, они склонялись перед ним как перед мудрым, они поклонялись ему как всемогущему.. Это не было для него чем-то странным, и, увлеченный королевскими фантазиями, он в течение бесчисленных лет правил островным городом. Он мечтал об этом как поэт, и не было города прекраснее, чем этот город его мечты. Были места, которые вздымались ввысь, вершина за вершиной, среди драгоценного света звезд; были дворы и портики, полные таинственной славы и мрака, великолепия и тьмы; были фонтаны, выбрасывающие на свет жемчужный туман; вокруг них с летом в сердцах лежали жители острова, каждый из которых был ангелом красоты. По мере того как сон волшебника углублялся в экстаз, город колебался и менялся все больше и больше; его башни все смелее вонзались в путь звезд; во тьме внизу он вызывал огненных птиц из воздушных глубин; они кружили над дворцами на пылающих крыльях; они окрашивали воздух вбогатеишие краски и изливали изумрудный, синий и золотой дождь на улицы, скульптурные стены и жителей в их странных радостях.

Его мечта изменилась; он больше не выходил, а заперся в своем дворце со своими мудрейшими принцами, и пока он совещался с ними, призрачные и сверкающие башни не поблекли и не опали, как бабочка опускает крылья. Бесчисленные годы он жил в опьянении мыслью; вокруг него были мудрецы, предлагавшие мудрейшие законы, и поэты, воспевавшие любовь, человечность и судьбу. По мере того как его мечта становилась все более восторженной, они пели о более могущественных темах; не переставая звучали музыка и свет; не было предела славе или владычеству, к которым не могла бы стремиться человеческая душа; его воины шагали от звезды к звезде в мечтах о завоеваниях и остались бы принцессой ветра, волн и огня, чтобы сделать более сияющей свиту этого чародея Прекрасного.

И снова его желание изменилось. Он не стремился больше властвовать над этими обширными царствами за его пределами; он заперся во внутренней комнате в одинокой медитации, и по мере того, как он погружался в более глубокое бытие, мудрецы и поэты, которые были с ним на его королевских пирах, исчезали и их больше не было. Он, мудрый ум, размышлял внутри себя, находя радость в постоянном внутреннем рождении мысли за мыслью, как в пустынных морях волна накатывает на волну. Из всего, что он знал или пережил, он извлек их суть и скрытый смысл и обнаружил, что в своем прежнем бессознательном состоянии он был не меньшим королем, чем сейчас, и что во все времена природа была послушной, и что бы ни происходило, все по-прежнему происходило по его собственной воле. Сквозь свет, тонко подернутый огнем его устремлений, ему иногда казалось, что он видит сияющий Закон во всех вещах и движение по пронизанным мыслью небесным полям вселенского воображения. Он увидел, что это тоже было служителем ему. Он приблизился к самому себе — божественности. Последним восторгом его души было его лучезарное самопознание. За исключением этого одеяния, свет иллюзии ниспадал с него. Теперь он был в круге белейшего огня, который опоясывал и наблюдал за движениями миров внутри его груди. Он пытался расшириться и войти в этот пылающий круг;

мириады существ на его границах наблюдали за ним с жалостью; я чувствовал, как их мысль волнует меня.

"Он никогда не достигнет этого!"

"Ах, Прекрасная Птица, ее оперение испачкано!"

"Его слава погубит его!"

"Только в невидимой белизне он может пройти!"

"Как он парит ввысь, эта Прекрасная Птица!"

Эти голоса всеобщего сострадания не доходили до него, увлеченного устремлениями и властной волей. На мгновение — целую вечность — бесконечности взволновали его, те бесконечности, в которые, как он знал в то мгновение, он никогда не сможет войти, кроме как как одно целое со всеми в дни великого возвращения. Все, что жаждало, все, что стремилось и смело, все, кроме бессмертных, были уничтожены в этом движении и сброшены вниз с высочайших небес жизни, искра-пилигрим снова начала ребенком проживать заново круг человеческих дней ".

"Дух этого места овладел тобой", - сказал ребенок. "Сюда могут прийти и увидеть сон; и их радостный сон закончился, из каждой сферы сновидений снова выходит в муках младенческий дух человека".

Но что лежит за этим призрачным светом и этими постоянно меняющимися перспективами? Я устал от их исчезающего великолепия. Я бы не хотел подниматься сквозь сны, чтобы узреть истину, и бессильно падать, но предпочел бы вернуться на землю, хотя и испытывая боль, все еще стремясь продолжить циклический труд ".

"Я принадлежу садам, - сказал ребенок. - Я не знаю, что находится за их пределами. Но там много тропинок, ведущих вдаль".

Перед тем местом, где они стояли, разветвлялись дорожки из сочных цветов. Здесь область розовых цветов манила к перспективам нежного великолепия; там идеальные фиолетовые оттенки вели к более торжественной красоте; здесь глаза ослепляли аллеи богатой, сияющей и солнечной зелени; другая аллея прекрасных золотистых тонов, казалось, приглашала в страну солнца, а еще одна уводила через мягкую и тенистую голубизну в далекие духовные дали. Там была одна - дорожка из белых цветов, заканчивающаяся светом, который не мог пронзить ни один глаз.

"Я выберу это — путь белого цветка", - сказал он, помахав на прощание ребенку рукой. Я наблюдал за античным героем в своем видении, когда он выходил на свет; казалось, он сиял, становился больше; когда он исчез из моих глаз, он преобразился, войдя как бог в область богов ".

- Тебе действительно все это приснилось? - спросил Вилли. - Как это, должно быть, весело! Это все равно что переступить со сферы на сферу. Не успеет наступить ночь одного дня, как ты оказываешься утром другого. Полагаю, у тебя есть какая-то теория на этот счет - такая же замечательная, как твои сады?

"Да! - сказал наш скептик. - У меня было неприятное ощущение, что это не совсем чистая история. Я почувствовал аллегорию, скрывающую свою худобу где-то под сиянием и красками".

"Что я хочу знать, так это как эти вещи вообще попадают в воображение!"

"С каким ужасающим научным рвением вы препарируете фантазию! Возможно, вы смогли бы понять, если бы вспомнили, что иногда происходит перед сном. Сначала вы видите изображения вещей, пейзажей, людей, которых вы знаете; через некоторое время люди и места, неизвестные ранее, начинают смешиваться с ними во все расширяющемся круге видений; свет, в котором изображены эти вещи, универсален, хотя каждый имеет вокруг себя свою особую сферу света; это зеркало его самого - его память; но по мере того, как мы углубляемся в себя в самоанализе, мы видим за пределами нашей особой сферы великое вселенского света, мемориальную доску природы; там скрыты секреты прошлого; и поэтому, как сказал Феликс некоторое время назад, мы можем вызвать и возродить к жизни легенды и традиции. Это Астральный Свет мистиков. Его более глубокий и живой аспект, кажется, разжигает в нас принцип желания. Все сладкие, соблазнительные, чарующие искушения чувств вдохновлены им. После смерти душа, переходящая в этот живой свет, продолжает думать, продолжает думать, продолжает стремиться, стремится, бессознательно создавая вокруг себя свои собственные обстоятельства, в которых все самые сладкие желания исполняются сами собой. Когда эта сила сновидения истощается, душа снова возвращается на землю. У кого-то это возвращение связано с жадой существования; у кого-то с осознанием реальных потребностей души".

- Ты действительно во все это веришь?

- О да! Но это всего лишь общее утверждение.

"Я удивляюсь твоей способности верить в эти невидимые сферы. Что касается меня, я не могу выйти за пределы мира, в котором живу. Когда я думаю об этих вещах, мне кажется, что какая-то ужасная необходимость вынуждает меня оставаться здесь - или, как вы могли бы выразиться, ангел с пылающим мечом повсюду охраняет пути к Древу Жизни".

- О! - воскликнул Вилли. - мне это кажется наиболее разумной теорией. В конце концов, что еще душа может делать после смерти, кроме как придумывать сама?

У нее нет тела, в котором она могла бы передвигаться. Я собираюсь помечтать об этом сейчас. Спокойной ночи!"

Он направился к палатке, и Роберт последовал за ним. "Ну, я пока не могу отдыхать, - сказал Брайан. - Я собираюсь ненадолго подняться на вершину холма. Пойдем, Феликс, эти сонные ребята собираются спрятаться от лика ночи. Мы поднялись наверх и, облокотившись на валун, вместе выглянули наружу. Вдали, на созданной мечтой границе пространства, тысячи толчков бежали и преследовали друг друга всю темную ночь. Человеческие традиции, воспоминания о боли, борьбе, надежде и желании улетучились и растаяли в тишине, пока, наконец, в пристальном взгляде не осталось только элементарное сознание. Я почувствовал холод от пустоты. Я задавалась вопросом, что такое эта пустота для Брайана. Я хотела увидеть его глазами. Его рука обнимала меня за плечи. Как я любила его — моего самого близкого — моего брата! Яростное и нежное пламя, родственное его духу, горело в моем сердце. Я почувствовал смешение природы, что-то шевельнулось у меня перед глазами. "Смотри, Брайан!" Я

прошептала: "Это волшебная страна!" Маленькая фигурка ребенка стояла немного в стороне, излучая нежное сияние в сумеречном воздухе. Удивительно невинная, первобытная, она двигалась, замкнувшись в мире великолепных цветов и мистических теней, воспринимаемом лишь наполовину. Сквозь вьющиеся каштановые волосы, струящиеся вокруг нее, просвечивала золотистая пыль насыщенного цвета, казалось, исходящая от ее платья. Она оторвала кончики пальцев от цветов и смахнула яркую росу в сторону. Я почувствовала что-то смутно знакомое в этом жесте. Затем Брайан сказал: "Это один из Детей Сумерек". Это было откровение его разума. Я вошел в формы его воображения.

"Это замечательно, Брайан! Если я могу таким образом разделить чью-то мысль, не может быть предела расширению этой способности. В данный момент кажется, что я могу надеяться наконец проникнуть в сознание человечества и взглянуть на душу, а не на субстанцию".

"Это была бы великая, но ужасная сила. Как часто мы не воображаем себя демонами. Пространство переполнено этими драконоподобными формами, химерами боязливого разума. Каждая мысль - это сущность. Я думаю, рано или поздно нам придется уничтожить этот выводок, который мы произвели на свет.

Но когда мы поворачивали назад, я не испытывал страха и не думал об этом будущем соревновании. Я чувствовал только радостные надежды, видел только постоянно расширяющиеся перспективы. Мечты о Золотом веке, о далеких счастливых временах наполнились смыслом. Я представляю все будущее в его великолепии. Воздух был наполнен яркими сверхъестественными существами, они двигались в воздухе, в свете; и они, и мы, и все вместе были поддержаны и взволнованы дыханием Неведомого Бога.

Когда мы приблизились к палатке, все еще мерцающий свет костра высветил внутри лицо Роберта. Он спал. солнечное тепло еще не изгладило следы учебы и тревожных раздумий.

- Ты знаешь старую традицию, что во время самого глубокого сна тела душа уходит в себя. Я верю, что теперь он знает правду, с которой боялся столкнуться. Совсем недавно он был здесь; он был в сомнении; теперь он ушел ко всему древнему. Он был в тюрьме; теперь у Райской птицы есть крылья. Мы не можем называть его никаким именем, потому что не знаем, кто он такой. Мы действительно могли бы громко воззвать к его славе, как в древности индийский мудрец взывал к спящему: "Ты, великий, облаченный в одежды, Сом, Царь!" Но кто, думая о том, кто он есть, стал бы призывать титана вернуться к этой странной и жалкой мечте о жизни? Давайте вздохнем тише, чтобы воздать ему почести. Настал Час Короля,

"Кто бы мог подумать, что этот настоящий дышащий
От мира сбежал?

И все же в той форме, которую мы там видим
Сегодня ночью просыпается Золотой Король.

"На лице лиц"
Он смотрел вперед перед сном;
Теперь он знает звездные расы
Обитатели древних глубин;

"О птице Бриллиантовой Славы"

Плывет в мистических потоках песни;
По мере того, как он перечисляет, тройная история Времени
Кажется, но день такой длинный.

"Когда он проснется — мечтательный сердцем -
Он не будет знать, откуда он пришел,
И свет, с которым он расстался
Будь огненным мечом серафима;

"И за его небесным воинством
Охраняющий потерянный Рай,
И Древо вечной Жизни
От плачущих человеческих глаз".

- Ты волшебник, Брайан. Пока ты говоришь, я наполовину представляю, как темнота искрится образами, проходящими героями и древними королями, и украшенными драгоценностями серафимами, которые движутся в пламени. Я схожу с ума. Расстояние давит на меня. Ночь и звезды живые и — говорят неведомые вещи! Ты сделал меня таким беспокойным, что я никогда не смогу уснуть".

Я лег. Бремя чуда и тайны существования лежало на мне. Через отверстие палатки врывался теплый ночной воздух; звезды, казалось, приближались — полные добрых намерений — со знакомым шепотом; пока, наконец, я снова не погрузился в великую пучину сна, окруженный таинственным сиянием сновидений.

Ночь Вторая

Небо было тусклым , огромным и глубоким
Над долинами покоя;
Они, казалось, раскачивали уснувшие звезды
За гребнем горы.

О, долина, и звезды, и скалы, и деревья,
Он дарует вам свой покой,
Но держит вдали от вас мир
Чей дом в Его груди!

Густая ночь, сверкающая золотыми огнями, окутала нас. Все пребывало в покое. После долгого дня блуждания по холмам мы снова сели перед нашим костром. Я чувствовал, как, возможно, и все мы, мистическое беспокойство, восставшее против дремотного настроения природы, витавшего вокруг ее холмов и долин.

- Ты должен объяснить нам, Брайан, почему мы никогда не можем достичь настоящего покоя, даже здесь, где все кажется мирным.

"Мы здесь чужие и не знаем самих себя. Мы всегда мечтаем о какой-то другой жизни. Эти сны, если бы мы только могли правильно истолковать их, стали бы дверями, через которые мы могли бы по-настоящему познать самих себя".

"Не думаю, что я почерпнул бы много мудрости из своих снов", - сказал Вилли. "Прошлой ночью мне приснился сон; множество маленьких гоблинов танцуют джигу на сумеречных равнинах. Может быть, вы могли бы рассказать нам настоящий сон?"

"Я помню один сон, я имею в виду, такого рода, о котором я вам расскажу. Он произвел на меня глубокое впечатление. Я назову это мечтой о

Северное сияние

Я пробудился ото сна с криком. Я был выброшен из великой бездны и отвергнут тьмой. Но из облаков и снов я создал символ выхода духа — символ, а не воспоминание, — потому что, если бы я мог вспомнить, я мог бы снова вернуться по своему желанию и освободиться от неведомой земли. Но во сне я был свободен. Я мчался вперед, как стрела. Я следовал за тайной надеждой, вдыхая потоки жизни, текущие повсюду вокруг меня. Я отслеживал эти потоки, тайно извивающиеся вдали. Я сказал: "Я иду к себе. Я искупаюсь в Источнике Жизни"; и так дальше и дальше я мчался на север, подо мной текли темные воды, а звезды сопровождали мой полет. Затем сияние озарило небеса, ледяные вершины и пещеры, и я увидел Северное сияние. Я посмотрел вперед из алмазной груди воздуха. Тусклый мир внизу весь сиял бледной зимней зеленью; ледяные гребни мерцали, отражая свет от темных аур, струящихся над горизонтом. Затем эти ауры вспыхнули огнем, и ледяные равнины осветились. Свет пронесся по пещерам гоблинов и осветил их ледяные сердца и фантастические минареты, нависающие над ними. Свет вверху торжественным строем вышел вперед и победил ночь. Свет внизу мириадами сверкающих копий преследовал мрак. Его ослепительные копья дрожали в сердце льда: они проносились над призрачными впадинами; оттенки востока, казалось, смеялись сквозь зиму; вершины расцвели звездчатыми и хрустальными цветами, сиреневыми, белыми и голубыми; они исчезли, жемчужные, опаловые и розовые в мерцающем мимолетном сиянии; затем отблески розы и аметиста медленно переползли от шпата к шпату, посветлели и погасли; перед моими глазами воцарилась тишина; мир снова стал бледно-зимне-зеленым. Я больше не думал о них, а о могучих и невидимых приливах, проносящихся мимо меня с волнообразным движением. "О, Источник, который я ищу, твои воды повсюду вокруг меня, но где мне найти путь к Тебе?" Что-то откликнулось на мой крик: "Загляни в свое сердце!" и, повинаясь голосу, провидец во мне больше не смотрел вперед глазами призрачной формы, но погрузился глубоко в себя. Тогда я понял природу этих мистических потоков; они были жизнью, радостью, любовью, пылом, светом. От них исходило дыхание жизни, которое сердце втягивало с каждым ударом, и оттуда оно озаряло затуманенные пустоты мозга. Они изливались непрерывно; они были жизнью в каждом; они были радостью в каждом; они пробуждали непередаваемую любовь, которая исполнялась только в уступке необъятному и обожании его. Но я не мог приблизиться к Фонтану; меня понесло назад от его невообразимого центра, затем чья-то рука схватила меня и остановила. Я никого не мог видеть, но я успокоился, наполнился глубоким покоем, из которого память веет лишь смутными символами, образами силы и Святых Мудрецов, их величественными лицами, обращенными к миру, как будто в благословении всеобщей любви,

жалости, сочувствия и мира, предписанных Буддой; лица Отцов, древние, исполненные вечной юности, смотрели вперед, как в воображении мистика Блейка утренние Звезды смотрели вперед и пели вместе. Звук, подобный "ОМ", непрерывно поднимался вверх и создавал вокруг них ореол покоя. Я бы присоединился к песне, но не смог достичь их. Я знал, что если бы у меня была более глубокая любовь, я мог бы отправиться с ними на бесконечные труды среди мира; но я мог только стоять и смотреть; в моем сердце было страстное желание, которое было поклонением, в моих мыслях - чудо, которое было похвалой. "Кто это?" Пробормотал я? Голос ответил: "Они слуги Безымянного. Они выполняют его приказы среди людей. Они пробуждают древний героический огонь самопожертвования в забывчивых сердцах". Затем в моем видении появились формы древней жизни. Я видел старую землю, сказочную тень, пока она еще не затвердела, населенную эфирными расами, не знающими ни самих себя, ни своей судьбы и убаюкиваемыми внутренними мечтами; вверху и вдалеке я видел, как много сверкающих воинств, закончивших свою борьбу, двинулись дальше, к Шабашу Вечности. Из этих сонмов один упал, как звезда, из их сердца и затмил древнюю землю своей любовью. Где бы оно ни находилось, я видел, как каждый человек, пробуждаясь от своих грез, отворачивался с мыслью о жертве в сердце, с огнем, который может быть забыт, но никогда не погаснет. Это был постоянный тайный шепот Отцов в самом сокровенном существе человечества. "Почему они не слушают?" Я удивлялся. Затем я услышал другой крик с нижнего полюса, из ямы; голос давнего отчаяния и протеста, призыв страсти, ищущей своего удовлетворения. Чередующимся с рассветом Света было дыхание расширяющейся Тьмы, где силы зла собирались вместе. "Это борьба между светом и тьмой, которые являются вечными путями мира, - сказал Голос, - но свет победит, и огонь в сердце возродится; люди вернут себе свое старое ангельское естество, и хотя темные силы могут воевать против них, ангелы своей любовью убьют их. Будь готов к битве и смотри, чтобы в битве ты использовал только любовь. Затем меня быстро отбросило назад, и я проснулся. Все, что я знал, было всего лишь символом, но в моем сердце был покой Отцов-мистиков, и драгоценное великолепие Северного сияния ослепляло мои глаза.

"Ну, после такого сна, - сказал Вилли, - единственное, что можно сделать, - это попытаться увидеть еще один подобный сон".

—15 октября 1894 г.- 15 января 1895 г.

Под влиянием момента

Я намерен изложить некоторые интуитивные представления о братстве и доверии к людям. Один остроумный друг пишет: "Теперь, когда я принял решение, я намерен изучить доказательства". Подобная позиция не так абсурдна, как кажется на первый взгляд. Это безумие только для тех, кто рассматривает только разум и отрицает ценность глубоко укоренившейся интуиции. Интуитивное доверие, которое столь многие члены Т.С. испытывают к Уильяму К. Судья, на мой взгляд, показывает, что он настоящий учитель. В глубине своего существа они знают его как такового, и то, что там является знанием, становится интуицией в часы бодрствования. Когда раздается шум множества голосов, выдвигающих обвинения, указывающих на время, место и обстоятельства; на вещи, которые мы не можем лично исследовать, только дух внутри нас может говорить и принимать решения. Другие, обладающие большими знаниями, могут дать ответ на обстоятельства времени, места и действия; но, с ними или без них, я подкрепляю свою интуицию разумом — там, где пробивается свет, там душа чиста. Истинно говорит брат:

"Список его работ бесконечен, монументален; он показывает нам неутомимую душу, огромную и неукротимую волю, полное игнорирование самого себя ради блага своих братьев. Это поведение не шарлатана, не эгоиста. Это имя одной из тех храбрых и испытанных душ, которые пробили себе путь сквозь просторы времени, чтобы обрести силу сражаться сейчас за тех, кто, возможно, слабее".

Другие, возможно, были более красноречивыми и образованными, но кто был настолько мудрым? Другие, возможно, писали более красиво, но кто с такими намеками на Тайный Дух, дышащий внутри? Другие интеллектуально объясняли таттвы, принципы и тому подобное, но кто, подобно ему, затронул сердце скрытого благородства? Разве он не делал этого снова и снова, как здесь?

"Делай то, что считаешь нужным. Страстно желайте сделать это, и даже когда вам не удастся выполнить ничего, кроме нескольких мелких обязанностей, нескольких слов предупреждения, ваше сильное желание, подобно Вулкану, подействует на другие сердца в мире, и внезапно вы обнаружите, что сделано то, исполнителем чего вы так долго хотели быть. Тогда радуйся, что другому человеку посчастливилось создать такую достойную Карму".

Или он говорит как герой:

"Потерпеть неудачу было бы пустяком, но прекратить работать на благо человечества и Братства было бы ужасно".

Или как тот, кто любит и оправдывает это до конца:

"Мы - не Карма, мы - не закон, и осуждение любого человека - это разновидность того лицемерия, которое оно так глубоко осуждает. То, что закон позволяет человеку жить, является доказательством того, что он еще не осужден этой высшей силой".

Знать об этих законах - значит в какой-то степени быть ими. "Что человек думает, кем он является, это старая тайна". Храм Духа неприкосновенен. Он не постигается словами или действиями. "Кого изберет Дух, тем и обретается. "Я" выбирает его тело как свое собственное". Когда личное смятение становится тишиной, тогда возникает медитация Мудрого внутри. Тот, кто говорит из этой жизни, заслужил право быть там. Никакая хитрость не может усилить его акценты. Никакое лицемерие не может выразить свою мудрость. Чей разум излучает свет — тот и есть обитель Богов. Кажется ли это незначительной гарантией искренности, оказанного доверия? Я не знаю ничего более весомого. Оглянитесь назад в воспоминаниях; о мученичестве противоборствующих страстей, из последней муки возник свет. Это было недешевое достижение. Если кто-то встречается с нами и говорит, зная об этом законе, мы говорим про себя: "Я знаю, что ты страдал, брат!" Но вот тот, кто обладает большей мудростью, чем мы. Вот тот, чьи слова сегодня звучат так же ясно. "Мир не знает его". Его собственные ученики едва знают его: он пал, как Люцифер. Но я бы взял то учение, которое он дает, от самого Люцифера и сказал: "Его старая божественность все еще остается с ним".

"В конце концов, вы можете ошибаться", - говорит кто-то. "Ни одна нога не ступает безошибочно по пути". Может быть, и так. Давайте выберем эту альтернативу. Можем ли мы отвергнуть его или любого другого товарища, пока они предлагают? Никогда. Разве нас не учили показывать тем, на кого подействовали ожесточенные усилия, не холодные лица, а лицо дружбы, ожидающей

волны верного возвращения? Если это было правильным отношением для нас в наших меньших группах, то тогда правильно и для всего тела принять его. У Теософского общества в целом не должно быть меньшего, чем щедрый дух его подразделений. Оно должно проявлять один и тот же братский дух как к тем, кто пользуется доброй, так и дурной славой. Одинаково на праведных, так и на неправедных сияет Его Свет, Дух Отца. Разве в глубине наших сердец мы все не стремились, не жаждали той божественной любви, которая никого не отвергает? Вы, кто думаете, что он ошибся, вы должны дать это сейчас. Существует оккультный закон, согласно которому все вещи возвращаются к своему источнику, завершив свои циклы. Силы, которые мы тратим в любви и гневе, возвращаются к нам снова, взволнованные мыслью, которая приняла или отвергла их. Я говорю вам, если бы о нем было правдой нечто худшее, чем то, что говорят, если бы мы просто выполняли свой долг, с благодарностью и бесстрашием возвращая помощь, которую мы получили от него, его собственное прошлое преодолело бы тьму момента, укрепило бы и привело его к свету.

"Но, - настаивают некоторые, - дело не в нас самих, а в этом Обществе и его добром имени, как мы думаем. Как она может выполнить свою высокую миссию в мире, если мы, кажется, игнорируем в наших рядах присутствие неискреннего человека или мошенника?"

Я бы хотел, братья мои, чтобы мы могли избавиться от этих старых страхов. Зрелище, форма, видимость - какую силу они имеют? Искаженное лицо ничего не значит. Только глубокое внутреннее отношение имеет силу. Мировое мнение не связывает никого из нас с Законом. Наши действия многократно ускоряют Карму, могут доставлять нам неудобства в течение часа; но конец жизни - это не утешение, а небесное бытие; сегодня мы не можем надеяться на добрый голос мира: может показаться, что его злой голос ненадолго сломит нас; но любовь, вера и благодарность напишут нашу историю пламенем в темной ауре мира, и Наблюдатели запишут это. Мы ничего не можем потерять; Общество ничего не может потерять. Наше единственное право - в действии, а половина сладости жизни заключается в большой любви.

Пока я писал, мне показалось, что я на мгновение почувствовал истинный дух этой организации первопроходцев, к которой мы принадлежим. Как ныряльщик, слишком долго находившийся под водой, вынырнув, я вдохнул более чистый воздух и увидел желтый солнечный свет. Подумать только! какая свобода! какая свежесть! отплыть от старых слухов, страхов и обычаев, от смелости авантюриста в наших сердцах, полагаясь только на законы жизни, которые оправдывают и поддерживают нас.

—Февраль 1895 г.

Легенды Древнего Эйре

Преподобный и образованный профессор Тринити-колледжа в Дублине, циник и юморист, как сообщается, однажды задался вопросом: "почему древние ирландцы, имея собственную хорошую религию, непридерживались ее?" Живя в "кельтских сумерках" и стремясь заглянуть в прошлое, в рассвет, читая романы, традиции и историю, я пытался разгадать хоть что-то из тайны обширной "кельтской фантасмагии", я могу лишь повторить слова профессора. В этих волшебных легендах, где Боги, герои и яркие сверхъестественные существа смешиваются, вступают в союз или воюют друг с другом, я нашел не туманные, а ясные следы той древней религии мудрости, которая когда-то была универсальной. На самом деле, насколько мне известно, нет древних ирландских Писаний, но они и не были нужны. Для тех, кто читает в Книге

Жизни, философия и Священные Писания - всего лишь заслоны для духовного видения. Но мы сегодня — потерянные дети звезд — лишь болезненно и косвенно улавливаем отблески ярких сфер, бывших когда-то нашими жилищами, куда мы свободно приходили и уходили. Поэтому я попытаюсь снова рассказать некоторые из этих старых историй в свете философии, изложенной позже. Что это была за древняя мудрость-религия? Это была вера в то, что жизнь едина; что природа не мертва, а жива; поверхность — лишь завеса, трепещущая от света; Приподняв эту завесу, герой и мудрец древности вышел наружу, в необъятное, и посмотрел на оригинал. Всем, что они видели, они когда-то были, и это снова стало их наследием, ибо по сути они были едины с этим — дети Божества. Единый породил множество, воображая внутри себя небеса небес, и сами небеса, и сферы более темными и тусклыми, все более удаляющимися от света. Через них Лучи устремлялись наружу, падая вниз через множество звездных династий, чтобы поселиться в глине. И все же — когда—то Бог или Ангел - это прошлое остается, и Луч, возвращаясь к самому себе, может вновь облачиться в свою старую оболочку, остается, входя как Бог в Изначальное "Я" Предков. Каждое настоящее Священное писание и каждый древний миф, чтобы быть понятыми по-настоящему, должны быть поняты в этом свете. Бог, ангельские иерархии, силы божественные и inferнальные - это всего лишь названия более могущественного Адама, по образу и подобию которого был создан человек и который является забытым "Я" человечества. Мистический символизм одинаков во всем мире, и, применяя его к старым кельтским романам, фантазия и волшебная страна превращаются в историю, и мы читаем о древних ирландских адептах.

Ирландия давным-давно была известна как Священный остров. Там жили Боги: ибо туата Де даннаны, которые поселились в Эйре после завоевания гигантских рас фирболгов и фомориан (атлантов), назывались Богами, отличаясь в этом отношении от Богов древней Греции и Индии тем, что они были людьми, которые сделали себя Богами с помощью магической или друидической силы. Они были выдающимися магами, ставшими бессмертными благодаря силе воли и знаниям. Сверхчеловеческие по силе и красоте, они возвышались над природой; они играли со стихиями; они легко перемещались в воздухе. Мы читаем о некоем Ангусе Оге, величайшем волшебнике всех времен, невидимо плывущем "на крыльях прохладного восточного ветра"; дворец этого Ангуса по сей день находится в Нью-Грейндж, украшенный символами Астрального Огня и великой Змеиной Силы. Де Даннаны жили в сердце гор (склепы для посвящения), и сегодня крестьянин иногда видит зачарованное сияние зеленых холмов, на которых, как он верит, они все еще обитают. Возможно, он верит не безрассудно, ибо, оказавшись по-настоящему оккультным, место сохраняется от загрязнения до тех пор, пока цикл не вернется, снова принося с собой древних Богов.

За циклами Богов в ирландской традиции следует цикл героев. Боги все еще общались с ними и, предположительно, учили их, поскольку многие из этих героев - друиды. Фин, герой сотни легенд, Кухуллин, Дайрмуд, Ойсин и другие обладают магической силой. Одна из самых красивых из этих историй рассказывает об Ойсине в Тир-на-ноге. Ойсин со своими спутниками путешествует вдоль кромки воды. Его выделяет Ниам, дочь Маннанана, короля Тир-на-ноге, страны Богов. Она приезжает на белом коне через моря, и верхом на своем Ойсине путешествует через океан; после войны с гигантским Фомором он попадает в Тир-на-ноге, где в течение ста лет живет с Ниам и имеет все, чего только может пожелать сердце. Но в нем возникает желание Жить, и, возвращаясь, он падает с волшебного коня и становится стариком, утомленным годами. Это чисто оккультно. Ойсин, Ниам, ее белый конь, Тир-на-ноге, воды, по которым они плывут, - всего лишь названия, которые немного определяют наше забытое бытие.

Внутри Ойсина, волшебника, зажигается Луч, скрытая Красота. Давайте назовем это как пожелаем, чтобы не прибегать к терминам академического мистицизма или психологии. Это Золотая Птица Упанишад; Свет, озаряющий каждого человека; это то, что древние герметисты знали как Прекрасное - ибо Ниам означает красоту; это Присутствие, и когда оно охватывает человека, все остальные связи рвутся; он остается с Ним наедине, он вызывает умирающее сожаление, все возрастающую радость. Так и с Ойсином, чьи плачущие товарищи больше не видят его. Он садится на белого коня вместе с Ниам. Это то же самое, что белый конь из Апокалипсиса, на котором сидит тот, кого называют Верным. Это сила, на которой держится Дух. Кто находится там, размышляя, кто почувствовал себя на мгновение освобожденным из своей тюрьмы и, глядя вперед, был ослеплен пеной великих морей или почувствовал, как его воображение царственно разрастается в созерцании, - тот познал его движущую силу; белый конь не терпит ограничений.

Когда они пролетали над водами, "они видели много замечательных вещей в своем путешествии — острова и города, известково-белые особняки, ярко-зеленые сады и величественные дворцы". Это зеркало неба и земли, астральный свет, в зеркале которого возникают мириады иллюзий и исчезают перед мистическими приключениями. Пристанище ложной красоты — или, скорее, ослепительная вуаль, повисшая перед истинной красотой, только аромат ее дыхания проникает сквозь эти соблазнительные формы. Обозначен переход от этого к более тонкой сфере. Безрогий олень, преследуемый белой гончей с красными ушами, и девушка, бросающая золотую приманку, навсегда исчезают перед призрачным возлюбленным. Поэт, чье воображение обновило для нас легенду, уловил истинное значение этих стремительных форм:

"Бессмертное желание бессмертных мы увидели в их глазах и вздохнули".

- Не обращай внимания на эти формы! - воскликнул Ниам. Сравните с этим из другого источника: "Беги из Зала Обучения, он опасен своей вероломной красотой..... Берегись, чтобы, ослепленная призрачным сиянием, твоя Душа не задержалась и не попала в его обманчивый свет..... Он сияет из драгоценного камня Великого Ловца". В человеке есть центры, соответствующие этим проявлениям. Они дают видение и вход в красный и ужасный мир, где неутолимое желание поражает душу — опасное ясновидение. Но в сфере, неподвластной их власти, нужно побеждать, и здесь Ойсин воюет с гигантом Фомором. Де Даннан и Ромориан, ушедшие из Эйре, все еще борются в невидимом мире, гласят легенды. Мы, тоже потенциальные мистики, встречаемся на пороге божественных сфер с ужасными формами, воплощающими грехи живого прошлого, когда мы злоупотребляли своими духовными силами в старые атлантические времена. Эти формы должны быть побеждены, и поэтому Ойсин сражается с Фомором и высвобождает силу — принцессу из истории. Эту борьбу с демоном должен вести каждый, кто хочет вступить в страну Богов, будь то в сознательном оккультном приключении или полусознательно после смерти, когда странная Природа алхимика отделяет тонкое от грубого в душе в той области, через которую проходит Ойсин. Тир-на-ноге, земля Ниам, - это та область, в которой живет душа, когда ее грубые энергии и желания подавлены, находятся во власти света и поставлены под контроль; где Луч Красоты зажигает и освещает каждую форму, которую создает воображение, и где каждая форма стремится к своему архетипу. Это реальный регион, к которому обращались и описывали поэты и мудрецы, которые во все времена пытались выразить что-то из высших реальностей. Она не далека, но существует на земле как душа внутри тела и может быть воспринята через поверхностные формы и вместе с

ними. В некотором смысле это соответствует тибетскому Дэвачану, и в этом регионе Ойсин живет сто лет, пока у него не возникает желание еще раз увидеть Эйре и он не расстается с Ниамом. Ни подробностей его возвращения, ни сонной страны, в которой он дремлет; ни того, как он упал с белого коня и стал стариком, навалившимся на него усталостью столетий, — я должен отослать читателя к легендам. Он будет читать не только об Ойсине, но и о многих старых героях, которые, окликнутые волшебным (божественным) голосом, ушли жить в сердце зеленых холмов (для получения посвящения) или в эти странные миры.

Дорогие дети Эйре, такие судьбы принадлежат не только прошлому, но и сегодняшнему дню. Ибо, если мы захотим, мы сможем войти в заколдованную страну. Золотой век - это все вокруг нас, героические формы и нетленная любовь. В этом мистическом свете, окутывающем наши холмы и долины, витают дела и воспоминания, которые все еще живут и вдохновляют. Боги не покинули нас. Услышав наш зов, они вернутся. Наступает новый цикл, и в воздухе витает сладость утренних сумерек. Мы можем вдохнуть его, если только захотим пробудиться от нашего сна.

II.

В недавно опубликованном Рассказе о ранней гэльской литературе обращается внимание на любопытный восточный и пантеистический характер некоторых архаичных стихов. Критики постоянно пытаются показать, как какая-то конкретная античная раса была первой зачинательницей религии и мистической символики. Озадаченные идентичностью мифов и традиций разных стран, они ищут оригинал то здесь, то там. Но истинная мудрость во все времена рождалась не в какой-либо стране, а из Души Христа Вселенной. Какой-нибудь невежественный крестьянин, какой-нибудь Якоб Беме, чист и устремлен, и вот! Бог шевелится внутри него, и он знает то, чему учили в старые времена неизвестные люди. Давным-давно на нашей собственной земле были свои Посвященные, у которых было открыто око провидца. Этот глаз, скрытый в полости мозга, является прямыми воротами и узким путем, через который только смертный может пройти и узреть бессмертного. Сейчас он закрыт для большинства людей. Материализм, чувственность и догматическая вера настолько отняли корону и скипетр у их душ, что они больше не входят в золотой мир сознательно — они изгнаны из Эдема. Но туата Де Даннаны были больше, чем провидцами. Они были магами — Богом и человеком в одном лице. Не только их мысль устремилась в необъятное, но и Сила ушла вместе с ней. Эта мистическая Сила называется Змеевидным Огнем. Она духовна, электрическа, созидательна. У аскета она развивается по спирали, поднимаясь от центра к центру, от пупка к сердцу;* [* "У того, кто верует в Меня, из чрева потекут реки живой воды. Это говорил он от Духа". — Иоанна, vii, 38] оттуда это поднимается к главе. Тогда он уже не человек, а Бог; его видение охватывает бесконечность.

Действие этой Силы символизировалось многими способами, в частности прохождением солнца через знаки зодиака * (центры психического тела) [* "Двенадцать знаков Зодиака скрыты в его теле". - Тайная доктрина, II, 619] Некоторое время назад в Ирландии был найден каменный змей, отмеченный двенадцатью делениями. Упомянутые архаичные стихи имеют то же значение:

"Я - острие боевого копья. [Спинной мозг,
Сушумна нади из индийской психологии.]
Я - Бог, который создает в голове человека огонь мысли.
Кто это проливает свет на встречу на горе? [
Встреча смертного и бессмертного на горе Меру,
шишковидной железе.]
Кто объявляет возраст луны? [Деятельность внутреннего
астрального человека.]
Кто указывает место, где вращается солнце?" [Дух.]

Змеиная Сила - это ложе солнца, шкатулка духа. Поэтому друидов или магов, овладевших этой силой, называли Змеями. Хотя считается, что святой Патрик изгнал змей из Ирландии, следы змеиной мудрости все еще остаются. Чтобы приведенная интерпретация не показалась произвольной, я прослежу дальнейшие явные ссылки на третий глаз. Диармуд, герой и любимец стольких рассказчиков, чье бегство с Гранией является одним из самых мистических эпизодов кельтского романа, описывается как имеющий пятно в центре лба, которое завораживало любого, кто смотрел. Его называют "Сыном Монарха Света". Он Посвященный, дваждырожденный. Это божественное происхождение имеет смысл, в котором были сказаны эти слова. "Не удивляйся, что Я сказал тебе: ты должен родиться свыше". В том же смысле друид описывается как "исполненный своего Бога". От мистического Отца нисходит Луч, Дитя Света. Он рождается в человеке как разум, не рассуждающий: земной, не чувственный, но как устремленный к небесам, мыслящий разум. Само по себе оно имеет природу огня. Человек, познавший его, наполняется светом, да, он движется в свете внутри себя.

Следующее описание гиганта, взятое из истории
Диармуда, относится к еще одному аспекту нашей оккультной природы.

- У него есть только один глаз, расположенный посередине его черного лба..... Более того, он настолько искусен в магии, что огонь не смог бы обжечь его, вода не смогла бы утопить, а оружие не ранило бы его. Ему не суждено умереть до тех пор, пока на него не обрушатся три удара железной дубинкой, которая у него есть. Ночью он спит на верхушке дерева Оживления, а днем остается у его подножия, чтобы наблюдать за ним. Ягоды этого дерева обладают свойствами деревьев волшебной страны".

Дерево Оживления - это сеть нервов в магнетическом астральном теле. Читатели Упанишад, вероятно, помнят описание артерий, тонких, как волос, разделенный тысячу раз, которые отходят от сердца и в которых Эго отдыхает во время глубокого сна. Это имеет точно такое же значение в легенде. Значение будет еще лучше понято при сравнении молодого финна в его встрече с таким же одноглазым титаном. Наиболее интересная версия этого есть в книге Кертина "Ирландские мифы и народные сказки". Слишком длинная, чтобы цитировать ее полностью, история звучит следующим образом. Финн встречается великана, который несет в руке лосося. У этого титана "всего один глаз, такой же большой, как солнце в небесах". Он отдает рыбу Финну, чтобы тот приготовил. В тот момент, когда гигант закрыл глаз, он начал тяжело дышать. "Каждый раз, когда он делал вдох, он подносил ко рту Финна, вертел, лосося и всех козлят, и каждый раз, когда у него перехватывало дыхание, он бросал их обратно на те

места, где они были раньше". Пока Финн готовит лосося, он обжигает его и, пытаясь скрыть волдырь, обжигает большой палец. Чтобы облегчить боль, он зажал большой палец зубами и разгрыз его до кости и мозга. Затем он получил знание обо всех вещах. В следующую минуту его подвели к глазу великана и вонзили раскаленный вертел (брусok раскаленного докрасна железа, согласно другому рассказу) в глаз великана. Он проходит мимо разъяренного великана у входа в пещеру, что-то вроде Улисса, выводя стада наружу, а сам убегает под шкурой самого большого козла или барана.

Смысл этой истории, со всеми ее причудливыми образами, несложен. Это аллегория, описывающая потерю третьего глаза. Пещера - это тело. Рыба - фаллический символ, и приготовление ее относится к падению ранних эфирных рас, к зарождению и, в конечном счете, к грубой чувственности. Синтетическое действие высшей духовной способности, в котором присутствуют все силы человека, проявляется в том, каким образом все, что находится в пещере, подтаскивается к голове великана. Когда Финн разрушает глаз, вонзая в него кусок раскаленного докрасна железа, это просто означает, что токи, возникшие в органах размножения, поднялись по спинному мозгу к головному и, воздействуя на шишковидную железу, атрофировали или окаменели ее. Принцип желания - это буквально дух металлического железа, и ясновидящий мог бы увидеть, как эти красные огни поднимаются по спинномозговому каналу к мозгу и там подавляют любые высшие чувства. Побег Финна под руном барана означает, что, уничтожив духовное око, он мог использовать только орган психического ясновидения, который здесь, как и в мистицизме других стран, символизируется бараном.

Этот символизм, столь гротескный и бессмысленный сегодня, когда-то был совершенно ясен и оправдан в своем применении. Ясновидящий мог видеть в ауре человека вокруг каждого центра свечение, цвет и форму, которые породили древний символ. Один из Богов описывается как "окруженный радугой и огненной росой". Кухуллин, чьи волосы, темные (синие?) близкий к коже, красный за ее пределами и заканчивающийся сверкающим золотом, что заставляет профессора Риса превратить его в солярный миф, является адептом, ассимилировавшим субстанцию трех миров: физического, психического и небесного; поэтому его волосы (аура) имеют три цвета. У него также семичастное зрение, о чем свидетельствуют семь зрачков в его глазах. Об этих легендах были написаны тома невыразимо унылых исследований, полных ложной учености. Некоторые пытаются показать, что большая часть образов возникла из наблюдений за небесными телами и сменой времен года. Но кто из старых бардов описал бы природу иначе, чем такой, какая она есть? Утренние ноты кельтской песни дышат свежестью весны и полны радости природы. Они смогли передать это гораздо лучше, чем большинство их критиков. Это всего лишь внутренний мир, который не может быть передан иначе, чем с помощью мифа и символа. Нам нужна не столько ученость, сколько немного воображения, чтобы интерпретировать их. Мы поймем божественных инициаторов нашей расы, поверив в нашу собственную божественность. По мере того, как мы будем подпитывать мистический огонь, мы обнаружим, что многие вещи раннего мира, которые сейчас кажутся нашим глазам гротескными и непривлекательными, наполняются темными и величественными намеками. Вещи, которые были далекими и странными, вещи, вызывающие отвращение, пылающие драконы, крылатые змеи и океаны огня, которые пугали нас, рассматриваются как порталы, через которые воображение входит в более прекрасный, сияющий мир. Силы, на которые мы не осмеливались поднять глаза, — герои, грозные божества и ужасные короли — растут как братья

и веселые дети вокруг духа в его воскресении и вознесении. Ибо во вселенной нет пути, который не проходил бы через человека, и нет жизни, которая не была бы братом нашей жизни.

—Март-апрель 1895 г.

Рецензия: "Тексты песен" Р.Х. Фицпатрика [Лондон: У. Стюарт и Ко.]

В то время как одна раса погружается в ночь, другая возрождает свой рассвет. Кельтские сумерки - это утреннее время, а пение птиц предвещает наступление нового дня. В последние годы нам приходилось приветствовать одного замечательного певца за другим, и теперь выходит сборник текстов, в которых есть та трансцендентная нотка, которая свойственна нашим молодым авторам. Она полна тайны и слияния человеческой и божественной души:

"Приветствую тебя, живой дух!

Чей глубокий орган раздувают
губы, которые больше наследуют

Лучше, чем вся известная музыка;

Искусство - всего лишь эхо твоего таинственного звучания".

Я полагаю, что эти стихи были написаны в одиноких странствиях, в которых размышлялись о формах и зрелищах вещей, человеческих надеждах и страхах до тех пор, пока интенсивность созерцания не соединила их с той душой Природы, в которой поэт находит воплощение всех мечтаний и идеалов. И в этом возврате к Сверхдуше нет намека на изучающего академическую философию, на чрезмерный интеллектуализм. Такие ссылки естественным образом возникают из его мысли и освещают ее. Можно себе представить, как зародилась такая лирика:

"Я стояла и крутила стебель с перьями,

Или пила медовый сок клевера,

Самый счастливый без разговоров.

"Летние приливные волны ночи

Медленно, в тишине, набегали рябью:

Они окунали ноги в пылающий свет,

И еще более резкий шум затихшего дня".

Эта отстраненность от конфликта, которая мешала ему полностью принять и оправдать жизнь, высшую мудрость поэта, все же имеет свои компенсации. Он почувствовал многогранное значение голосов, через которые говорит бессознательная Природа, пение птиц, воздушную романтику и смешение света и тени, и увидел истинное соотношение вещей в том конфликте, от которого он отвернулся:

"Все вещи пьют,

И пьют жизнь; но Время вечно утекает

Кубок по постоянному соперничеству,

И стирает память поколений со своей губы,

В то время как Искусство взирает вниз из своих безмятежных владений".

—15 июня 1895 г.

— ДА, И НАДЕЮСЬ.

Они никого не привозят к его или к ней конечной точке или для того, чтобы быть довольными и сытыми, тех, кого они берут, они уносят в космос, чтобы понаблюдать за рождением звезд, познать одно из значений. Стартовать с абсолютной верой, пронестись сквозь непрекращающиеся гудки и никогда больше не замолкать. —Уитмен

Вот вдохновение — голос души. А мы, заявившие, что несем такую мудрость, что мы можем сказать? Высказывали ли мы с такой же уверенностью подобные надежды или с такой смелостью и размахом иллюстрировали? Давайте признаемся, что нет. Есть одно или два исключения, которые произойдут с каждым. Теперь, когда мы отправляемся в новое приключение, давайте посмотрим, что именно навлекало на нас уныние и неудачи в нашей работе в прошлом. Я думаю, это потому, что мы говорили вещи, которых никогда не осознавали; мы повторяли без всякого воображения слова этих немногих лидеров. Мы понизили их героический тон, потому что думали, что обращаемся к падшим людям, которые не могли откликнуться на наше высочайшее. Но это был не тот путь, это был не тот путь. Братство у нас не с пылью, а с древним духом, который она затуманивает. С этим духом мы должны говорить по душам, как умеем. Я бы охотно не признал ни в ком ничего, кроме божественного. Действительно, часто форма или поверхность, далекие от красоты, заставляют нас колебаться, и мы обращаемся к этой форме, и поэтому душа не волнуется; она не откликается. Но равный характер пробуждает ее. Тому, кто приветствует в нем влюбленного, героя, волшебника, он ответит, но не тому, кто обращается к нему как к мистеру Такому-То. Каждое слово, которое действительно вдохновляет, произносится так, как будто Золотой век никогда не проходил. Великие учителя игнорируют индивидуальность и обращаются к вечному страннику. Разве мы не дорожим больше всего их словами, которые напоминают нам о нашем божественном происхождении? Поэтому мы, в свою очередь, должны говорить. Как часто мы не жаждем прорваться сквозь завесы, которые отделяют нас от кого-то, но обычай, условность или страх быть неправильно понятыми мешают нам, и так уходит момент, жар которого мог бы прожечь все преграды. Покончи с этим — покончи с этим, со скрытым сердцем, с безмолвной любовью, с тайным нежным зародышем бесконечного прощения. Это говорит с сердцем. Это проникает сквозь многие покровы Души. Наш спутник борется в каком-то лабиринте страстей. Мы помогаем ему, мы думаем об этике, о морали. Ах, это очень хорошо; хорошо знать и беречь, но зачем? Ради них самих? Нет, но чтобы Король мог предстать во всей своей красе. Мы пишем об этом в письмах, в книгах, но кто возвращает память к лицу павшего? Кто называет его тайным именем? Пусть человек только почувствует, что это его битва, что это его циклический труд, и непобедимый воин сражается за него, и он черпает божественные силы. Давайте только попробуем взглянуть на вещи, которые мы называем образными, и на то, как все меняется. Ибо наше отношение к человеку и природе, выраженное или нет, имеет нечто вроде эффекта ритуала, воскрешения. Каково наше устремление, таково и наше вдохновение. Мы верим во вселенскую жизнь, в братство, которое связывает стихии с человеком и заставляет светлячка чувствовать себя далеким от восторга сонмов серафимов. Затем мы выходим в мир живых, и

какие влияния изливаются через нас! Мы "в союзе с полевыми камнями". Ветры мира лучезарно дуют на нас, как в древние времена. Мы чувствуем себя окутанными любовью, бесконечной нежностью, которая ласкает нас. Когда мы одни в наших комнатах, размышляя, какие внезапные бездны света открываются внутри нас! Боги намного ближе, чем мы мечтали. Мы встаем, опьяненные этой мыслью, и отправляемся на поиски равного общения под великой ночью и звездами.

Давайте приблизимся к реальности. Мы слишком много читаем. Мы думаем о том, что является "целью, Утешителем, Господом, Свидетелем, местом упокоения, убежищем и Другом". Носит ли оно какое-либо изэтих дорогих и знакомых имен? Увы, наши души становятся просто связками теорий. Мы идем по следу Монады, но часто это только на страницах "Тайной доктрины". И мы много говорим об Атме, Буддхи и Манасе. Разве мы не могли бы говорить о них на нашем родном языке, и язык сегодняшнего дня будет таким же священным, как любой из языков прошлого. Неудивительно, что манаса не воплощаются. Нельзя сказать, что мы действительно преклоняемся перед этими ужасными силами. Мы отвергаем живую истину своими сомнениями и рассуждениями. Мы бы заставили Богов принять нашу философию, а не полагаться на небесное руководство. Мы составляем их диаграммы. Ах, подумать только, эти ужасные божества, божественный Огонь, быть такими поработченными! Мы не поняли значения голоса, который кричал: "Приготовьте путь Господу", или этого: "Поднимите ваши головы, о ваши врата. Вознеситесь, вечные врата, и войдет Царь Славы". Ничто из того, что мы читаем, не является полезным, если это не пробуждает живое в душе. По-настоящему читать мистическую книгу - значит призывать силы. Если они не появляются в перьях и сиянии, как явления духовных вещей, тогда наш труд бесплоден. Мы только загромождаем разум бесполезными символами. Давным-давно они знали способы получше. "Владыка Зеленой Планисферы,..... Владыка Лазурных Просторов,.... именно так мы призываем", - восклицали маги древности.

И мы, давайте призовем их с радостью, давайте призовем их с любовью, свет, который мы приветствуем, или Божественную Тьму, которой мы поклоняемся с тихим вздохом, воспевая ее в наших сердцах со спокойствием и более восторженным благоговением. Это безмолвие громко взывает к Богам. Тогда они приблизятся к нам. Тогда мы сможем научиться этой многоцветной речи, ибо они не будут говорить на нашем смертном языке; они не будут отзываться на имена людей. Их имена - радужная слава. И все же это тайны, и их нельзя разгадать или оспорить. Мы не можем говорить о них по-настоящему, основываясь на отчете, или описании, или на том, что написал другой. Только отношение к вещи в себе является нашим оправданием, и это означает, что мы должны отложить в сторону нашу интеллектуальную самодостаточность и ждать руководства. Оно обязательно придет к тем, кто ждет с доверием, сиянием, жаром в сердце, возвещающим о пробуждении Огня. И когда оно дует своим мистическим дыханием в мозг, возникает вихрь видений, блеск огней, звук, подобный журчанию великих вод, вибрирующих и музыкальных в своем течении, и журчание, исходящее от единого, но в то же время многочисленного существа. В таком настроении, когда далекое становится близким, странно знакомое - бесконечно возможным, он написал, из слов которого мы черпаем вдохновение:

"Стартовать с абсолютной верой, пронестись сквозь непрекращающиеся кольца и никогда больше не замолкать".

Такая вера и такое беспокойство будут нашими: вера, которая есть недоверие к видимому; беспокойство, полное скрытой уверенности и сияния. Мы, когда попадаем в приятные места,

отдыхаем и мечтаем о том, чтобы набраться сил. Перед каждым предприятием и приключением души мы в страхе прикидываем, в силах ли что-то сделать. Но помни: "О, ученик, в твоей работе для твоего брата у тебя много союзников: в ветрах, в воздухе, во всех голосах безмолвного берега". Это далеко забредшие силы нашей собственной природы, и они возвращаются домой при нашей нужде. Мы вышли из Великой Матери-Жизни ради целей души. Забыты ли ее любимые там, где они мрачно блуждают и борются? Никогда. Разве жизни всех ее героев не доказательство? Хотя кажется, что они стоят в одиночестве, вечная Мать присматривает за ними, и голоса, далекие и неизвестные им прежде, звучат в страстной защите, а сердца горячо бьются, чтобы помочь им. Да, если бы мы могли заглянуть внутрь, мы бы увидели, как необъятная природа волнуется в их пользу, а институты сотрясаются до тех пор, пока истина, за которую они борются, не восторжествует, и они уйдут, и след славы, постоянно расширяющийся за ними, потечет по океану лет.

Так действует воин внутри нас, или, если мы предпочитаем выражаться именно так, это действие духовной воли. Не должны ли мы тогда довериться ему и встретить неизвестное лицом к лицу, не боясь его опасностей. Хотя кажется, что мы идем одни к высокому, одинокие, чистые, нам не нужно отчаиваться. Пусть никто не привносит в эту задачу настроения мученика или того, кто думает, что он чем-то жертвует. Но пусть все, кто придет. Пусть они вступят на путь "Да, и надейся", встречая все в жизни и смерти с настроением одновременно веселым и благоговейным, как и подобает тем, кто бессмертен — кто сегодня дети, но чьи руки завтра могут взять скипетр, восседая рядом с Богами как равные и товарищи.

—Август 1895 г.

Содержание

Кто такие изгнанники? что касается меня
Где под алмазным куполом
Лежит свет на холме или дереве
Там мой дворец и дом.

Мы отверженные от Божества; поэтому мы порочим место нашего изгнания. Но кто там может отделить свою судьбу от земли, которая родила его? Я один из тех, кто хотел бы вернуть былое почитание Матери, волшебство, любовь. Я думаю, метафизик, ты сбился с пути. Вы бы искали источник жизни внутри себя. Да, это истинный, единственный свет. Но не мечтайте, что это уведет вас дальше от земли, а скорее глубже в ее сердце. Она питает тебя той живой водой, которую ты хотел бы пить. Ты еще в утробе матери и не рожден, и Мать дышит для тебя божественным воздухом. Направь свой самый дальний луч мысли к оригиналу, и все же ты не нашел своего собственного нового пути. Твой луч все еще заключен в родительский луч, и только звездные потоки несут тебя к свободе глубин, к священным звездам, расстояние до которых сводит с ума, и к одинокому Свету Огней.

Поэтому давайте примем эти условия и обратимся с удивлением, с благоговением, с любовью, насколько это возможно, к тому существу, в котором мы движемся. Я ни на йоту не отказываюсь от этих грандиозных надежд, и все же я бы продолжил это пламенное стремление, довольный тем, что происходит здесь и сегодня. Я не верю в природу, изобилующую зубами и когтями. Если она действительно кажется кому-то такой ужасной, то это потому, что они сами вооружили

ее. Опять же, за гневом Богов стоит любовь. Бесплодны ли скалы? Прикоснись к ним лбом и узнай, какие воспоминания они хранят. Разве коричневая земля некрасива? Но ляг на грудь Матери, и ты будешь окутан ореолом росы волшебной страны. Земля - это вход в Залы Сумерек. Какие эманации наполняют сиянием темные сосновые леса! Вокруг каждого листа, дерева и над всеми горами развеваются огненные локоны того скрытого солнца, которое является душой земли и родителем их душ. Но мы больше не думаем об этих вещах. Подобно блудному сыну, мы забрели далеко от нашего дома, но больше не возвращаемся. Мы праздно проходим или ждем, как незнакомцы, в залах, построенных нашим духом.

Грустишь или не хочешь больше жить?

Я сжал губы боли:

Поцелуями, которые дарят влюбленные

Древние силы снова выкуплены.

Я бы возвысил эту сжимающуюся душу до более всеобщего признания. Что? стремится ли она ко Всему и все же отрицает своим бунтом и внутренним протестом справедливость Закона. От горя мы будем получать не меньше и не больше, чем от наших радостей. Ибо если первое раскрывает душе способ, посредством которого сила переполняет ее здесь, то другое указывает ей на неизменную волю, которая сдерживает избыток и ведет его к истинной пропорции и ее собственному наследственному идеалу. И все же люди, кажется, вечно убегают от своей судьбы неизбежной красоты; из-за промедления власть больше не приглашает и не манит, а выходит на дороги железной рукой. Мы достаточно бодро оглядываемся назад на те старые испытания, из которых мы вышли; но мы собрали лишь плоды мудрости и упустили полную жатву, если воля не восстала царственно в данный момент в унисон с волей Бессмертного, даже если она приходит с ужасом и страданием и поражает глиняное сердце.

Несмотря на все это, пребывая в сомнениях, отчаянии, бедности, будучи больными, немощными или сбитыми с толку, нам еще предстоит научиться полагаться. "Я не оставлю тебя", - таковы слова древнейшего духа, обращенные к искре, блуждающей в необъятности своего собственного существа. Это высокое мужество приносит с собой видение. Он видит истинное намерение во всех обстоятельствах, из которых возникает его собственное, чтобы встретиться с ним. Перед ним чернота растворяется в формах красоты, и за всеми иллюзиями виден нежно улыбающийся старый волшебник, темный, скрытый Отец, окутывающий своих детей.

У всего есть свои компенсации. То, чего здесь нет, всегда есть, если мы ищем, более благородное присутствие вокруг нас.

Пленник, посмотри, какие звезды дают свет

В скрытом сердце глины:

В их сиянии темном и ярком

Меркнет мечтательный Король Дня.

Мы жалуемся на условия, но именно это несовершенство побуждает нас подняться и искать Острова Бессмертных. То, чего нам не хватает, напоминает о полноте. Душа видела более яркий день, чем этот, и солнце, которое никогда не заходит. Отсюда ретроспектива: "Ты был в Эдеме, саду Божьем; каждый драгоценный камень был твоим покровом: сардин, топаз и алмаз, берилл,

оникс, яшма, сапфир, изумруд.... Ты был на святой горе Божьей; ты ходил взад и вперед среди огненных камней". Мы бы указали на эти лучезарные пути возвращения; но иногда в глубине души мы чувствуем, что делаем всего лишь выбор кокни, как гиды среди древних храмов, циклопических склепов, освященных мистериями. Чтобы было понятнее, мы заменяем опалесцирующее сияние анатомическими терминами и говорим о шишковидной железе и гипофизе на одном дыхании со Всевышним. И все же, когда душа видит божественное, она не знает, что у нее есть тело. Позволь ей вспомнить, и дыхание славы больше не зажигает ее; она снова в плену. В конце концов, то, что мы говорим физическими терминами и применяем насилие к нашей интуиции, не делает тайны понятнее. Если мы когда-нибудь воспользуемся этими центрами, мы увидим их как огни, или они заструятся внутри нас как фонтаны мощного звука. Мы можем удовлетворить умы людей соответствием чувств, а их души все еще могут оставаться в стороне. Мы будем вдохновлять только магией высшей красоты. Но и в этом есть свои опасности. "Ты извратил свою мудрость из-за их яркости", - продолжает провидец. Если мы будем слишком сильно следовать неуловимой красоте формы, мы упустим дух. Последние тайны принадлежат тем, кто воплощает видение в бытие. Меркнет ли слава перед тобой? Скажи искренне в своем сердце: "Мне все равно. Я надену одежду, которой я наделен сегодня". Ты уже стала прекрасной, неподвластной желаниям и свободной.

Ни днем, ни ночью больше нет затмений
Дружелюбные глаза, которые смотрят на нас,
Речь из старых знакомых уст,
Божественные товарищи по играм юности.

Снова в детство. Мы должны вернуть утраченное состояние. Но именно к гигантскому и духовному детству юных бессмертных мы должны вернуться, когда в их чистые и полупрозрачные души впервые упали лучи существ-отцов. Люди древности были близкими друзьями ветра и волн и товарищами по играм многих давно забытых величий. Восторг огня был их отдыхом; их уход все еще происходил сознательно через вселенское бытие. По затемненным изображениям мы можем понять что-то смутно похожее, например, когда в редкие моменты под звездами большое мечтательное сердце детства наполняется тишиной и любовью. Дорогие дети мира, которые так устали сегодня — так устали искать свет. Хотели бы вы восстановить силы и бессмертную бодрость? Не одна только звезда, ваша звезда, прольет на вас свой счастливый свет, но Все, что вы должны обожать. Нечто сокровенное, тайное, невыразимое, родственное тебе возникнет тихо, незаметно и объединится с тобой, когда ты соберешься со всех четырех сторон земли. Мы вернемся в мир зари, но к более яркому свету, чем тот, который открыл эту чудесную историю циклов. Формы старших лет вновь появятся в нашем видении, существа-отцы еще раз. Так что мы будем чувствовать себя как дома среди этого великолепия, и с этим Всеобщим Присутствием вокруг нас мы сможем воскликнуть в наших сердцах: "Наконец-то наша встреча, Бессмертный. О, звездная, теперь мы отдохнем!"

Братья, утомленные, уходите;
Мы утолим желание сердца
За вратами дня
В восторге от огня.

—15 октября 1895 г.

"Чары Кухуллена"

— А.Э. и Аретаса (Г. В. Рассел и Джеймс М. Прайс)

В то время как наше зрение, обращенное вспять,
Охватывало вечно живущее прошлое,
Сквозь дымку туманных вещей —
Светящихся дрожью,
Музыкальных, как звездные перезвоны, —
Восстал герой старых времен,
В груди которого волшебные силы,
Дремавшие с первобытных времен,
Пробудились от дикого очарования
прелестного ребенка Аэда Абрайта;
Несмотря на все ее друидские познания,
С сердцем дикой птицы, чье томление
Ослепило его силу и красоту,
Цеплялся за любовь и смеялся над долгом.
Вождь воинов и таинственная дева,
Сбившиеся с пути По твоим спотыкающимся следам,
Это, по крайней мере, частично искупает вину —
Драгоценности были твоими камнями преткновения!

I. Ангусские птицы

В сумерках птицы порхали в восторге. Белые крылья, серые крылья, коричневые крылья порхали вокруг и над соснами, которые венчали травянисто-коричневую равнину. Самые высокие крылья вспыхнули золотым светом. При звуке голосов они исчезли.

- Как же тогда мы попадем на равнины Мертемни? Мы не должны быть известны. Пойдем ли мы невидимыми или в других обличьях? Мы также должны летать так же быстро, как летают птицы".

- Лети! да, да, мы будем летать, как птицы. Но мы выберем более красивые формы, чем эти. Я знаю, куда слетаются птицы Ангуса. Иди сюда, Либан, иди!"

Склеп под замком был залит светом, серебристым и золотым, светом, который исходил не от солнца и не от луны; светом, рожденным не от какого-либо родительского светила и не знавшим ничего непрозрачного. Более свободными, чем птицы в воздухе, были призрачные фигуры двух дочерей Аэд Абрайта, когда они смотрели из этого каменного убежища на место, по которому никогда не ступала нога их смертных. И все же Либан робко посмотрела на свою более предприимчивую сестру. Фанд выплыла в центр пещеры, прямая и сияющая. Ее глаза следили за волнообразным дрожащим движением света, когда он проплывал мимо. Казалось, они проникают сквозь землю и скалы, выискивают тайные впадины звезды, познают необъятность, господствуют над движением света и заставляют его двигаться. Ее сестра наблюдала за ней наполовину с любопытством, наполовину с восхищением и изумлением. По мере того, как парящая фигура становилась все более интенсивной, руки раскачивались, а губы что-то

шептали. Блеск множества драгоценных камней играл под жемчужным туманом, окутывавшим ее; над ее головой возвышался гребень Дракона; казалось, она стала единым целым с сиянием, втянула его обратно в себя. Затем откуда-то издалека донеслась чудесная мелодия, звук, подобный древнему перезвону звезд. Звездные реки текли мимо, освещенные еще более ослепительным светом, и вокруг них кружили Птицы Ангуса.

"Смотри, Либан, смотри!" - воскликнула Волшебница. "В древности это были колесницы детей человеческих. На них младенцы-отпрыски Богов мчались сквозь ночи алмазов и сапфиров. Мы не меньше их, хотя нас разделяют сотни веков. Мы отправимся в путь по-королевски, как они. Давайте выберем формы из этих. Если Пес увидит нас, он поймет, что у нас есть сила.

Обнявшись, они наблюдали за звездными стаями, проносящимися вокруг них. Птицы кружили, улетали и снова возвращались. Там были крылатые змеи; мощь, которая обратила бы в бегство выродившегося орла; оперение, перед которым райские птицы показались бы тусклыми, как глина. Эти крылья, погруженные в рассвет, сверкали непрерывно. Ах, какое оперение белого огня переливалось переливчатыми крыльями славы! Какие перистые брызги горящего аметиста! Какие алые и золотые, лимонные и волнисто-зеленые гребни! Они проплывали мимо бесчисленными толпами; они покачивались звездными скоплениями, истекающими светом, напевая мелодию, почерпнутую из сфер Богов, песню, которая в древности пробудила землю ото сна. Звук был завораживающим. О, огненные птицы, парящие в пурпурных реках Сумерек, вы, отдыхающие в великих пещерах мира, всякий, кто слушает вашу песню, ослабеет от тоски, ибо он услышит великий, глубокий зов в своем сердце, и его дух будет стремиться улететь вдаль; какие бы глаза ни увидели вас, они внезапно ослепнут от слез по славе, ушедшей из мира, по империи, которой мы больше не владеем.

- Они возвращают атмосферу древних дней. Ах! теперь у меня снова сердце ребенка. Время меня не знало. Оставим их в покое. Мы пронесемся над Эри и возглавим звездные стаи, как королевы птиц".

- Если бы мы только осмелились. Но подумай, Фанд, за нами будут следить все глаза волшебников, и каждый, кто сможет воспользоваться своей свободой, последует за нами и помешает нам. Не эти формы, а другие давайте примем. Ах, посмотрите на тех, кто приходит в сером, белом и коричневом! Отправьте домой сияющих. Мы отправимся в приключение с ними".

- Да будет так. Возвращайтесь к своим источникам, о пурпурные реки! Царь-Птица, Царица-Птица, в свой дом в низинах ведите свое стадо! И она заговорила, но слова ее были сияющими, а размахивающие руки поразили пернатых монархов лучами раскинутого пламени. Остальным: "Отдохните здесь немного, сладкозвучные певцы. Мы не станем долго держать вас в плену. Так она говорила, но ее ласкающие руки усыпили беспокойную пульсацию крыльев и убаюкали восторженную песню.

Ночь, которая глазу мага яснее всего показывает то, что скрывает яркий день, окутала волшебными сумерками обширную впадину небес. Бесчисленные воздушные ручейки, каждый со своим особенным сиянием, бежали туда-сюда, подобно радужным потокам, струящимся по пузырю. Из еще более темных, более тускло светящихся и призрачных глубин смотрели огромные глаза космоса, окаймленные радужными красками. Когда ночь перешла в рассвет, две птицы вылетели из сумрака, связанные вместе золотой огненной нитью. Они улетели на юг и

восток. Уходя, они пели песню, от которой дрожал воздух. В темных полях ореолы вокруг цветов на мгновение стали ярче. Над горными домами туата де Данаанс поднимались призрачные фигуры, которые наблюдали, слушали и некоторое время размышляли. Заблудившиеся в лесу путники услышали восторженные ноты и забыли о своих печалях и самой жизни в урагане божественных воспоминаний. Там, где заканчивался поздний пир, внезапно всплыла мелодия и окутала залы с колоннами, и пирующие замолчали там, где стояли, а могучие воины с поднятыми руками низко склонили лица. Все дальше и дальше проносились странные птицы, летевшие на юг и восток.

До сих пор во многих крестьянских хижинах
Живет непрощенная история,
В то время как на старых выцветших пергаментях
Все еще раскрывается их рифмованная история.
Есть еще одна книга,
Куда могут заглянуть твои жадные глаза.
Там, на его сияющих страницах,
Живет долгий роман веков,
Либан, Фанд, их сияющие мечты,
птицы Ангуса, волшебные потоки,
Затопляющие весь сумеречный склеп,
Руны и заклинания звездным шрифтом;
Секреты, которые никогда не шептались здесь,
При свете, воспеваются ясно.
Прочтите в "Сказаниях Эри",
Если письменное слово утомит вас.

Никогда еще день не был таким сияющим
Но наступают сумерки;
Никогда еще ночь не была такой темной и мечтательной
Но рассвет пробуждает ее:
И у души есть ночи и дни
своими собственными вечными путями.

II. Сон Кухуллена

Воздух был прохладным с приходом зимы, но вместе с внешним холодом пришло внутреннее солнечное тепло, полное неуловимой жизненной силы. И ульстонцы собрались, чтобы зажечь ежегодный костер в честь Бога Солнца на семидневном празднике Самайн. Там воины Ольстера отдыхали у священного огня, глядя с закрытыми глазами на меняющиеся цвета солнечного дыхания, улавливая проблески видений или внезапно совершая магические подвиги, когда они чувствовали, как сила пробуждается в их груди. Они пели песни старых времен, о землях Запада, где жили их предки, прежде чем земные пожары уничтожили эти земли, и морские волны похоронили их, оставив только Эри, остров, где жили люди, настолько святые, что земные пожары не осмеливались нападать на него, и океан стоял в страхе. Воины легко жонглировали своим огромным оружием из сверкающей бронзы; и каждый рассказывал о

своих подвигах в битве и на охоте; но горе тому, кто хвастался или говорил неправду, превознося свою доблесть, ибо тогда его меч гневно поворачивался сам по себе в ножнах, уличая его во лжи.

Кухуллин, самый молодой, но самый могущественный из всех воинов, угрюмо сидел в стороне, подперев безбородый подбородок ладонями, его глаза пристально смотрели на зеркальную поверхность озера, на покатом берегу которого он отдыхал. Лаэг, его возничий, растянувшись во весь рост на лужайке неподалеку, пристально наблюдал за ним, и мрачная тень омрачала его необычно жизнерадостное лицо.

"Это женская уловка, - пробормотал он себе под нос, - смотреть в воду, пытаясь увидеть страну сидхе, недостойно воина. И подумать только, что это делал он, который раньше обладал самым ясным зрением и обладал большей способностью творить чудеса, чем кто-либо другой в землях Запада! Кроме того, сейчас он ничего не видит, несмотря на всю помощь воды. Когда я в последний раз был в дане, несколько женщин-сидхе сказали мне, что они посмотрели на Кухуллена и обнаружили, что у него слишком затуманились глаза, чтобы теперь что-либо ясно видеть, даже во сне. Это достаточно верно, но слышать это даже от женщин!"

И недовольный возничий презрительно оглянулся на группу женщин неподалеку, которые провожали глазами стаю диких птиц, круживших над равниной.

"Я полагаю, им нужны эти птицы", - продолжал он, фамильярно беседуя сам с собой. "Это в стиле женщин - хотеть все, что они видят, особенно если это что-то трудноуловимое, вроде тех диких птиц".

Но цинизм Лаэга был не настолько глубок, чтобы удержать его взгляд от того, чтобы задержаться на группе грациозных дев и величественных матрон. Их тихий смех донесся до его слуха в тихом вечернем воздухе; и, наблюдая за их оживленными жестами, он лениво размышлял о самолете, который, как он был уверен, они готовили.

- Да, им нужны птицы. Они хотят прикрепить крылья к плечам, чтобы выглядеть как женщины сидхе. Они знают, что Кухуллен - единственный человек, который может добыть для них птиц, но даже Эмер, его жена, боится попросить его. Конечно, они уговорят эту терпеливую Этне сделать это. Если она добьется успеха, то не получит благодарности; а если потерпит неудачу, вся вина ляжет на нее, и она уйдет одна, чтобы поплакать над резкими словами, сказанными Кухулленом в его дурном настроении. Такова уж Этни, бедняжка.

Он оказался прав в своем предположении, потому что вскоре Этне отошла от группы и нерешительно приблизилась к гигантскому воину, который все еще рассеянно смотрел на стеклянную поверхность воды. Она робко коснулась его плеча. Он медленно поднял голову и, все еще наполовину ошеломленный долгим разглядыванием, выслушал ее просьбу. Он сонно поднялся на ноги, раскинул мускулистые руки и выпятил грудь, бросив пристальный взгляд на птиц, медленно кружащих у земли.

- Эти птицы не годятся в пищу, - сказал он, поворачиваясь к ней с добродушной улыбкой.

"Но мы хотим, чтобы у нас на плечах были крылья. Было бы так мило с вашей стороны достать их для нас, - сказала Этни убедительным тоном.

"Если ты хочешь попробовать летать, - сказал он со смехом, - тебе понадобятся крылья получше этих. Однако вы получите их, если я смогу подобраться к ним на расстояние броска.

Он огляделся в поисках Лаэга. Этот дальновидный человек уже запрягал лошадей в колесницу. Мгновение спустя Кухуллен и возникший уже мчались по равнине вслед за скачущими конями. Когда они приблизились к птицам, Кухуллен выпустил в них снаряды из своей пращи с такой невероятной быстротой и точностью попадания, что ни одна из стаи не уцелела. Каждой из женщин дали по две птицы; но когда Этне, скромно державшаяся в стороне, когда остальные поспешили навстречу возвращающейся колеснице, подошла, чтобы получить свою долю, ни одной не осталось.

"Как обычно, - флегматично сказал Лэг, - если кто-то и не получит свою порцию чего-либо, то это, несомненно, Этни".

"Слишком уверен", - сказал Кухуллейн, и выражение сострадания смягчило его суровые черты. Он подошел к Этне и, нежно положив руку ей на голову, сказал: "Не принимай близко к сердцу свое разочарование, маленькая женщина; когда еще какие-нибудь птицы прилетят на равнины Мертемни, я обещаю добыть для тебя самую красивую из них".

"Теперь их целая стая летит к нам", - воскликнул Лаэг, указывая на противоположный берег озера. "И мне кажется, я слышу их пение. Странные это птицы, потому что я вижу между ними шнур из красного золота".

Все ближе и ближе проносились странные существа в воздухе, и когда их странная мелодия достигла многих ультонов у костра Самайна, отважные воины, стройные девушки, юные и потрепанные временем, все почувствовали очарование и стали подобны статуям, безмолвным, неподвижным, очарованные. Только трое в колеснице не почувствовали связующего воздействия заклинания. Кухуллен спокойно вложил гладкий камешек в свою пращу. Этне умоляюще посмотрела на Лаэга, в проницательность которого она очень доверяла. Слабый блеск в глазах был единственным признаком, который выдавал мысли возникшего, когда он попытался ответить на ее взгляд спокойным безразличием. Она поспешила за Кухулленом, который занял позицию за большой скалой на берегу озера, скрывавшей его от приближающихся птиц.

"Не пытайся забрать их, - умоляла она. - В них есть какая-то странная сила, которую не видят твои глаза; я чувствую это, и мое сердце наполняется ужасом".

Молодой воин ничего не ответил, но, взмахнув пращей над головой, со страшной силой послал снаряд в двух похожих на лебедей путешественников по воздуху. Она отклонилась далеко в сторону и, не причинив вреда, шлепнулась в озеро, подняв фонтан брызг. Лицо Кухуллена потемнело. Никогда прежде на войне или в погоне он не промахивался так легко. В гневе он выхватил из-за пояса дротик и метнул его в птиц, которые отклонились от своего курса и теперь быстро улетали прочь. Это был мощный бросок, даже для сильной руки самого могучего воина Эри; и дротик, сверкая на солнце, был уже на спусковом изгибе своего долгого полета, его сила истратилась, когда его острие коснулось крыла ближайшей птицы. Сфера золотого пламени, казалось, сверкала вокруг них, когда они повернули вниз и исчезли под глубокими водами озера.

Кухуллейн бросился на землю, прислонившись широкими плечами к скале.

- Оставь меня, - угрюмо сказал он Этне. - мои чувства притуплены сном после долгого дежурства у костра в Самайн. Впервые с тех пор, как я убил пса Кулейна, моя правая рука подвела меня. Мои глаза затуманены, а в сердце звучит странная музыка.

Его глаза закрылись, тяжелое дыхание прерывалось вздохами, и страдание исказило черты его лица. Этне некоторое время наблюдала за ним, а затем тихо прокралась туда, где стояли воины, и сказала им:

- Кухуллен дремлет вон там, на скале, и он стонет во сне, как будто люди сидхе упрекают его душу в каком-то проступке. Я боюсь этих птиц, за которыми стояла сила. Не стоит ли нам разбудить его?"

Но пока они держали совет, и некоторые собирались пойти и разбудить его. Фергюс мак Рой, приемный отец Кухуллена, встал, и все отступили в благоговейном страхе, ибо увидели свет Бога Солнца, сияющий из его глаз, и в его голосе зазвучали нотки друида, когда он произнес строгим командным тоном:

"Не прикасайся к нему, ибо он видит видение; народ сидхе с ним; и из далекого прошлого, даже из дней затонувших земель Запада, я вижу, как рука Судьбы протягивается и хватает воина Эри, чтобы посадить его на трон, где он будет править душами людей".

Кухуллейну не показалось, что он спал; потому что, хотя его веки опустились, его взгляд все еще был прикован к спокойной поверхности озера, блестящему песку на берегу и большой коричневой скале, на которую он прислонился. Но откуда взялись две девушки, которые шли к нему по блестящему песку? Он смотрел на них в безмолвном изумлении; несомненно, только в стране грез можно было увидеть столь прекрасное видение. Да, в стране грез, ибо в его груди пробудилось смутное воспоминание о том, что он видел их раньше, в мире сна. На одной из них была мантия нежно-зеленого цвета, а ее льняные волосы, странно белые, но с золотым отливом, ниспадали на плечи так густо, что казались шелковым капюшоном, из-под которого выглядывало белое лицо с мерцающими фиалковыми глазами. У другой девушки были темно-карие глаза, очень большие, очень сияющие; ее щеки были розовыми, лишь слегка загоревшими на солнце, ямочка на подбородке подчеркивала эффект ее надутых красных губ; ее темно-каштановые волосы были распущены и свободно падали на темно-малиновую мантию, которая спускалась от талии пятью тяжелыми складками. Лежащий воин почувствовал на себе странные чары. Не в силах пошевелиться или заговорить, он увидел, как две девушки подошли и встали рядом с ним, солнечный свет играл на их обнаженных руках и груди. Они улыбнулись ему и подняли руки, и затем с их пальцев на него посыпались ослепительные молнии, нити пламени, которые жалили, как шнуры кнута, град радужных искр, от которых он онемел, меткие языки пламени, которые пронзали его, как дротики; и когда он смотрел вверх сквозь эту огненную бурю, корчась в агонии, он все еще видел их белые руки, размахивающие взад и вперед, сплетающие вокруг него сеть молний, их лица улыбались ему, безмятежные и добрые; и в глазах ее с алым блеском он увидел, что они все еще машут ему. в мантии он прочел нежность, слишком человеческую. Глаза, которые сияли нежностью; белые руки, которые сплели вокруг него радужную сеть мучительных огней; его мука все возрастала, пока он не увидел, что руки перестали размахивать, на мгновение задержались в воздухе, а затем устремились вниз с потоком пламени и могучим треском, подобным ударам копий десяти тысяч

воинов, сошедшихся в битве, и затем - он остался один, глядя широко открытыми глазами на голубую, отражающую облака поверхность озер и белый песок, поблескивающий на берегу.

"Не приставайте ко мне с вопросами", - сказал Кухуллейн собравшимся вокруг него воинам. "Мои конечности онемели и отказываются повиноваться мне. Отнесите меня к постели моего больного в Тет-Брече.

- Не отвезти ли нам тебя в Дун Имриш или в Дун Делку, где ты можешь быть с Эмер? сказали они.

- Нет, - ответил он, и дрожь сотрясла его сильное тело, - отнесите меня в Тет-Бреке.

И когда они сделали это, он прожил там год, и на лице его всегда было выражение спящего, которому снятся сны; ни разу он не улыбнулся и не произнес ни единого слова в течение этого года.

Когда у души много жизней,
Скованных Забвением,
Руки, которые разрывают ее давно изношенные извилины
 Кажутся жестокими и безжалостными.
Но все они приходят с нежностью,
 Любимые товарищи прошлого;
И меч, который делает нас свободными
 Наконец-то наша боль утихает.

III.

Какие тени отводят его глаза
 Кто жаждет взобраться на небесные высоты;
Там сияет красота дня,
 И там древний Свет Огней.

И пока он размышляет о смутных видениях
 И начинает забывать о своей судьбе,
Колесница Солнца для него
 И все звезды племени ждут.

Сон Кухуллена и послание Ангуса

За дверью в Тет-Брече, в тени соломенной крыши, стояло ложе Кухуллена, так что при желании он мог смотреть поверх сочных зеленых полей на далекий край голубых холмов. И все же в течение этого утомительного года он редко открывал глаза или смотрел с видимым пониманием. Часто наблюдатели вокруг его постели, глядя на белое застывшее лицо, задавались вопросом, действительно ли он жив. Но они не осмелились разбудить его, ибо провидцы обнаружили, что его сон был наполнен мистической жизнью и что вызывать его было

незаконно. Была ли мрачность великого воина вызвана тем, что он был всего лишь тенью своего прежнего "я", или эта бледная фигура действительно была пуста? Так размышляли Фергус, Конайл, Лугард и Этне, верные спутники. Но он сам по себе был окутан туманом видений, быстро появляющихся и еще быстрее исчезающих. Огненные руки, поразившие его, хорошо сделали свое дело, и его тьма осветилась воспоминаниями. Величие преклонных лет пронеслось мимо него с укориной, и герой съежился перед величием собственного прошлого. Рожденный из чрева земли давным—давно в расцвете сил - какая тень омрачила его красоту? Он отслеживал и возвращался по бесчисленным следам. Он снова правил расами, давно пребывавшими в забвении. Он вышел за пределы обычного пути, пока силы необъятного не узнали его и не подчинились ему. Когда он оглядывался назад, с ним всегда был один. Лу, Бог Солнца, который в светлые дни детства явился ему, когда его маленькие ножки убегали из дома в поисках приключений. Далекий и тусклый, близкий и сияющий, он всегда был рядом. На торжественных посвящениях в склепах под гигантскими холмами он восставал, украшенный драгоценными камнями и звездами живого огня, и становился единым с Богом, и далеко, далеко с ним он переходил в земли бессмертных или вел войны, более чем человеческие, когда из погребенных земель прошлого впервые пришли герои на восток, в Эри, и обнаружили ужасных фоморианских чародеев, обитающих на священном острове. Во сне Кухуллейн увидел, как презирающие землю воины восстанут и ведут свою битву в ярком эфире, а великий Вождь Солнца, сияющий, как золото, ведет свое сверкающее воинство. Во множестве гигантские призраки метались туда-сюда, их могучие формы были окутаны потоками пламени, в то время как звезды бледнели и дрожали, пока они сражались.

Рядом с ним часто появлялось еще одно лицо, другая фигура; что-то шептало, заманивало, звало его к неведомой ему дикой свободе. Это был призрачный образ дитя Аэд Абрайт, с темными развевающимися локонами, мистическими глазами, с лицом, дышащим сладостью солнца, со вседревним благородством земли, но ликующим и отстраненным, как у той, кто побывал в хрустальных сферах невидимого, искупался в его бессмертных реках и испил звездной росы.

Приди, Кр. приди, о герой, - прошептала она. - Здесь есть огненные источники жизни, которые обновят тебя. Мы отправимся туда, где обитают сидхе, где золотое дыхание жизни струится с гор в ослепительном сиянии в вечно сияющие лазурные и жемчужные области под звездами. Радуете все, что живет в этом месте. Давай, Ку, уходи". И она прошла рядом с ним, полуобернувшись, зовя, маня, пока в своем безумии он не забыл о ярком Боге Солнца и воинах Эри, ожидающих его руководства.

Это снова был праздник Самайн. Ближе к вечеру на дверь легла тень. Снаружи стоял человек в синей мантии; он не вошел, но немного огляделся по сторонам, а затем сел, тихо посмеиваясь про себя. Фергюс, Конайл и Лугард поднялись одновременно, радуясь тому, что им удалось предупредить незваного гостя и отвлечь их от монотонного дежурства.

- Разве ты не знаешь, - строго сказал Конайл, - что здесь лежит больной человек, которого нельзя беспокоить?

Незнакомец встал.

"Я расскажу тебе сказку", - сказал он. "Когда я прогуливался среди деревьев, я увидел сияние, сияющее вокруг дана, и я увидел человека, парящего в этом свете подобно могучему огненному

столбу, бронзово-красному и золотому: он казался дитем Солнца; живые огни клубились вокруг него и исходили лучами из его головы. Он посмотрел на север и на запад, на юг и на восток, и над всей Эри он выпускал свои огненные вздохи радужного цвета, и тьма становилась светлой перед ним там, куда он смотрел. Воистину, если бы тот, кто лежит здесь, был здоров, он был бы самым могущественным среди твоих воинов. Но я думаю, что теперь он также пожимает руки героям сидхе и с помощью силы друидов защищает ультонцев. Я счастлив быть рядом с ним".

- Это Лу Ламфада, охраняющий героя. Теперь его судьба снова приблизится к нему", - подумали спутники Ку и приветствовали незнакомца.

"Я понимаю, почему он лежит здесь так неподвижно", - продолжил он странным голосом, как у человека, который говорит вдохновенно. "Сидхе смотрели со своих гор. Они увидели спящего героя. Они увидели забывчивого Бога. Они устыдили его руками женщин. Они показали ему прошлое. Они сказали Фанд и Либау: "Разбудите его. Приведите его к нам. Пусть он придет в ночь Самайна". Они показали избранного издалека, в видении, когда прятались в своих горах. Туата де Данаан, бессмертные, желают, чтобы Кухуллейн помог им. Дочери Аэда Абрайта - их посланницы. Если бы Фанд и Либан были здесь, они бы восстановили героя.

- Кто вы? - спросил присоединившийся к ним Лээг.

- Я Ангус, сын Аэда Абрайта. Пока он говорил, его фигура дрожала, как дым, мерцая туманной расплывчатостью в голубых сумерках, а затем исчезла у них на глазах.

- Теперь я задаюсь вопросом, - пробормотал Лээг себе под нос, - был ли он послан сидхе или только Либаном и Фанд. Когда имеешь дело с женщинами, все неопределенно. Фанд больше верит в свою красоту, чтобы возбудить его, чем в свое послание. Я двадцать раз видел, как ее тень воркует о нем. Все это лишь предлог для занятий с ней любовью. Это так похоже на женщину. Однако для него все было бы лучше, чем лежать в постели. Он ушел, чтобы присоединиться к остальным. Кухуллейн сидел и рассказывал историю о том, что произошло в прошлый Самайн.

- Что мне делать? - спросил он.

"Иди к мудрому королю", - сказал Лээг, и так посоветовали все они, ибо с того дня, как он был коронован и Друиды коснулись его огнем, свет мудрости сиял вокруг короля Конкобара.

"Я думаю, тебе следует отправиться к скале, где тебе явились женщины сидхе", - сказал Конкобар, когда к нему обратились.

Итак, Лаэг приготовил колесницу и поехал к озеру. Ночь наступила прежде, чем они добрались до него, но луна была полной и ослепительной. Лаэг ждал немного поодаль, в то время как Кухуллейн сидел в черной тени скалы. Пока воин вглядывался в темную, усеянную звездами поверхность воды, над ними сгустились яркость и туман, и там, в своем зеленом одеянии, ниспадающем до ног и волочащемся на волне, с развевающимися вокруг головы светлыми льняными волосами, стояла Либан. Она, как и прежде, странно улыбнулась, глядя сквозь него своими пронзительными глазами.

"Я одна из сидхе", - сказала она, и ее голос прозвучал как журчание воды. "Ты тоже, о воин, хотя и забывчивый, один из нас. На самом деле мы пришли не для того, чтобы причинить тебе вред, а чтобы пробудить память. Сейчас дикие тучи демонов собрались с соседних островов, и мы

желаем твоей помощи. Твоя сила вернется к тебе ликующей, как в старые времена. Пойдем со мной, воин. У тебя будут отличные товарищи. Лабрайд, владеющий быстрым огнем так же, как ты мечом, и Фанд, которая отложила в сторону свою мудрость Друида, тоскуя по тебе.

"Куда мне идти с тобой, незнакомая женщина?" - спросил Кухуллен.

"В Мэг-Мелл".

"Я отправлю с тобой Лэга", - сказал Кухуллейн. Я не хочу отправляться в неизвестное место, пока у меня здесь есть свои обязанности". Затем он отправился к Лэгу, попросив его пойти с Либаном.

"Ему не терпится уйти, - подумал Лэег, - но он не верит, что сможет уйти. Он забыл все, что знал, и не хотел выглядеть ничтожеством перед женщиной. Однако не повредит, если я пойду и посмотрю, что они делают.

О, не дивись, если в нашей сказке
Сверкающие фигуры приходят и уходят,
Все больше мистического великолепия сияет и меркнет
Чем в изношенный век, который мы знаем.

Их невежество по отношению к нам было мудрым:

Их грехи затмила бы наша добродетель:
Слава прошла перед их глазами:
Мы едва ли мечтаем о божественном.

В мир может прийти романтика,
Со всеми соблазнами любви и очарования;
И горестная трагедия случится
К тому, в кого влюблена фея.

Там убитые иллюзии оживают заново
Успокаивать душу застенчивыми ласками;
Но тот, кто любит только Истинных
Снова убивает их и продолжает наступление.

Ибо золотые цепи - это всего лишь цепи,
Зачарованные сны - это еще только сновидения;
И прежде, чем душа обретет свободу
Это разрывает все связи, разрушает все кажущееся.

IV. Девы сидхе

"Да, я пойду со служанкой в зеленой мантии", - пробормотал себе под нос Лээг. - "Но я надену алую мантию из пяти складок, которую имею право носить в стране сидхе, хотя мое земное занятие - всего лишь вождение боевой колесницы".

Он начал тихо петь; золотой отблеск, подобный солнечному свету, закружился вокруг него; затем, когда пение прекратилось, выражение дикого ликования появилось на его лице, и он вскинул руки, так что на мгновение у него был тот вид, который был у него, когда он вел огромную боевую колесницу Кухуллена в гущу битвы. Его покачивающаяся фигура мягко опустилась на зеленую поверхность, а над ней парила светящаяся фигура, одетая в алую мантию, но чье лицо и обнаженные руки были цвета полированной бронзы. Его лицо было таким бесстрастным и повелительным, что даже Либан слегка дрогнула, когда прокралась к нему. Кухуллейн наблюдал за двумя фигурами, которые медленно плыли над темной гладью озера, пока внезапно не исчезли, казалось бы, в его спокойной глади. Затем, спрятав лицо в ладонях, он сидел неподвижно, погруженный в глубокую задумчивость, ожидая возвращения Лаэга.

Распростертая фигура Либан поднялась с того места, где она лежала в трансе. Перед ней стояла призрачная фигура Лаэга. Все в доме, кроме нее, спали, но сознательным сном сидхе, и их тени приветствовали Лээга, каждая говорила ему текучими голосами, которые никогда не слетают с глиняных губ:

- Добро пожаловать к тебе, Лээг; добро пожаловать из-за той, кто привел тебя, из-за того, кто послал тебя, и из-за тебя самого.

Он видел вокруг себя только женщин сидхе и знал, что находится в одной из школ, основанных мудрецами Эри для девушек, которые посвятят свою жизнь святости и обучению друидов; девушек, которые не должны знать земной любви, но всегда обращать свой взор к свету бога Солнца. Но, не увидев среди них Фанд, он нетерпеливо повернулся к Либан. Она правильно поняла его жест и сказала:

"Моя сестра живет отдельно; у нее больше знаний, и она руководит всеми нами".

Выйдя из комнаты, она пошла по коридору, бесшумно, если не считать шороха своего длинного зеленого халата, который она поплотнее запахнула, потому что ночь была прохладной. Непривычный трепет охватил ее, и, повернувшись к Лэгу, она прошептала:

- Сегодня ночью злые чародеи обладают властью, так что твоя жизнь была бы в опасности, если бы у тебя не было защиты девы Солнца.

Но улыбка на мгновение озарила бронзовое лицо призрачного возничего, когда он пробормотал с добротой, близкой к жалости, смягчая свои грубые слова:

"До сих пор ни Кухуллейн, ни я никогда не испытывали потребности в защите женщины, и я бы предпочел, чтобы сейчас здесь был он, а не я"

Отодвинув тяжелую портьеру, Либан вошла в комнату сестры. Они увидели Фанд, сидящую за маленьким столиком. Перед ней лежал раскрытый свиток, но она не смотрела на него. Сцепив руки под подбородком, она смотрела в пустоту глазами, полными далеких размышлений и тоски. Было что-то трогательное в напряженности и задумчивости одиноких фигур. Она повернулась и поднялась им навстречу, улыбка редкой нежности осветила ее лицо, когда она увидела Либана. Тусклый свет единственной лампы лишь наполовину освещал юношескую

фигуру, бледное, красивое лицо, с которого поблекли солнечные краски. Ее волосы цвета воронова крыла были собраны в пышные локоны на голове и скреплены там сверкающей золотой спиралью. Полностью черная мантия, ниспадавшая до самых ног, делала черты ее лица еще более странно юными, более разительно контрастируя с монашеской строгостью комнаты. Она была задрапирована какими-то темными бесформенными драпировками. Кушетка с меховым покрывалом, единственный стул из резного дуба, маленький столик и бронзовая курильница, от которой исходил слабый аромат, наполнявший воздух и лишавший чувств, дополняли убранство комнаты, которая скорее могла бы быть кельей какого-нибудь престарелого друида, чем комнатой одной из юных дев Эри, которые не были склонны к аскетизму. Она приветствовала Лээга теми же словами тройного приветствия, что и мистические дети солнца, которые впервые собрались вокруг него. Ее блестящие глаза, казалось, глубоко читали душу возничего.

Затем Либан тихо подошел к ней и сказал:

"О, Фанд, на душе у меня грустно этой ночью. Темные силы собираются с силами, чтобы напасть на нас, и нам нужно быть чистыми и сильными. И все же ты сказал, что больше не чувствуешь Присутствия рядом с собой; что Маннанан, Сущность Солнца, не сияет в твоём сердце!"

Фан положила руку на белокурую голову сестры и сказала голосом, в котором смешались радость и пафос:

"Успокойся, дитя; тебе из всех нас меньше всего следует бояться, ибо, хотя я, увы! я оставлен, но Тот, кто является твоим Отцом и Тобой Самим, даже сейчас здесь, с тобой".

Либан упала на колени, сложив руки и подняв глаза в экстазе обожания, потому что над ней парил тот, кого она хорошо знала. И все же, не обращая на нее внимания, с суровым взглядом, вытянув правую руку, из которой в пространство вырывались длинные языки пламени, похожие на мечи, Лабрайд возвышался над невидимыми ими врагами. Рука медленно опустилась, и суровое выражение исчезло с лица. Древнее, как юность Богов, это было такое лицо и такая фигура, что труженики темного мира, помня о своих звездных династиях, стремились создать образы прямого и непоколебимого спокойствия среди сфинксов Нила или скульптурных богов Халдеи. Таким прямым и неподвижным в таком скульптурном покое казался Лабрейд, его тело походило на яркое рубиновое пламя, освещенное солнцем из золотой сердцевины. Глаза из-под нависших бровей были полны тайны. Воздух, пульсирующий и вздымающийся вокруг него, заставил Лээга отступить от центра комнаты. Он казался всего лишь ребенком перед этим могущественным духом. Либан разразился диким приветственным криком:

"О, посмотри теперь, какой пылающий,
Какой сияющий мощью,
Из битвы возвращается
Дракон Света!
Где был ты, недремлющий
Изгнанный с трона,
Наблюдающий за плачущими,
Печальный и одинокий.
Солнечные огни Эри
Горели низко на круче;

Наблюдатели устали
Или погруженный в сон;
И ужасны были легионы
Демонов, которые восстали
Из самых отдаленных областей
Изо льда и снегов;
И на красном ветру, принесенном
Невыразимые вещи,
Порожденные темным разумом волшебника
На призрачных крыльях.
Темнота осветилась
Вихрями пламени;
Демоны испугались
Убежали туда, откуда пришли.
Ибо ты был для них
Видение, которое убивает:
Твои огни дрожали в них
В лучах стрелы.
О, светлый аметист,
Твоя тень вдохновляет,
И наполняет первозданностью
Энергия огня.
Хотя мысль подобна фонтану
Изливает мечту за мечтой,
гора не имеет масштаба
Где ты все еще сияешь,
И сияешь вдали, как
Рассвет дня,
Бессмертный и звездный
В радужном массиве".

Но он, сияющий, ответил, и в его голосе была мелодия, знакомая только тем, кого Солнечное дыхание донесло до божественных миров:

"Не хвались, бедный смертный, и не претендуй на знание, когда Боги не знают. Тот, кто величайший из всех сынов зла, теперь ждет, когда пробьет час, когда он сможет напасть на нас и повести с собой все воинства врагов света. Каким может быть исход боя, мы не можем предвидеть. И все же неразумные смертные всегда заявляют, что знают, в то время как даже Боги признаются в невежестве; ибо гордыня ослепляет всех смертных, а высокомерие порождено их слабостью".

Ничуть не смутившись, она воскликнула:

"Тогда радуйся, ибо мы пробудили Ку, воина-мага древних времен, и его посланница - она".

Затем он ответил мягко, с жалостью:

"Нам нужна помощь каждой сильной души, и ты хорошо сделал, что разбудил этого дремлющего гиганта. Если благодаря его дополнительной силе мы победим, тогда он станет спасителем Эри; возлюбленный Богами, он перестанет быть диким воином на земле и станет лидером смертных, помогая им на пути к бессмертным. Ты мудро поступил, разбудив его, и все же...

Он улыбнулся, и такая жалость была в его улыбающемся взгляде, что Либан униженно склонила голову. Когда она подняла ее, он исчез, и Лаэг тоже исчез. Она встала и, чуть не всхлипнув, бросилась в объятия сестры. Так они и стояли, молча, с глазами без слез; ибо они были слишком божественны для слез, хотя, увы! слишком по-человечески.

Колесница медленно покатила по дороге домой, ибо Лаэг, видя слабость и усталость Кухуллена, придержал огромных коней; их выгнутые шеи и хриплое дыхание возмущались сдержанностью, в то время как нетерпеливый топот копыт выбивал огонь из усыпанной галькой дороги.

"Что ж, - угрюмо сказал Кухуллейн, - расскажи мне, что произошло после того, как ты ушел с той женщиной из племени сидхе".

Кратко и без собственных комментариев Лаэг изложил то, что он видел. Затем Кухуллейн надолго задумался; никто не произнес ни слова, и тишину нарушали только топот коней и грохот колес колесницы. Темные тучи плыли поперек луны, и темнота давала больше свободы слова, потому что Кухуллен сказал размеренным, невыразительным тоном:

- И что ты обо всем этом думаешь?

- Что я думаю? вспыхнул Лаэг с неожиданной горячностью. - Я думаю, тебе лучше оставить в покое этих женщин сидхе, а их - тебя. Что Фанд потеряла бы душу из-за любви, а заклятие, которое они наложили на тебя, - зло, иначе оно не сделало бы такого воина, как ты, беспомощным, как младенец.

Давая волю своему сдерживаемому гневу, Лаэг бессознательно ослабил поводья коней, которые порывисто рванулись вперед, и тряска машины была всем, что Кухуллин мог вынести в своем ослабленном состоянии. Придя в себя, возникший снова остановил их, мысленно упрекая себя за беспечность.

Печальным и надломленным был голос воина, когда он сказал:

- Завтра, Лаэг, ты передашь послание Эмер. Скажи ей, что сидхе наложили на меня заклятие беспомощности, обманув ложными представлениями о том, что я помогаю им в их войне со злыми чародеями. Попроси Эмер прийти ко мне, ибо ее присутствие может помочь мне пробудиться от этого заклятия, которое сковывает мое тело и затуманивает разум".

Тогда Лаэг попытался утешить его, сказав:

"Нет, нет; сидхе никому не причиняют зла. Их послание к тебе было правдой; но их посланцами были женщины, а ты был воином. Вот почему произошло несчастье, потому что так всегда бывает с женщиной: она становится глупой из-за воина, и тогда всегда возникает неразбериха. И когда приедет Эмер... — он остановил свое нескромное высказывание, притворившись, что

ему трудно сдерживать лошадей, а затем смущенно добавил: - Кроме того, я предпочел бы оказаться в твоём положении, чем в положении Фанд.

- Эмер пришла? - спросил Кухуллен, приподнимаясь на своём ложе и опираясь на локоть.

- Да, - уныло сказал Лэег. - Я привез её. Большую часть пути она разговаривала со мной. Теперь она захочет поговорить с вами, но вам не нужно возражать; это не в её привычках, и она не так безрассудна, как можно было бы ожидать. Она возлагает большую часть вины за вашу болезнь на меня, хотя, возможно, это потому, что она разговаривала именно со мной. Настаивает на том, что, поскольку я могу отправиться на Огненную Равнину, где живут сидхе, я должен быть в состоянии найти способ вылечить тебя. Она много раз высказывала мне эту мысль с беглостью и богатством иллюстраций, которым позавидовал бы бард. И вот теперь она подходит. Я только выскользну и посмотрю, должным ли образом ухаживают за лошадьми.

Он не преувеличил значение этого случая, потому что милое личико Эмер омрачилось гневом, когда она приблизилась к постели больного своего мужа. Она горько упрекнула его в том, что, по её утверждению, это была всего лишь притворная болезнь, и выразила убеждение, что никакая теория не объяснит его поведение, кроме того, что, изменив ей, своей жене, он влюбился. Но Кухуллен ничего не ответил, ибо он был не только непобедим в битве, но и мудр в том, что держал язык за зубами, когда женщина выступала против него словами.

- Ты выглядишь окрепшим, - сказал Лэг, когда в следующий раз остался с ним наедине.

"Да, - ответил он, - речь Эмер немного вывела меня из оцепенения. Я думал о том, что, возможно, мы были неправы, проигнорировав послание, принесённое женщинами сидхе. У них наверняка есть сила разрушить это заклятие, и они, несомненно, сделали бы это, если бы ты не сбежал от них так бесцеремонно.

"Я думал о том же, когда Эмер шла сюда со мной", - заметил Лаэг. "Её речь меня тоже немного воодушевила".

Кухуллен некоторое время молчал, а затем задумчиво сказал:

- Как ты думаешь, мы могли бы снова найти Либана?

- С этим не возникло бы никаких трудностей, - сухо ответил Лаэг.

"Тогда, - сказал Кухуллейн с неожиданной энергией, - давайте ещё раз отправимся к скале видений".

Наши души вступают в битву, когда воинство

Зловещих жизней, которые таятся в Воздухе,

И в самых отдалённых регионах Океана,

Выходите из каждого отвратительного логова:

Ибо тогда разыгрываются битвы за облачную страну

С копьями молний, с огненными мечами,

Никому не давали пощады, никого не просили,

Пока Сыны Ночи снова не будут отброшены во тьму, из которой они пришли

.

И все же, пока звучат покрасневшие небеса,
Души злых людей-волшебников
В рядах демонов встречаются,
Пока герои чисты и сильны, они уходят
Присоединиться к борьбе, не считаясь ни с какими шансами,
Ибо те, кто противостоит врагу-волшебнику
Героически пожимают богам руки.

Что такое любовь к темным губам
Которые не ведают, чего они ищут или настаивают,
От которых соблазн вечно ускользает
И они теряют призрачную нежность?

Тайна и свет очей
Те, что рядом с моими, становятся тусклыми и холодными;
Они движутся вдалеке в древних небесах
Срединное пламя и мистическая тьма накатили.

О, герой, пока бьется твое сердце,
В нежной уступчивости мне,
Просыпается и растет огромное желание
Вплоть до забвения тебя.

V. Мантия Маннанана

Перед ними снова стояла Либан, и глаза ее были полны упрека.

"Вы сомневаетесь в правдивости моего сообщения", - сказала она. "Тогда пойдем на Огненную равнину, и ты увидишь того, кто послал меня".

"Я не сомневаюсь в тебе, - тихо сказал Кухуллейн, - но мне не подобает уходить, когда послание принесла женщина, ибо такое предупреждение я получил в видении от Лу Ламфады. Лээг отправится с тобой, и если он вернется с тем же сообщением, тогда я выполню приказ сидхе и начну войну против злых чародеев, как когда-то мальчишкой я победил ручей волшебников в Дан-мик-Нектане.

- Куда Либан привел тебя на этот раз, Лээг? Ты привез послание от сидхе?

"Я видел Вождя", - сказал Лаэг, чьи сомнения рассеялись и все поведение изменилось.
"Кухуллен, ты должен идти. Ты помнишь, как мы вместе ходили в Брусну на берегу Бойна, и какие чудеса они показали нам в священном склепе. Но это место еще более чудесное — втрое. Правильно Либан назвал ее Огненной Равниной, ибо дыхание огня витает в воздухе на многие лиги вокруг. На озере, где обитают сидхе, рыбаки проплывают мимо и ничего не видят или, может быть, мелькают призрачные деревья вокруг дана. Корни этих деревьев уходят в звезду,

погребенную под землей; когда ее сердцевина пульсирует, они сияют подобно золоту, да, и плоды их переливаются рубиновым светом. Воистину, этот Лабрейд - один из Богов. Я видел, как он прошел через пылающие реки подземного мира. Он был наполнен сиянием. Я не склонен бояться сидхе, но было в нем нечто, внушавшее благоговейный трепет: ибо, о, он происходил из домов, которые издревле были нашими — из наших павших, и чьи одежды, когда-то яркие, запятнаны осадком времени. Он любезно приветствовал меня. Он узнал меня по моей малиновой мантии с пятью складками. Он спрашивал о тебе; действительно, все они хотят видеть тебя там.

- Он еще что-нибудь сказал?

- Нет, он говорил мало; но когда я возвращался через Маг Луаду, у меня было видение. Я увидел тебя, стоящего под священным Деревом Победы. Там были двое могущественных, по одному с каждой стороны от тебя, но они казались ничуть не больше тебя.

- Фанд была там? - спросил Кухуллейн.

- Да, - неохотно ответил Лэег. - Я видел ее и говорил с ней, хотя и не хотел. Я боялся за себя. Этни и Эмер - красивые женщины, но эта женщина не похожа на них. Она наполовину божественна. Самые святые друиды могли бы потерять из-за нее рассудок.

"Пойдем туда", - сказал Кухуллен.

Ночь была ясной, бездыханной, чистой, как алмаз. Гигантские огни высоко вверх тихо плыли в потоках пространства. Внизу спало озеро, отражавшее тенистую синеву гор. Огромные холмы, жилища сидхе, были пусты; но над ними парила бдительная компания, серьезная, величественная, молчаливая, ожидающая. В величественной процессии их богатые, сверкающие фигуры двигались взад и вперед группами по двое и по трое, расцвечивая сумеречный воздух теплыми красками. Немного поодаль, за мысом на краю острова, общались двое более влиятельных людей, чем остальные. Колеблющаяся вода отражала их сияющие фигуры на высоту головы в своих темных глубинах; над ними короной возвышалась древняя синева ночи. Эти двое были Лабрейдом, и воин Мертемни восстановил всю свою силу Друида. Поистине ужасной в своей красоте, своей мощи, своим спокойствием была эта огненная призрачная фигура рядом с королем сидхе.

"Мы пришли в Эри много-много веков назад, - сказал Лабрейд, - из страны, о которой нынешние люди ничего не помнят. Могущественными к добру и ко злу были обитатели той земли, но пробил ее час, и воды океана поглотили ее. На этом острове, который могущественные Боги Огня оберегали и считали священным, мы устроили свой дом. Но по прошествии долгих лет настал день, когда хранителям мудрости пришлось оставить и это. Они отправились на восток. Остались лишь немногие, чтобы сохранить традицию о том, что было, надежду на то, что будет снова. Ибо на этом острове, как предсказано, в грядущие века восстанет свет, который обновит детей времени. Но сейчас в мире наступила великая тьма. Посмотрите, какие возникают вздохи! Какие демоны захотели бы сделать Эри своим домом!"

Вдали, на восточной окраине, сгущалась густая тьма; непроглядная чернота, из которой катилась кроваво—красная воздушная река, несущая свои приливы по артериям ночи. Он приближался. Он был полон живых существ, личинок, ужасных форм с колышущимися усиками,

белых иссохших существ, беспокойных и голодных, свиноподобных лиц, чудовищ. По мере того, как он катился, над деревушкой, полем опускалась тень.

- Их нельзя остановить? Их нельзя остановить? - раздался крик Фанд.

Суровое выражение лица Кухуллена стало еще серьезнее.

- Это с этими жалкими призраками мы должны вести войну? Лабрейд, этого достаточно. Я пойду — один. Нет, брат мой, одного достаточно для победы".

Он уже забыл о сидхе, о голосах Фанд и Лаэга, зовущих его. Свет, подобный чудесному туману, ослепительно разлился вокруг него. Сквозь огненный туман, избыток света, они увидели трансцендентную форму из ярчайшего золота, ступающую по воздуху. Над головой бога извивалась и металась нить молнии, похожая на змею. Оно испускало тысячи ослепительных лучей; оно пело мириадами тонов, продвигаясь вперед. Сияющая сфера становилась все шире, и пение становилось все более торжествующим, когда он мчался вперед и столкнулся с преисподней. Издалека наблюдатели видели и слышали суматоху, крики ужасного конфликта, агонию корчащихся и горящих демонов, опаленных и уничтоженных, отступающих перед наступлением света. Он мчался все дальше и дальше, то темнея, то снова сверкая, как солнце.

- Смотрите! смотрите! - закричал Лэег, задыхаясь от восторга, когда ослепительный призрак возвышался и размахивал руками на горизонте.

- Они солгали, сказав, что он бессилен, - сказала Фанд с не меньшим ликованием.

"Ку, моя дорогая, - прошептал возникший, - теперь я знаю, почему я любил тебя, что горело в тебе".

- Не пойти ли нам поприветствовать его, когда он вернется? - спросил Либан.

"Я бы не советовал этого делать", - ответил Лаэг. "Это для того, чтобы встретиться с яростью огня, когда он отступит, слепой и ничего не замечающий? Он убил бы своего самого дорогого друга. Я уезжаю отсюда так быстро, как только могу".

На рассвете в темных лесах над даном и гамлетом начал виться дым, и, совершенно не подозревая о войне, которая велась за их судьбы, дети просыпались и смеялись, а мужчины и женщины выходили подышать сладким утренним воздухом.

Кухуллен начал с мечты о более древних битвах, о войнах на небесах. Сквозь темноту комнаты он увидел смутные очертания двух дочерей Аэда Абрайта; не как раньше, таинственных дев, вооруженных силой друидов, а женщин, тающих, нежных, ласкающих. Фиалковые глаза, сияющие благодарностью; темные глаза, горящие любовью, смотрели в его. Туманные локоны упали на него.

"Я не знаю, как прошла битва", - вздохнул он. "Я помню, как проснулся огонь..... Лу был со мной..... Я упал навзничь в ослепляющем тумане пламени и забыл обо всем".

"Не сомневайся в этом. Победа сопровождала тебя, воин", - сказал Либан. "Мы видели тебя: это было чудесно. Как вспыхнули семь великолепий, и огненные звезды блуждали вокруг тебя и рассеяли демонов!"

- О, не дай своим силам снова погрузиться в сон, - вырвалось у Фанд. - Что значат триумфы земных битв по сравнению с подобными победами? Что значит править тысячей воинов, чтобы править небесным воинством? какой силы обладают копье и стрелы рядом с сияющей пращей Лу? Вдохновляют ли тебя когда-нибудь боевые песни ультонианцев, подобные ужасному песнопению огня? Сможешь ли ты после освобождения жить в этих мрачных забегах? Что самое величественное из них рядом с огненными залами Тир-на-ноге и построенными из пламени городами Богов? Что касается меня, я бы жил там, где ушли великие древних времен, и поклонялся в святилище безмолвного и невыразимого Благоговения".

— Я бы действительно поехал, — сказал Кухуллейн, — но все же... но все же... Мне тяжело покидать зеленые равнины Мертемни, и ультонцев, которые сражались на моей стороне, и Лаэга, и...

- Лаэг может пойти с нами. Не нужно забывать и о Конхобаре, Фергусе или Конайле. Гораздо лучше ты сможешь помочь им силой друида, чем правой рукой, удар которой может сделать бессильной в битве. Отправляйся с Лаэгом в Ибан-Синд-Трахту. Рядом с тисовым деревом есть замок. Там ты можешь жить, спрятавшись от всех. Это место свято благодаря могуществу сидхе. Я присоединюсь к тебе там.

Прошел месяц. Фанд, Кухуллейн и Лэг провели ночь в комнате Тисового дерева Дан. Двое последних сидели за дубовым столом и пытались с помощью гадания заглянуть в будущее. Фанд, укрывшись в темной тени ниши, лежала на кушетке и наблюдала. Множество мыслей пронеслось у нее в голове. Теперь старая любовная страсть поднималась в ее сердце, чтобы быть утоленной утомительным чувством тщетности, а затем ее губы кривились от презрения, когда она видела рвение своих товарищей. Нахлынули другие воспоминания. "О, Маннанан, Я-Отец, если бы ты не оставил меня и мое сердце не отвернулось! Это не было сном, когда я встретил тебя, и мы вместе вошли в Океан Огня. Наша красота охватила весь мир. Мы были сияющими, как Лу, твой брат Солнца. Время кажется таким далеким, как рассвет. Как прекрасен был и тот другой, чей образ в герое поработает мое сердце. О, если бы он только узнал себя и понял, что на этом пути единственный риск, на который стоит пойти, - это величайший! А теперь он сдерживает и возничего и поступает с ним несправедливо ". Именно тогда что-то заставило ее поднять глаза. Она закричала: "Лаэг, Лаэг, ты что-нибудь видишь?"

- Что это? - спросил Лэг. Затем он тоже посмотрел и вздрогнул. - Боги! - пробормотал он. - Эмер! Я бы предпочел встретиться лицом к лицу с бурей форморианских чародеев.

- Разве ты не видишь? - презрительно повторила Фанд. - Это Эмер, дочь Форгалла. Неужели она тоже стала одной из сидхе, раз путешествует таким образом?

"Она приходит во сне", - сказал Лэг.

"Почему ты вторгаешься в наше уединение здесь? Ты знаешь, что мой гнев - вещь немалая", - вспыхнул Кухуллен, в готовом гневе скрывая свое замешательство. Тень Эмер повернулась, отбрасывая с лица длинные светлые волосы, чтобы лучше видеть его. В ней не было страха, а только оскорбленное женское достоинство. Она заговорила, и ее голос, казалось, исходил из страстного сердца, находящегося где-то далеко, погруженного в печальное одиночество.

"Зачем я пришел? Разве ты не унизила меня перед всеми девами Эри, бросив ради женщины из племени сидхе без причины?" Ты спрашиваешь, зачем я пришел, когда все ультонцы смотрят на меня с сомнением и изумлением! Но я вижу, ты нашел более красивую партнершу.

- Мы пришли сюда, Лээг и я, изучать знания сидхе. Почему бы тебе не оставить меня здесь на время, Эмер? Эта девушка обладает удивительной магической силой: она принцесса в своей стране и по сей день так же чиста и непорочна, как и ты.

"Я действительно вижу, что она красивее меня. Вот почему тебя тянет прочь. Ее лицо не стало знакомым. Ты следишь за всем, что ново или непривычно. Проходящие мимо щеки румянее, чем бледное лицо, разделившее с тобой беды. То, что ты знаешь, - это усталость, и ты оставляешь ее, чтобы узнать то, чего не знаешь. Ультонцы дрогнули, пока ты отсутствовал в битве и на совете, и я, которого ты привез из моего дома нежными словами, когда он был полудетским, остался один. О, Кухуллен, возлюбленный, когда-то я был дорог тебе, и если бы сегодня или завтра состоялась наша первая встреча, я был бы таким снова".

Поток самобичевания и возвращающейся любви захлестнул его. - Клянусь тебе, - прерывисто произнес он сквозь быстро текущие слезы, - ты мне бесконечно дорога, Эмер.

- Тогда ты покидаешь меня, - выпалила Фанд, выпрямляясь во весь рост, ее темные, яркие глаза наполнились внезапным огнем, воплощением мистического негодования и стыда.

"Если действительно, - тихо сказала Эмер, - радости, любви и красоты больше среди сидхе, чем там, где мы живем в Эри, то для тебя было бы лучше остаться".

- Нет, теперь он этого не сделает, - страстно сказала Фанд. - Это меня он должен покинуть. Я давно предвидела этот момент, но бежала против судьбы, как ребенок. Иди, воин, Ку; вырви эту любовь из своего сердца, как я из своего. Иди, Лээг, я не забуду тебя. Ты один думал об этих вещах по-настоящему. Но сейчас ... я не могу говорить. — Она бросилась на кушетку в темной тени и спрятала от них лицо.

Бледный призрак дрогнул и исчез, направляясь к той, кто пробудилась ото сна со счастьем, которого она не могла понять. Кухуллейн и Лаэг молча ушли в ночь. У дверей замка раздался незнакомый им голос:

"Итак, воин, ты возвращаешься. Это хорошо. Братство сидхе еще не для тебя, и твоя судьба и судьба Фанд лежат далеко друг от друга. Твое могущество не так велико, но оно будет еще больше в грядущие века, в других землях, среди других народов, когда боевая ярость в тебе превратится в мудрость, а гнев - в сострадание. Народы, которые скрыты в недрах времени, будут приветствовать тебя как друга, избавителя и спасителя. Иди и забудь о том, что прошло. Это тоже ты должен забыть. Это не задержится в твоём разуме, но в твоём сердце останется воспоминание, и оно будет побуждать тебя к более благородным поступкам. Прощай, воин, будущий спаситель!"

Пока эти двое шли по освещенному луной берегу, за ними последовали могучие фигуры, и над ними замахали ужасными руками, стирая память.

В комнате, где Фанд лежала с бешено бьющимся сердцем, терзаемая угрызениями совести, был тот, кто наблюдал за ней с божественной жалостью. Маннанан, Золотая Слава, Воплощение Солнца. "Не плачь, о тень; твои дни страсти и боли закончились". В груди ее зазвучала Жалость.

"Восстань, о Рэй, из своего склепа забвения. Дух явился в их древний и незапамятный дом". Она поднялась и выпрямилась. Когда Мантия Маннанан окутала ее, никакие человеческие слова не могли передать любовь, ликование, пафос, дикую страсть самоотдачи, музыку слияния божественной и человеческой жизни. Мы отдаем слабое эхо — так говорила Тень и так говорила Слава.

Тень

Кто ты, о Слава,
В пламени из глубин,
Где звезды поют свою историю,
Зачем тревожишь мой сон?

Я почти не отдыхал,
Теперь мои мечты увядают:
Зачем ты пришел с хохолком
И драгоценными камнями на челе?

Слава

Вставай, Тень, и следуй
Путь, который я укажу;
Синяя мерцающая лощина
Этой ночью мы узнаем,

И поднимемся посреди бескрайних просторов к
Источнику дней;
Откуда мы должны были пройти к
Разделению путей.

Тень

Я знаю тебя, о Слава:
Твои глаза и чело
С белым огнем, все седое
Вернись ко мне сейчас.

Вместе мы странствовали
В незапамятные времена;
Наши мысли, когда мы размышляли
Были звездами на рассвете.

Слава померкла,
Моя лазурь и золото:

Но ты продолжаешь гореть
Древний солнечный огонь.

Мои шаги привязаны к
Вересковой пустоши и камню;
Мои мысли связаны с землей
Ах! оставь меня в покое.

Возвращайся, радость моя,
И не причиняй мне боли,
И не раздражай безумием,
И не приближайся снова.

Слава

Зачем дрожать и рыдать сейчас,
Кому звезды когда-то повиновались?
Выйди сейчас в бездну
И не бойтесь.

Темный зовет,
я знаю, потому что его мечты
Вокруг меня падают
Музыкальными потоками.

Алмаз горит
В глубинах Одиночества
Твой дух возвращается
Может претендовать на свой трон.

На окаймленных пламенем островах
Его печали прекратятся,
Поглощенные тишиной
И утоленные покоем.

Приди, приклони свою бедную голову
Моя грудь, где она светится
любовью, рубиново-красной на
Твое сердце за его горести.

Я отказываюсь от Своей власти:

Тебе это причитается:

Выходи, ибо великолепие

Ждет тебя.

—Конец

—15 ноября 1895- 15 марта 1896

Тень и субстанция

Множество голосов умоляют и предостерегают тех, кто хотел бы жить жизнью Волхвов. Хорошо, что они заговорили. Это голоса мудрых. Но после того, как мы послушали и поразмыслили, о, если бы кто-нибудь поднялся и крикнул в наши души, насколько более пагубно воздерживаться. Ибо нам не хватает услышать сказку о времени, эоническое песнопение, сияющее светом и красками, которое продлевает дух. Предупреждения адресованы не тем, кто остается дома, а тем, кто отправляется в путешествие за границу. Они представляют собой приглашение приобщиться к тайнам. Мы изучаем и думаем, что все это было хорошо в счастливые времена расцвета и будет таковым в последующие годы. Но не только вчера или завтра - сегодня, сегодня горит в сердце огонь, который делал могучими героев древности. И в каком будущем родятся силы, которые не быстры в настоящем? Никогда не будет так легко вступить на путь, хотя у нас вполне может быть стимул к большему отчаянию. Для того и другого есть времена и сезоны, но для высшего это всегда час. Вечная красота не бледнеет оттого, что ее тень стелется по слизи и разложению. Она всегда присутствует под выцветшей плесенью, в которой протекают наши жизни. Все еще манит древнее таинственное мерцание гор и пещер, и золотые отблески разделяются и нисходят на нас из обителей Богов.

Темный век - это наша тьма, а не тьма жизни. Нехорошо для нас, тех, кто в начале пришел с чудесным светом вокруг нас, что он превратился в нас во тьму, песня жизни стала безмолвной. Мы закрываем глаза от многоцветного миража дня и остаемся одни, беззвучные и незрячие, в неосвещенной клетке мозга. Но есть мысли, которые сияют, импульсы, рожденные огнем. И все же бывают моменты, когда тюремный мир рассеивается далекой тенью, а внутренняя камера из глины наполняется огненными видениями. Мы выбираем из традиций прошлого какой-нибудь символ нашего величия и снова кажемся Титанами или Утренними Звездами расцвета. В такой самооценке кроется секрет жизни, путь бегства и возвращения. Мы вообразили себя погруженными в забвение, во тьму, в немощь. О, если бы мы могли пробудиться от этого странного и жалкого сна о жизни и снова познать самих себя.

Но ученик слишком часто обращается к книгам, к словам, присланным ему в ответ, забывая, что лучшие из Священных Писаний служат не более чем символами. Мы слишком много слышим об учебе, как будто жизненную мудрость и этику можно усвоить как ритуал, и об их применении к тому или иному эфемерному занятию. Но от Золотого, дитя божественного, доносится голос к его тени. Он чужой для нашего мира, далекий от наших амбиций, с судьбой, которую здесь не суждено исполнить. В нем говорится: "Ты из праха, в то время как я облачен в переливчатый воздух. Вы живете в глиняных домах, я - в храме, созданном нерукотворно. Я не пойду с тобой, но ты должен пойти со мной". И не только форма божественного отчуждена, но и дух, стоящий за формой. Это истинно называется Целью, но у нее нет конца. Это Утешитель, но он

отмахивается от наших радостей и надежд, подобно ангелу с пылающим мечом. Хотя это и место Упокоения, оно побуждает ко всякой героической борьбе, к отходу, к завоеванию. Это действительно Друг, но он не уступит нашим желаниям. Это то странное, непостижимое "я", которое, как мы думаем, мы познаем и пробуждаем благодаря тому, что написано, или изучая его как множество планов сознания? Но напрасно мы обставляем верхние покои разума таким причудливым убранством мысли. Ни один архангел не устраивает там своего жилища. Они пребывают только в сиянии. Насколько это отличается от академической психологии прошлого с ее сухим перечислением способностей, разума, познания и так далее, - это самое главное, что мы знаем. Мы восстали против этого, но мы должны позаботиться о том, чтобы по-другому не преподавать каталог вещей, столь же неживых для нас. Простая истина заключается в том, что после того, как мы узнали то, чему учат об иерархиях и различных сферах, многие из нас все еще находятся в этом мире именно там, где мы были раньше. Если мы излагаем с трудом добытую информацию, нас слушают с изумлением. Это звучит так заученно, так интеллектуально, что, должно быть, нужны аплодисменты. Но мало-помалу приходит кто-то с тихим голосом, кто без притворства говорит о "душе" и использует знакомые слова, и слушатели выпивают до дна, и аплодируют молчанием, долгими воспоминаниями и продолжительными последующими усилиями. Наша неудача заключается в том, что мы хотели бы использовать силы души, а мы еще не стали душой. Никто, кроме самого мудрого, не смог бы натянуть лук Улисса. Мы не можем сообщить больше истины, чем знаем сами. Лучше иметь немного знаний и знать это немного, чем иметь только слухи о мириадах Богов. Поэтому я говорю, отложите на время свои книги и попробуйте магию мысли. "Каков человек, таков он и есть; это старый секрет". Я произношу, я знаю, лишь частичный голос души со многими потребностями. Но я говорю, забудь на время, что ты студент, забудь свое имя и время. Думайте о себе внутри как о титане, Полубоге, пламенном герое с прекрасным обликом, сердцем, полным любви. И об этих божественных сферах забудьте терминологию; думайте скорее о них как о местах великого детства, в которые вы сейчас возвращаетесь, об этих домах, которые больше не наши. В какой-то момент более полного воображения рожденный мыслью может выйти вперед и взглянуть на древнюю Красоту. Так было в мистериях давным-давно и вполне может быть сегодня. Бедная мертвая тень была погружена в забытый мрак, когда огненная сила, поднимаясь от сердца к голове, вышла наружу в сиянии. Тогда она не успокоилась, да и мы не должны были. Тусклые миры остались позади, огни земли исчезли, когда она приблизилась к высотам Бессмертных. Там был Один, восседающий на троне, Один темный и яркий, исполненный неземной славы. Я встал в приветствии. Сияющая фигура прижалась головой к груди, которая внезапно стала золотистой, и отец и сын исчезли в том, чему нет ни места, ни названия.

—15 января 1896 г.

В связи с кончиной судьи

Я думаю об этом уходе без чувства грусти. Он бы этого не пожелал. Но дрожащей рукой я пытаюсь выразить одну из многих непередаваемых мыслей об ушедшем герое. Задолго до того, как я встретил его, до того, как были прочитаны даже написанные им слова, его имя, подобно заклинанию, всколыхнуло и вызвало какой-то тайный духовный импульс в моем сердце. Нас с ним связывали не поверхностные узы. Никто никогда так не старался добиться от мужчин той приверженности, которая проистекает из впечатляющих манер, как он. Я едва ли задумывался, кто он такой, пока он говорил; но, уходя, я обнаружил, что мое сердце, более мудрое, чем мой разум, отдалось ему; внутренний восторг, длившийся месяцами, свидетельствовал о его силе.

Именно на том памятном съезде в Лондоне два года назад я впервые увидел его истинное величие. Пока он тихо сидел там, один среди многих, не произнося ни слова, меня охватило чувство духовного расширения, непобедимой воли вокруг него, и эта единственная фигура с седой головой стала для меня всей комнатой. Не сказать ли мне правду, что я думаю? Вот герой из далеких, античных, гигантских эпох пришел к нам, одетый лишь внешне в одеяние нашего маленького дня. Мы тоже вышли из того прошлого, но в забвении; к нему вскоре вернулись память и сила. Ему и еще кое-кому мы должны быть невыразимо благодарны за веру, надежду и знания, рожденные заново. Сейчас мы можем сказать, используя слова его ранних лет: "Даже в аду я поднимаю глаза на тех, кто выше меня, и не отрицаю их". Ах, герой, мы знаем, что ты остался бы с нами, если бы это было возможно; но были зажжены огни, которые не скоро погаснут, огни, которые будут яркими, когда ты снова вернешься. Я не испытываю печали, зная, что в Истине нет прощаний: для любого, кто прикоснулся к этому реальному существу, существует товарищество со всеми великими и мудрыми времен. В том, что он снова вернется, нам не нужно сомневаться. Его идеалами были те, которых достигают только Спасители и Избавители народов. Когда или где он может появиться, я не знаю, но я предвижу его приход, когда наша нужда призовет его. Свет будущих эонов, я приветствую, я приветствую тебя!

—15 апреля 1896 г.

Уверенность в себе

Возможно, именно сейчас, когда мы находимся в переходном состоянии, когда старые лидеры исчезли из поля зрения, а новые еще не заняли свое место в авангарде, нам следует задуматься о том, что мы собой представляем. Несколько вопросов, которые мы должны задать себе об этом движении: где были заложены его основы? каковы связующие звенья? где источник силы? каковы двери? Вы отвечаете на первый и говорите "Америка", или вы говорите "Индия". Но если эта старая доктрина об эманациях верна, то это было не на земле, а в небесном мире, где наши бессмертные умы связаны воедино. Там оно родилось, и хорошо родилось, и проросло вниз, в землю, и все наши надежды, усилия и достижения здесь лишь смутно отражают то, что было истинным и совершенным в намерении свыше, соглашении многих сердец спасти поколения, бредущие навстречу своей гибели. Мудрее, сильнее, могущественнее нас были те, кто защищал нас в первые годы; кто ходил среди нас, обновляя память, нашептывая в наши сердца послание о смысле жизни, напоминая о незапамятных стремлениях духа к свободе, знанию, мастерству. Но это наше движение, а не только движение Мастеров. Мы выполняем нашу собственную работу; мы пытаемся претворить в жизнь нашу собственную изначальную волю. Что ж, пусть царственные мудрецы покинут тела, которые были для них мучением и болью. Они взяли их на себя ради нас, и мы можем с благодарностью помахать им на прощание внизу и подумать о невидимых сферах, которые намного богаче своим присутствием, о большем, к чему можно стремиться, большего можно достичь. Я думаю, что там они действительно ближе сердцем и разумом, чем здесь. То, что реально в нас, не может потерять братства с такими, как они, из-за смерти. Все еще вспыхивают огни от души к душе в непрерывном сиянии, в бесконечном зарождении энергии, мысли и воли, в бесконечном возвращении радости, любви и надежды. Я бы предпочел услышать одно их слово в своем сердце, чем тысячу в своих ушах. Я бы предпочел думать о своем проводнике и капитане, воплощенном в пламени, а не в глине. Хотя мы можем смотреть на серьезное, доброе лицо, которого больше нет в живых, магическое влияние, дыхание огня, которое некогда исходило от души к нам, не может прекратиться. В глубине наших сердец мы чувствуем, что тот, кого они называют мертвым, жив, жив во веки веков.

Он заслужил свой покой, глубокий покой, если такие, как он, действительно прекращают трудиться. Что касается нас, мы можем идти своим путем, уверенные, что связи неразрывны. Какие, по-вашему, были связи? Что вы знали кого-то, кто знал Мастеров? Такое присутствие и такой Компаньон действительно были бы помощью, связующим звеном. Но я думаю, что везде, где есть вера в наше трансцендентное существо, в справедливость, наше духовное единство и предназначение, везде, где есть братство, существуют невидимые узы, звенья, сияющие нити, приток божественного и непрерывное общение с ним. Так много всего заложено в нашей собственной природе, недостаточно, чтобы усовершенствовать нас в тайнах, но всегда достаточно, чтобы осветить наш путь, показать нам наш следующий шаг, дать нам силы для исполнения долга. Мы не должны всегда искать помощи извне, помня, что когда-нибудь мы должны быть в состоянии выстоять в одиночку. Давайте не будем отрицать нашу собственную более глубокую сущность, нашу скрытую славу. То, что мы приняли эти истины даже как интуицию, которую не смогли интеллектуально обосновать, является доказательством того, что внутри нас есть то, что было посвящено в прошлом, что живет и хорошо знает, что в темном мире является всего лишь надеждой. Есть часть нас самих, прогресс которой мы не осознаем. Есть поступки, совершенные в незапоминающемся сне, и более глубокая медитация в дальнейшей незарегистрированной тишине сна. Спускаясь от сферы к сфере, Бессмертный прокладывает себе путь во плоти, и душа переживает приключения во сне, в результате которых мудрость не теряется из-за отсутствия здесь памяти. И все же было сказано достаточно, чтобы дать нам подсказку, ключ к прослеживанию потоков силы в обратном направлении к их источнику. Мы просыпаемся на рассвете, и в наших сердцах тоже есть утро, любовь, огненная энергия, магнетическая сладость в крови. Если бы мы могли проследить источник этой бодрящей силы, мы, возможно, обнаружили бы, что, когда мы засыпали, в душе пробудилось какое-то давнее воспоминание, или Мастер вызвал его, или оно было преобразовано волшебной силой "Я" и отправилось на поиски Святого Места. Есть ли у нас здесь проводник или нет, несомненно одно: за спиной и внутри "Отец действует доселе". Воин сражается за нас. Наши мысли - наконечники стрел из его колчана. Он окрыляет их пламенем и побуждает к действию Святым Дыханием. Они не подведут, если мы будем мыслить ясно. Какое это имеет значение, если в тумане мы не видим, куда они наносят удар. И все же от них есть польза. Через некоторое время рассеется туман и откроется чистое поле; сияющие силы будут приветствовать нас как победителей.

Я не сомневаюсь в нашем будущем; не сомневаюсь только в том, что у нас будет проводник и непрерывная череда проводников. Но я думаю, что их задача была бы проще, наш путь был бы менее омрачен унынием и сомнениями, если бы мы доверяли не иерархии существ, какой бы величественной она ни была, а Закону, служителями которого они являются. Их сила, хотя и могущественная, убывает вместе со сжимающейся и расширяющейся природой. Они, как и мы, всего лишь дети в плотных бесконечностях. Я думаю, Мудрецы хотели бы, чтобы каждый из нас сказал нечто подобное: "О Братство Света, хотя я жажду быть с вами, хотя меня поддерживает мысль, что вы позади меня, хотя ваша помощь проложила мне путь, тем не менее, если Закон не позволяет вам действовать от моего имени сегодня, я доверяю Тому, чья любовь, как огненное дыхание, никогда не прекращается; Я прибегаю к ней с ликованием: я радостно полагаюсь на нее". Разве не для того, чтобы указать на ту великую жизнь, старшие братья послали своих посланников, чтобы сказать нам, что именно на это мы должны полагаться, указать нам на более величественные троны, чем те, на которых они восседают? Хорошо быть готовым встретить любой шанс с равным умом; встретить тьму с веселой и дерзкой мыслью, а Свет

приветствовать с благоговением, любовью и радостью. Но сердцем я чувствую, что мы не покинуты. По мере того, как циклы шли своим восходящим путем, вновь появляются героические фигуры рассвета. Некоторые прошли до нас; другие в том же духе и силе последуют за нами: ибо новый день предвещают вновь взошедшее солнце и утренние звезды. Когда оно придет, пусть оно вовремя застанет нас не сонными после проведенной ночи, но бодрствующими, подготовленными выйти из дома сна, протянуть руки к свету, жить и трудиться в радости, имея Богов в качестве наших наставников и друзей.

— 15 мая 1896 г.

Горы

Пока мы живем в четырех стенах, мы почти незаметно теряем часть своей естественности и ведем себя как представители цивилизации, к которой принадлежим. Но мы никогда по-настоящему не чувствовали себя там как дома, хотя детство, возможно, было окутано нежными воспоминаниями о старых комнатах и причудливом саде - местах счастливых бездумных часов. Есть дом, храм, построенный нерукотворно; возможно, мы думали, что это просто хижина, когда впервые построили ее, и смиренно отложили в сторону многие из наших королевских владений, когда вошли, ибо небеса и царство небес не могли вместить всей нашей славы. Но теперь он кажется достаточно обширным, и мы чувствуем себя там как дома, и мы находим места, которые кажутся более доступными для нашей первой жизни. Таковы горы. Когда я лежу здесь, на чудовищной плесени холма, покрытого такой нежной бахромой крошечных зеленых листьев, я кое-что понимаю в его страстном желании, когда он сказал: "Я поднимаю глаза к холмам, откуда приходит моя помощь". О, но воздух сладок, так сладок. Дыхание Земли, что это ты шепчешь? Когда я слушаю, слушаю, я знаю, что это не шепот, а песнопение из глубочайших глубин, голос, приветствующий своих великих спутников в эфирных пространствах, но чьи бесчисленные тона в их бесконечных модуляциях ясно говорят нам и в нашей малости. Наши губы замирают от благоговения; мы не смеем повторить то, что здесь думаем. Эти горы священны в наших кельтских традициях. Обитель тайн, здесь когда-то был дом туата де Данаанс. Мы вздыхаем, думая об ушедшей славе, но с надеждой смотрим на исполнение пророчества, оставленного провидцем другой линии, о том, что в этих горах снова вспыхнут костры друидов. По мере того, как пурпурная амплитуда ночи окутывает их, кажется, что темные холмы уже отбрасывают свои яркие блики; огромные призрачные формы, пастухи нашей расы, толпятся и собираются; разноцветные ветры гоняют свои воздушные потоки туда и сюда. Эри, очаг и дом стольких мистических рас, Остров Судьбы, к тебе еще вернется духовная магия, которая волновала тебя давным-давно. Когда мы спускаемся и возвращаемся к жизни, не к той, к которой мы стремились бы, не к той, которая у нас будет, мы с грустью думаем о боли, страсти, расставаниях, через которые наша раса еще раз вернется к природе, духу и свободе.

Мы в безумии повернули назад с мистических гор,
Покрытых красной пеной и волшебным золотом;
Из сердца сумеречных фонтанов
Зачарованные огни покатались к звездам.

Мы повернули назад, обезумев, — мы думали о завтрашнем дне,
Железный лязг далекого города:
Мы не могли плакать в нашем горьком горе

Но радость, как арктическое солнце, зашла за горизонт.

— 15 мая 1896 г.

Труды и дни

Когда мы были мальчиками, с каким беспокойством мы ждали редкой улыбки на лице учителя, прежде чем предпочли просьбу о каком-нибудь одолжении, отпуске или досрочном освобождении. В этом была мудрость. Когда мы вырастем, мы действуем более или менее сознательно, руководствуясь интуицией относительно времени и места. Друг мой, я не стану приглашать тебя на веселье, когда тебя постигнет горький момент и пламя жизни обратится в пепел в твоём сердце; и все же, каким бы правдивым и заслуживающим доверия я ни был, я не стану доверять тебе, какие внутренние откровения тайн я могу получить, пока ощущаю в тебе сиюминутную внешность. Сердечные дары слишком священны, чтобы их класть перед закрытой дверью. Я знаю, что твоё настроение пройдет, и завтра между нами возникнет эта связь. Я жду, ибо это можно сказать только один раз: я не могу волшебным образом общаться с вами дважды на одну и ту же тему. Я не предлагаю нам быть оппортунистами или формулировать формулу; но чтобы быть умелыми в действии, мы должны работать с приливами и отливами власти и понимать их. Тайна и мрак, темно-синий цвет и сияние звезд, сомнение и беспомощность чередуются с ясностью и сиянием, опаловым небом и солнечным светом, героическим пылом и ликованием власти. Постоянно меняющиеся, призматичные и мимолетные, дни проходят, и секрет перемен здесь ускользает от нас. Я натягиваю тетиву мысли на цель, и она уже исчезает. Я откладываю ствол в сторону, и, пока я не готов, добыча снова проносится мимо. Мы должны искать источник той силы, которая на мгновение изливается в наш мир и преображает его своим очарованием в другом месте.

Нам говорят, что все здесь зависит от движений внутренней сферы; от сфер менее преходящих, которые, в свою очередь, заключены в сферах реального, чьи торжественные движения колесницы снова направляются непреклонной волей Огня. Во всем этом мы участвуем. Это смутное сознание, которое горит в моем мозгу, - это не весь я. Позади меня оно расширяется и устремляется ввысь, к Богу. Я чувствую, что в каком-то другом мире она сияет более чистым светом: в какой-то сфере, более божественной, чем эта, у нее больше дней и более глубокий покой. Этот день внутреннего "я" освещает многие из наших смертных дней; его ночь оставляет многие из них темными. И поэтому Единый расширяющийся Луч живет во многих обликах. Последним из всех пробуждается Само-Царь на заре веков, чей день - это день Брахмы, чей покой - это его покой. Вот ключ к циклическим изменениям, к индивидуальной слабости и могуществу, к мраку одной эпохи и славе другой. Светлые Две недели, Северное Солнце, Свет и Пламя называют дни других сфер, и, странствуя изо дня в день, человек может, наконец, достичь конца своего путешествия. Вы перейдете из быстро вращающихся дня и ночи туда, где струится мистический солнечный свет. Путь лежит через вас самих, и порталы открываются по мере расширения внутреннего дня. Кто здесь есть, кто так или иначе не ощущал ритмичного возвращения света внутри? Мы устали от жизни, сбиты с толку, готовы отказаться от усилий, когда нас почти незаметно настигает перемена; мы больше не сомневаемся, а радостно выполняем свою работу; мы возобновляем сладостное волшебное родство с природой: из сердца, более наполненного любовью, мы думаем и действуем; наши размышления переходят в сияющую чудесную жизнь души; мы трепещем на пороге обширных залов богов, где может быть

услышана их могучая речь, будет видна их лучезарная весть. Они говорят на универсальном языке не только для себя, но и для всех. Что такое поэзия, как не сочетание их собственного тона со звуками, которые мы издаем внизу? Что такое любовь, как не дыхание самого их существа? Каждое их настроение переливается всеми цветами радуги; каждая мысль звучит далеко слышимой мелодией. Так боги разговаривают друг с другом через просторы эфирного света, нарушая божественное молчание словами, которые являются делами. Точно так же они обращаются и к душе. Мистики всех времен пытались выразить это, сравнивая со звоном волшебных колокольчиков, пением зачарованных птиц, звоном серебряных тарелок, органными голосами ветра и воды, слившихся воедино, — но тщетно, тщетно. Возможно, в этом есть опасность, ибо истина реализуется в бытии, а не в восприятии. Боги - это мы сами, неподвластные изменениям времени, которые беспокоят и досаждают нам здесь. Они требуют не обожания, а равной воли, чтобы сознательно связать нас в единстве с самими собой. Ересь отделенности разрывает нас на части в эти восторженные моменты; но когда трепещешь от глубочайшего вдоха, когда безмолвное, невидимое, непостижимое овладевает тобой, думай: "Ты есть Это", и что-то от тебя пребудет в Этом навсегда. Любая мысль, не основанная на этом, - это плетение новых уз, иллюзий, которые труднее разрушить; она порождает только более страстное стремление и боль.

И все же мы должны научиться познавать скрытые пути, использовать светящиеся реки для обмена мыслями. Наши предки-друиды начинали свои магические операции на шестой день новолуния, занимая Две Светлые недели во время наводнения. В эти часы экспансии то, что, как мы думаем, обладает большей силой, большей свободой, большей электрической и проникающей способностью. Мы также обнаруживаем, что, если у нас есть коллеги, которые черпают из общего источника, один и тот же импульс посещает и нас, и их. То, чем обладаешь ты, становится достоянием всех; и здесь между нами возникает нечто вроде того же единства и гармонии, которые всегда существовали между нами в вышних мирах. Пока потоки циркулируют, мы должны следить за тем, чтобы они расходились от нас не менее чистыми, чем пришли. К этому рассвету внутреннего дня в какой-то мере можно отнести внезапное вдохновение движений, подобных тому, что мы ощущаем в последнее время, не все из-за внезапного появления в нашей среде нового посланника, ибо старшие Братья действуют в соответствии с законом и предвидят, когда природа, время и пробуждающиеся души людей помогут им. Теперь многое может быть сделано. На том, кто принимает, осознает и исполняет волю Света в этих пробуждениях, печать и образ божественности устанавливаются более прочно, его мысль более сознательно перерастает в существо правящего бога. И все же, не ища себя, мы можем ухватиться за окончательные истины, ибо тогда то, что мы воспринимаем, мы сохраняем только в мыслях и памяти. Высшее - это движение, дыхание. Мы становимся им только в передаче. Оно во всем, для всех и исходит ко всем. Оно не будет ограничено в узком бассейне, но через дарующего оно свободно течет. Есть неисчислимые толпы тех, кто ждет этого дара. Можем ли мы допустить, чтобы этот древнейший свет, который снова возвращается к нам, ощущался ими только как смутная эмоция, небольшой покой неопределенной продолжительности, мимолетная сладость сердца? Разве мы не можем сделать что-нибудь, чтобы развеять скорбь мира? Братья мои, настало время благоприятных возможностей. Один день в длинной череде бесконечных дней забрезжил для нашей расы, и зарытые сокровищницы в недрах бездны были открыты, чтобы наделить ее большим количеством света, наполнить ее большей силой. Божественные подвижники стоят с зажженными факелами перед храмом мудрости. Те, кто находится рядом с ними, зажгли огонь и предлагают нам, в свою

очередь, зажечь факел, пылающий факел души. Давайте примем дар и передадим его дальше, указав на главных дарителей. Со временем мы увидим, как нетерпеливые расы людей отправляются в свое паломничество к возвращению и встают лицом к свету. Так в мистическом прошлом зов света был виден на священных холмах; лучи распространялись и собирались; и, возвращаясь с ними, посвященные дети были погребены в Пламени Отца.

—15 июня 1896 г.

Детство Аполлона

Это было давно, так давно, что только дух земли помнит по-настоящему. Старый пастух Титоний сидел перед дверью своей хижины, ожидая возвращения внука. Сонными глазами он наблюдал за приближением вечера, за тем, как леса и горы темнеют над островами - островами древней Греции. Это была Греция до своего расцвета, и день никогда не был прекраснее. Облачные соцветия дыма, поднимающиеся над долиной, некоторое время искрились высоко в залитом солнцем воздухе, смутное напоминание о мире людей внизу. От этого тоже исчез цвет, и засияли те другие огни, которые для некоторых являются единственным светом дня. Небеса низко нависали над горами и серебристыми морями, словно огромное лицо, сосредоточенно размышляющее; в его глубинах было очарование, тайна и живое движение, присутствие всепроникающего Зевса, окутывающего своих звездных детей темным сиянием эфира.

- Ах! - пробормотал старик, глядя вверх. - Когда-то оно было живым; когда-то оно говорило со мной. Оно говорит не сейчас, но оно обращается к другим, которых я знаю, — к ребенку, который смотрит, тоскует и дрожит в росистую ночь. Почему он медлит сейчас? Он вышел из своего часа. А, вот и его шаги!"

По долине шел мальчик, погоняя серые стада, которые падали перед ним в темноте. Он поднял свое юное лицо, чтобы пастух поцеловал его. Оно светилось экстазом. Титоний посмотрел на него с удивлением. Светло-золотые и серебристые лучи окружали его со всех сторон, так что его нежная неземная красота казалась заключенной в звезду, которая следовала за его танцующими шагами.

- Какие у тебя блестящие глаза! - сказал старик, дрогнув от внезапного благоговения. "Почему твои белые конечности сияют в свете лунного пламени?"

"О, отец, - сказал мальчик Аполлон, - я рад, потому что сегодня вечером все живет. Вечер - это голос, и много голосов. Пока стаи паслись, ночь собралась вокруг меня: я видел внутри нее, и она жила повсюду; и все вместе, ветер с тускло развевающимися прядями, аромат, благоговения и тайно падающая роса, смешались в одном теплом дыхании. Они шептались со мной и называли меня "Дитя звезд", "Сердце Росы" и "Огненная Душа". О, отец, когда я поднимался по долине, голоса сопровождали меня песней; все шептало о любви; даже нарциссы, кивающие в оливковом сумраке, золотились у моих ног, и цветок в моем сердце знал о тихой сладостной тайне цветов. Слушайте, слушайте!"

В ночи раздавались голоса, голоса, подобные нисходящим лучам звезд.

"Теперь полуночное дерево-крыша распускает лимонные, зеленые и голубые почки:

Издалеко доносятся его мистические ароматы,
Дитя, за твой счет".

Затем другие сладкоголосые из-под земли, из далеких вод и воздуха последовали за ними с благословением, и последний голос, подобный шепоту вселенской Природы:

"Теперь погребенные звезды под горами
И долинами возобновляют свою жизнь,
Разбрызгивая радужные цветы из крошечных фонтанов,
Дитя, для тебя.

"Как в наших тихих водах проплывают
Солнце, луна и звезды, на которые мы смотрим,
Так и красота жизни застекленела,
Ребенок в тебе.

"В алмазном воздухе солнечная звезда, сияющая
своим оперенным сиянием;
Вся драгоценная слава там струилась,
Дитя, для тебя.

"И божественный огонь во всем горящем
заново тоскует по дому и покою,
Возвращаясь Из своих далеких странствий,
Для тебя, дитя мое".

"О, голоса, голоса, - воскликнула девочка, - я не знаю, что вы говорите, но я отвечаю любовью на любовь. Отец, что они мне говорят? Они окружают меня светом, и я далеко, хотя и держу тебя за руку".

- Боги рядом с нами. Небо сливается с землей, - дрожа, сказал Титоний. - Пойдем в Диотиму. Она поумнела, много лет размышляя о том, где большие пещеры ведут в подземный мир. Она видит ярких людей, когда они проходят мимо того места, где она сидит с закрытыми глазами, ее сонные губы что-то бормочут, как сама природа".

В ту ночь остров казался больше не землей, утопающей в море, а музыкой, окруженной тишиной. Деревья, давно погрузившиеся в древний сон, пульсировали богатой жизнью; сквозь мерцающую кору и поникшие листья свет падал на старика и мальчика, когда они проходили мимо, и смутные фигуры кивали им. Это были души гамадриад леса. Они купались в нежных красках и мерцающих огнях, окутывающих их от корней до листьев. Шепот исходил из сердца каждого, тихое очарование дышало радостью и покоем. Он рос и набухал, пока, наконец, не стало казаться, что через мириады трубок дух земли выводит свою волшебную творческую песню.

Они нашли пещеру Диотимы, увитую виноградными лозами и спутанными сетками, в конце острова, где темно-зеленый лес поднимался из воды. Титоний остановился, ибо боялся этой таинственной пророчицы; но внутренний голос позвал их: "Входите, дитя света; входите, старый пастух, я знаю, почему вы ищете меня!" Они вошли, Титоний дрожал от страха сильнее, чем раньше. В углублении пещеры пылал огонь, и возле него сидела величественная фигура в пурпурном одеянии. Она наклонилась вперед, подперев лицо рукой, ее горящие глаза были устремлены на незваных гостей.

"Иди сюда, дитя", - сказала она, взяв мальчика за руки и заглядывая ему в лицо. "Итак, это хрупкое тело должно стать домом бога. Боги делают мудрый выбор. Они не выбирают ни дикого воина, ни могучего героя своим посланником к людям, но венчают эту нежную голову. Скажи мне — тебе снится - видел ли ты когда-нибудь солнечный свет, падающий на тебя во сне? Нет, но посмотри сейчас; посмотри вверх." Говоря это, она взмахнула над ним руками, и пещера с ее темным сводом, казалось, растаяла, и за небесами простирались темные небеса небес в чистом спокойствии, тишине, которая была самой тишиной бытия. В одно мгновение оно исчезло, и в зените вспыхнул чудесный свет. "Посмотри теперь, - воскликнула Диотима, - на Древнюю Красоту! Посмотри, как раскрываются его лепестки и что выходит из его сердцевины!" Огромное и сияющее дыхание, изменчивое и переливчатое, распространилось между небом и землей, и из него медленно спустилась сияющая форма, подобная форме бога. Оно приблизилось, излучая свет, чистый, прекрасный, подобный звезде. Оно на мгновение остановилось рядом с ребенком и положило руку ему на голову, а затем исчезло. Старый пастух в благоговейном страхе пал ниц, в то время как мальчик стоял, затаив дыхание, зачарованный.

"Теперь иди, - сказала Сивилла, - я ничему не могу научить тебя. Сама Природа будет обожать тебя и петь через тебя свою самую прекрасную песню. Но, ах, свет, который вы приветствуете в радости, вы передадите в слезах. Так из века в век вечная Красота склоняется среди печалей, чтобы дети человеческие не могли забыть ее, чтобы их страдания могли преобразиться, пронизанные ее огнем".

—15 ноября 1896 г.

Пробуждение огней

Когда сумерки опускаются на горы, над
Раскрываются волшебные огни земли,
И над холмами зачарованно парят
гигантские герои и боги древности:
Птица эфира со своими пылающими крыльями
Колышется над землей всю ночь напролет:
Звезды опускаются в своих голубых владениях
, Чтобы вместе спеть свою хоровую песню:
Дитя земли в своем сердце горит,
Сходя с ума от ночи и глубокой неизвестности;
Его чуждое пламя, возвращающееся во сне,
Восседает на древнем троне.
Когда над горами сгустились сумерки

И наступила ночь с ее миллионами звезд,
Мне тоже снились сны; мысли, которые я высказал.
Исходи из моего сердца, которого коснулось пламя

Я думал о попытках, предпринимавшихся раз за разом, чтобы завоевать нашу свободу; о том, как неудача следовала за неудачей, пока, наконец, не стало казаться, что мы должны написать над памятником герою и вождю нашего дела слова о воинах древности: "Они шли на битву, но всегда пали"; и мне казалось, что эти усилия привели к неудаче, потому что выдвинутые идеалы не входили в план природы для нас; что не в нашей судьбе было пытаться создать цивилизацию, подобную той, что существует в других странах. Хотя призыв к национальности всегда звучит в наших ушах, приведенное здесь слово для большинства не воплощает никакой другой надежды, кроме этой, что мы, когда будем свободны, сможем с большей энергией приступить к занятиям, уже принятым народами других стран. Наши лидеры не установили более благородных стандартов, чем у них, и мы, которые как раса являемся жалкой надеждой идеализма в Европе, день ото дня погружаемся в апатию и забываем, каким было наше прошлое и какая судьба ожидает нас, если мы только воспримем это. Несмотря на столь древние традиции, сегодняшняя Ирландия - дитя среди народов мира; и какое дитя, и с какой долей гениальности в ней! В нем есть все суеверия, робость и отсутствие суждений, необдуманное безрассудство детства, но в сочетании с каким великодушием и преданностью, с какой непостижимой любовью к его героям. Кто может забыть тот памятный день, когда был похоронен последний великий вождь? Он не был пророком нашего духовного будущего; он не был героем наших высочайших идеалов; но он был единственным героем, которого мы знали. Сам воздух был пронизан рыданиями и страстью невыразимого сожаления. Ах, Эри, в других землях есть сила, разум и огромная кульминация упорядоченной власти, но только в тебе есть такая любовь, которую может почувствовать большое детское сердце. Именно это заставляет всех твоих изгнанников обращаться с тоскливыми мыслями к тебе.

Прежде чем попытаться указать ей направление для будущего, угаданное из размышлений о далеком прошлом и прикосновения к тайным пружинам в сердце настоящего, возможно, это будущее покажется более доступным, если я укажу на то, чего мы избежали, а также покажу, что у нас уже есть свобода, которая, хотя и наполовину осознанная, все же является нашим самым драгоценным наследием. Мы еще не вовлечены в социальный узел, который может разрубить только красная революция: наша человечность, древний дар природы нам, все еще свежа в наших жилах: наша сила - это не просто отзвук прошлого, неизбежный импульс, начавшийся давным-давно, но она свободна для новой жизни, чтобы делать с ней то, что мы пожелаем в грядущее время.

Я знаю, что есть те, кто сожалеет об этом, кто связывает национальное величие с шумом множества колес, дымом фабрик и большими дивидендами; а другие, опять же, желают, чтобы наши простые умы были озарены культурой и мудростью наших соседей. Но я поднимаю стандарт идеализма, чтобы опробовать с его помощью все, каждый обычай, каждую мысль, прежде чем мы сделаем их своими, и каждое чувство, прежде чем оно найдет место в наших сердцах. Действительно ли эти социальные и ментальные условия, к которым некоторые хотели бы, чтобы мы стремились, так достойны восхищения, как нас уверяют? Стоят ли они того, чтобы их иметь вообще? Что можно сказать о лучших проявлениях героизма в человеке; как это проявляется? Его духовность, красота и нежность - возвращены ли они в современных

цивилизациях? Я говорю, что если на подобные вопросы, касающиеся внутренней жизни, в которой заключается истинное величие наций, нельзя дать удовлетворительного ответа, то наш долг продолжать нашу борьбу, оставаться в стороне, чтобы, приняв иллюзорное процветание, мы не закрылись от наших примитивных источников власти. Ибо этот дух современности, с которым мы так мало соприкасаемся, имеет тенденцию уводить человека все дальше и дальше от природы. Она больше не является для него Великой Матерью, которую так благоговейно называли давным-давно, а всего лишь дополнением к его жизни, отдаленным поставщиком его потребностей. Что для среднестатистического городского жителя такое звезды, небо и горы? Они не приносят ему ни дивидендов, ни заработной платы. В самом деле, почему он должен заботиться о них? И больше не заботится о природе, что удивительного в том, что природа покидает его. Она отомстила, ибо с какой бы точки зрения идеализма ни рассматривался средний человек, он всего лишь пигмеец. Для него нет ни "до", ни "после". В своей материальной жизни он забыл или никогда не слышал о героических традициях своей расы, об их стремлении к богоподобному состоянию. Интересно, что произойдет с ним, когда смерть уведет его из великой видимой жизни в одиночество среди звезд. К какому очагу или дому убежит тот, кто при жизни никогда не приподнимал завесу природы и не видел, как она трепещет от скрытого великолепия перед его глазами? Святое Дыхание прошлого больше не общается с ним, и если он не обращает внимания на эти вещи, то, хотя тысячи рабочих называют его мастером, внутри он банкрот, его имущество конфисковано, жалкая тень, изгнанник из Царства Света.

Мы также видим, что по мере того, как проходит эпоха за эпохой, наполненной только банальностями, те, кто являются поэтами и учителями, колеблются и теряют веру: они больше не говорят о человеке божественных вещей, которые говорили поэты древности. Возможно, исключительно респектабельность людей, к которым они обращаются, удерживает их от заявлений, которые в некоторых отношениях можно было бы считать клеветническими. Но по какой бы причине, из-за недостатка сердца или веры, у них нет настоящего вдохновения. Европейская литература оказала весьма незначительное влияние на кельтов этого острова. Его философия и революционные идеи остановили свои волны у его берегов: у них не было для него никакого послания для интерпретации, никакой мощной электрической мысли, способной осветить тайну его натуры. Ибо тайна кельта - это тайна Амергина-Друида. Вся природа говорит его устами. Он ее любимец, поверенный ее секретов. Ее горы были для него больше, чем чувство. Она открыла их ему как дом для своих ярких детей, ее герои стали бессмертными. Для него ее ручьи пульсируют волшебной жизнью, а дневной свет когда-то был наполнен еще большим воздушным радужным чудом. Хотя прошли тысячи лет с тех пор, как эта таинственная страна друидов достигла своего расцвета, и прошли долгие столетия с тех пор, как плачущие провидцы увидели, как огни исчезают с гор и долин, все же этот союз души человека и души природы более или менее явно характеризует жителей этого острова. Мысль, создаваемая в сложных цивилизациях и для них, недостаточно насыщена для них необъятным, недостаточно взволнована этим неосознанным дыханием другой природы. До недавних лет у нас здесь было очень мало туземной литературы, достойной этого названия, и она еще не стала популярной, но на протяжении всех этих столетий кельт сохранял в своем сердце некоторую близость к могущественным существам, правящим в незримом, когда-то столь очевидную для героических рас, которые предшествовали ему. Его легенды и волшебные сказки соединили его душу с внутренней жизнью воздуха, воды и земли, а они, в свою очередь, сохранили сладость в его сердце благодаря скрытому влиянию. Было бы грустно думать, что весь этот прекрасный

фольклор медленно исчезает из памяти, которая хранила его так долго, если бы не вера в то, что бдительные силы, способствовавшие его сохранению, ослабили свою заботу, потому что ночь с прекрасными снами и делами, совершенными только в воображении, проходит: наступает день с прекрасной реальностью, с героями и подвигами.

Возможно, пророчествовать нехорошо, но всегда позволительно говорить о наших надеждах. Если день всего лишь копирует день, не можем ли мы надеяться, что для Ирландии, после ее долгого цикла ночей, наступит еще одно сияние, озарявшее ее в древности, которое традиция рисует в таких мистических красках? В чем заключалось таинственное очарование эпохи друидов? Что означали огни в горах, радужное сияние воздуха, волшебная жизнь в воде и земле, но то, что Сияние Божества сияло сквозь наш призрачный мир, что оно смешивалось с известными нам формами и воспринималось вместе с ними? Там он извергал свои фонтаны животворящего огня, волшебные фонтаны из сказок, и дети земли, вдыхавшие эту богатую жизнь, чувствовали прилив бессмертной энергии внутри себя; и так питаемые, возникли расы Данаан, люди, которые волей и этим волшебным дыханием сделали себя богами. Правители земли, воздуха и огня, их память величественно вырисовывается в облачных историях нашего рассвета, и когда мы думаем об этой великолепной силе прошлого, что-то вскакивает в сердце, подтверждая, что это правда, несмотря на все ее чудеса.

Эта идея расширения человека до божественности, которая содержится в высшем учении каждой расы, также сияла подобно звезде на заре нашей кельтской истории. Герой за героем уносятся прочь голосом, доносящимся из страны вечной юности, который является всего лишь именем души земли, чародейки и матери всего сущего. Там, как хранители расы, они распространили свое влияние на остров; от них произошло все, что было лучшего и благороднейшего в нашем прошлом, и пусть никто не думает иначе, как о том, что это было благородно. Оставляя в стороне это мистическое чувство единения с другим миром и рассматривая только рассказы о битвах, когда мы читаем о героях, чьи рыцарские обеты запрещали использовать хитрости на войне, и все, кроме равной борьбы с равными по возможностям; когда мы слышим о почтении к правде среди фианнцев: "Мы, фианны Эрина, никогда не лгали, нам никогда не приписывали лжи" — почтение к правде зашло так далеко, что они не могли поверить, что их враги вообще могут говорить неправду — я говорю, что в эти дни, когда наша общественная жизнь наполнена клеветы и недостойные обвинения, мы могли бы поступить хуже, чем вернуться к идеальному язычеству прошлого и усвоить несколько уроков благородного доверия и ту истину, что только величие души гарантирует окончательную победу нам, тем, кто живет, движется и пребывает в жизни Бога.

Надеясь на такой другой день, я, конечно, не имею в виду обновление древнего порядка, а скорее ожидаю возвращения того же света, который был проявлен в прошлом. Ибо так вечная Красота время от времени всплывает в памяти человека, витая над народами, как в древнем арийском сердце, наполняя жизнь и мысль солнечным ощущением всепроникающего Божества, или как в Греции, где ее мириады лучей, каждый из которых является интуицией красоты, снизошли и поселились не только в поэте, мудреце и скульпторе, но и в общем существе народа. То, что в литературе было названо кельтским возрождением, является одним из наименьших признаков. Гораздо большее значение имеет количество странных, мечтательных детей, которых встречаешь, чьи сердца устремлены в другое место, и молодых людей, которые любят размышлять о прошлом, о котором я говорю, для них это целый мир. У настоящего нет голоса, чтобы истолковать их сны и видения, восторженное одиночество на

горе или берегу, или то, что они чувствуют, когда лежат, тесно прижавшись к груди земли, обезумев от тоски по старым радостям, пламенному общению духа с духом, которое когда-то было привилегией человека. Какой-то голос, не провозглашающий пустой политической пропаганды, может призвать их к реальности: какой-то идеал героической жизни может привести их к служению себе подобным, и никто не может служить миру лучше, чем те, кто от великих мечтаний переходит к их осуществлению с ликованием: кто привносит в труд любовь, мужество, неугасимую надежду, которыми обладают только те, кто погрузился в скрытую природу и нашел ее милой сердцу.

Итак, этот остров, когда-то называвшийся Священным Островом, а также Островом Судьбы, может обрести предназначение, достойное исполнения: не быть мелкой крестьянской республикой и не миниатюрным дубликатом в жизни и целях великих материальных империй, но чтобы его дети в своей вере, которая никогда не подводила, могли осознать эту извечную истину о сокровенной божественности человека и, выражая ее, могли пролить свет на каждую землю. Теперь, хотя великая литература и великая мысль могут быть частью нашего будущего, они не должны быть существенной частью нашего идеала. Как в нашем прошлом барды уступали героям, так и в любом национальном идеале, достойном этого названия, все должно уступать в своих надеждах, богатстве, литературе, искусстве, во всем перед самым мужеством. Если наша человечность подводит нас или мы деградируем, то какую ценность представляют остальные? Какая польза была бы вам или мне, если бы наши корабли бороздили все моря, а наше богатство соперничало с античным индостаном, если бы мы сами не изменились, не имели больше царственного восприятия жизни и того ошеломляющего величия души, безразличной, обитает ли она во дворце или в коттедже?

Если интуиции это непонятно, то есть мировой опыт и пример многих народов. Давайте возьмем самое высокое и рассмотрим, что тысячелетняя империя принесла Англии. Богатство, не имеющее аналогов, но за счет чего! Любящий себе подобных, должно быть, чувствует, как нож входит ему в сердце, когда он смотрит на эти черные центры хваленного процветания, на фабрики, дым и шахты, на засушливую жизнь и духовную смерть. Вы называете эти жалкие мириады человечеством? Мы смотрим на этих людей с отчаянием и жалостью. Где древний образ божественности на лице человека: где в сердце человека побуждение божественного? Снаружи нет ничего, кроме неиссякаемой энергии; внутри ночь, ужасная, как ад. Это единственный путь для нас, как для народа? Природа должна быть потеряна; красота должна быть поглощена? Корона и скипетр были отняты у нас в прошлом, наш путь был усеян печалью, но дух не будет взят, пока он не станет подобен глине, и человек забудет, что он был рожден в божественном, и не услышит больше зова великой глубины своего сердца, когда он склонится в прах в своих горьких трудах. Сводит с ума мысль, что так должно быть всегда, с нами и с ними, и что человек бессмертный, человек божественный должен все глубже и глубже погружаться в ночь и невежество и знать о себе не больше, чем проблески в утомительных промежутках долгой рутины.

Здесь у нас есть надежда, что природа привлекает многих своим былым очарованием, и все еще существует древняя любовь к герою. В стране, где так много почти безнадежных дел нашли верных приверженцев, где было так много преданности и жертв, где бедность стала еще беднее ради лидера и дела, не можем ли мы надеяться, что, когда к людям обратятся с призывом следовать еще более высоким идеалам, они откажутся от низшего ради высшего, что они не отнесут идеализм только к поэтам, но что он поселится в общественном сознании как частное

сердце и сделает невозможным любое начинание нации, несовместимое с достоинством и красотой жизни? Мне кажется, что здесь задача учителя и писателя состоит прежде всего в том, чтобы представить образы и идеалы божественной человечности людям, чьи настоящие боги всегда были их героями. Эти титанические фигуры, Кукулен, Финн, Оскар, Ойсин, Каолте, в которых сочетались мягкость и огонь, на протяжении многих поколений внушали ту спонтанную любовь, которая является единственным истинным поклонением, оказываемым мужчинами. Именно из-за этой глубокой и долговременной любви к героям, которую следует рассматривать как предсказание будущего, я заявляю, что истинным идеалом и предназначением кельтов на этом острове является зарождение человечества, чьи желания и видения вознесутся над безграничной землей в божественную природу, кто возродит для мира надежду, красоту, волшебство, чудо, которые привлекут погребенные звезды, являющиеся душами людей, на их родной небосвод духовного света и стихийной силы.

Для героя с нами есть широкие возможности и потребность. Существуют призраки низменных надежд, смертоносное влияние огромной материальной цивилизации, донесшееся до нас из-за морей, с которым необходимо покончить. О, если бы можно было выразить протест до того, как это станет еще труднее, до того, как наша дикая, прекрасная земля будет рассматриваться только как приманка для вытягивания денег из туристов-кокни, а незапамятные традиции вокруг наших священных холмов будут иметь ценность только для рекламы последнего отеля. И все же предотвратить опасности, возникающие из-за внешних причин, - это всего лишь незначительная задача по сравнению с преодолением препятствий, уже существующих внутри. Есть один, который должен быть устранен любой ценой, хотя герой вполне может стать мучеником в этой попытке. Это трудность, сила которой кроется в одной из самых добродетелей народа - в его почтении к религии. Само по себе это очень хорошо. Но плохо, когда природа этой религии позволяет ее священникам отклонять людей от их естественного выбора героя и дела угрозой духовных ужасов. Я говорю, что там, где это происходит в какой-либо степени, как у нас, это не та земля, о которой свободный человек может думать с гордостью. Это не то место, где любитель свободы может отдохнуть, но он должен проводить бессонные ночи, должен размышлять, строить планы, должен ждать, чтобы нанести удар. К нашему стыду, следует сказать, что мысли о свободе здесь не придают никакого более благородного значения. Свобода говорить о том, какие надежды и идеалы у нас могут быть; открыто действовать по своему усмотрению; предоставлять эту свободу другим — в этой свободе нам отказывают. Но слишком много мест, где открыто расходиться со священником в политике - значит провоцировать драку, где выступать так, как здесь, с бесстрашием печати - значит подвергать опасности жизнь. С каким презрением слышишь стремление к общественной свободе из уст, которые в ужасе сжимаются у собственного очага! Пусть свобода возникнет там, где это возможно, в сердцах людей, в их мыслях, в разговорах между теми и другими, и тогда боги не сочтут нас недостойными дальнейшего влияния на нашу национальную жизнь. Я хотел бы, чтобы здесь были представители непокорного духа старого воинственного племени, на самом деле не для того, чтобы провоцировать вражду между человеком и человеком или расой и родом, а скорее для того, чтобы мы могли быть бесстрашными в духе того, кто сказал: "Я воюю не против плоти и крови, но против княжеств и сил" — и против влияний, которые сковывают прогресс, против железного материализма, в котором красота жизни погибает, давайте восстанем, давайте воевать вечно.

Но при всем этом я, как и другие, внимательно наблюдавшие за признаками пробуждающейся жизни, не сомневаюсь, что все это пройдет по мере того, как высшие потенции проявятся и

побудят к действию. Порыв земного дыхания уже начинает наполнять восторгом нашу островную расу и возвышать их ощущением силы; и благодаря этой силе иногда вспыхивает слава, духовное сияние, которое будет нашим в будущем, если старому пророчеству можно доверять и наши сердца подскажут нам истину. То тут, то там какой-нибудь увлеченный мечтатель, более погруженный в себя, чем остальные, видит, что Тир-на-ноге не был сказкой, но все еще находится вокруг него во всей своей мистической красоте навеки. Зеленые холмы оживают от мимолетных звездных детей, выполняющих свои сумеречные поручения от богов к людям. Когда сердце откроется, чтобы принять их, и узы, которые связывают нас с невидимой природой, будут ощутимы, наш день начнется, и огни пробудятся, наш остров снова станет Священным Островом, а наши великие - дающими свет человечеству, не провозглашающими ничего нового, а лишь еще одним подтверждением старых—престарых истин; ибо что такое вся мудрость, где бы она ни была произнесена, будь то в прошлом или сегодня, как не Единая Жизнь, Единое Дыхание, воспевающее свои бесчисленные тона мысли, радости и любви в сердце человека, единый голос на протяжении мириад лет, чье вечное послание - это это - вы по своей природе бессмертны, и вы можете быть, если пожелаете, божественны.

—15 января, 15 февраля 1897 г.

Наши Тайные Связи

Наша глубочайшая жизнь - это когда мы одни. Мы думаем наиболее искренне, любим больше всего, когда изолированы от внешнего мира в той мистической бездне, которую мы называем душой. Ничто внешнее не может сравниться с полнотой этих мгновений. Мы можем сидеть в голубых сумерках с другом, или склонившись у очага, разговаривая полупшепотом, или в тишине, наполненной любовными мыслями, понятными обоим; тогда мы можем чувствовать себя счастливыми и умиротворенными, но это только потому, что нас убаюкивает видимость более глубокой близости. Когда мы думаем о друге и любимый человек приближается, мы иногда чувствуем наполовину боль, потому что в нашем одиночестве мы коснулись чего-то, чего не касалось живое присутствие; мы кажемся еще более отчужденными и готовы воскликнуть— "Только в глубине моего сердца я люблю тебя, сладчайшее сердце; не призывай меня отсюда; я больше не дух, если покину свой трон". Но эти настроения, хотя и озаренные интуицией истины, слишком пристрастны, они слишком принадлежат сумеркам сердца, у них слишком мечтательный характер, чтобы сослужить нам хорошую службу в жизни. Нам следовало бы скорее пожелать нашим мыслям прямоты, присущей посланникам богов, быстрым, прекрасным, сверкающим существам, стремящимся к хорошо понятным целям.

Что нам нужно, так это чтобы эта внутренняя нежность переросла в прозорливость, чтобы то, что в большинстве своем является лишь тоской или слепой любовью, ясно видело свой путь, надежду и цель. С этой целью мы должны более пристально наблюдать за природой внутренней жизни. Мы действительно обнаруживаем, что это вовсе не одиночество, а скопление множества существ: вместо того, чтобы быть в одиночестве, мы находимся на переполненных магистралях существования. Для нашего руководства при входе сюда было произнесено много слов предупреждения, изложены законы и описаны существа, полные чуда, ужаса и красоты. И все же в нас есть дух, более глубокий, чем наше интеллектуальное существо, о котором я думаю как о Герое в человеке, который чувствует благородство своего места посреди всего этого и который хотел бы сравнить величие восприятия с не менее великими поступками. Усталость и чувство тщетности, которые часто наваливаются на мистика после долгих раздумий, я думаю,

объясняются тем, что здесь у него есть обязанности, требующие более длительного терпения, точно так же, как внутренняя жизнь намного обширнее и интенсивнее, чем та, которую он оставил позади.

Итак, обязанности, которые может взять на себя душа, - это именно те, которые она чувствует себя наиболее неподходящими для выполнения, действуя как воплощенное существо. Что нужно сделать, чтобы утихомирить крик сердца мира: как ответить на немой призыв о помощи, который мы так часто угадываем в смеющихся глазах? Печальнее печали думать, что жалость, у которой нет рук, чтобы исцелять, что любовь, у которой нет голоса, чтобы говорить, должны беспомощно нагромождать свою боль на боль, пока земля будет терпеть. Но есть правда о горе, которая, я думаю, может заставить его казаться не таким безнадежным. Барьеров меньше, чем мы думаем: на самом деле существует внутренний союз между душой, которая жаждет отдавать, и душой, которая нуждается. Природа хорошо позаботилась о том, чтобы ни один золотой лучик всех наших мыслей не пронесся неэффективно сквозь тьму; ни одна капля волшебных эликсиров *love distills'*а была потрачена впустую. Давайте подумаем, как это может быть. Почти у всех нас есть привычка: мы часто сочиняем в уме маленькие истории, выражая любовь и жалость к созданным нами воображаемым существам. Но я пришел к мысли, что многие из них не вымышлены, что где-то в мире существа думают, любят, страдают именно таким образом, а мы просто исправляемся и заново проживаем в своей жизни историю другой жизни. Иногда эти далекие близкие обретают такие живые очертания, они так приближаются в своем призыве к сочувствию, что картины становятся незабываемыми, и чем больше я размышляю над ними, тем больше мне кажется, что они часто передают реальную потребность какой-то души, чей крик о утешении разнесся по просторам, возможно, чтобы встретить ответ, возможно, чтобы услышать только тишину. Приведу пример. Я вижу ребенка, любопытное, хрупкое маленькое создание, сидящее на пороге дома. Это переулок в каком-то большом городе; вечерний мрак, небо затянуто дымкой; я вижу ребенка, склонившегося над тропинкой; он собирает золу и раскладывает ее, и, подходя ближе, по мере того, как я размышляю, я начинаю осознавать, что он выкладывает неровными линиями стены дома, особняка своей мечты. Здесь вдоль тротуара расположены большие комнаты, предназначенные для его друзей, и крошечная комната в центре, его собственная. Так играет его мысль. Как раз в этот момент я мельком замечаю вельветовые брюки проходящего мимо рабочего, и тяжелый ботинок раздавливает золу. Я чувствую боль в сердце ребенка, когда он отшатывается, его маленький, освещенный любовью домик мечты грубо разрушен. Ах, бедное дитя, возводящее Прекрасный Город из горстки пепла, но более близкий, более верный по замыслу, чем многие величественные, богатые золотом дворцы, воздвигнутые принцами, ты не была забыта тем могучим духом, который переживает падение империй, чей дом был во многих разрушенных сердцах. Несомненно, именно для того, чтобы принести утешение сердцам, подобным твоему, Будда предписал эту самую благородную из всех медитаций. "Он позволяет своему разуму наполнить одну четверть мира мыслями о Любви, и так во вторую, и так в третью, и так в четвертую. И таким образом, весь огромный мир, вверху, внизу, вокруг и повсюду, он продолжает наполнять сердце Любовью, достигшей далеко идущих масштабов, ставшей великой и безмерной".

Любовь, хотя и само волшебное дыхание жизни, сама по себе и передаваемая таким образом, должна обладать поддерживающей силой, в чем некоторые могут усомниться, но не те, кто почувствовал, как солнечный свет падает от далеких демонов, которые думают о них; но, чтобы прояснить, как, на мой взгляд, это действует, я говорю, что любовь, Эрос, - это существо. Это

больше, чем сила души, хотя и это тоже так; у нее есть своя вселенская жизнь, и точно так же, как темные вздымающиеся воды не знают, какие драгоценные огни они отражают с ослепительным сиянием, так и душа, частично впитывающая и чувствующая в себе луч Эроса, не знает, что часто часть ее природы, более близкая к солнцу любви, сияет ярким светом для других глаз, отличных от ее собственных. Многие люди движутся, не сознавая своего завоеванного очарования, не подозревая о красоте и силе, которые, как кажется окружающим, они передают. Это некое прошлое достижение души, драгоценный камень, завоеванный в какой-то старой битве, которую она, возможно, забыла, но, тем не менее, он сияет на ее тиаре, а звездное пламя вдохновляет других на надежду и победу.

Если здесь верно, что многие оказывают духовное влияние, о котором они не подозревают, то это еще более верно для внутренних сфер. Как только душа достигает какого-либо обладания, такого как любовь, или настойчивая воля, или вера, или сила мысли, она вступает в психический контакт с другими людьми, которые борются за эти самые силы. Достижение любого из них означает, что душа способна поглощать и излучать некоторые из более божественных элементов бытия. Душа может осознавать или не осознавать положение, в которое она попала, и свои новые обязанности, но все же этот Живой Свет, найдя путь в существо любого отдельного человека, не останавливается там, а посылает свои лучи и распространяет свое влияние все дальше и дальше, чтобы осветить тьму другой природы. Так получается, что существуют узы, которые связывают нас с людьми, отличными от тех, кого мы встречаем в нашей повседневной жизни. Я думаю, что это более реальные узы, которые важнее понимать, потому что, если мы позволим нашей лампе погаснуть, кто-то далеко отсюда, кто протянул руку в темноте и почувствовал твердую волю, настойчивую надежду, сострадательную любовь, может протянуть ее снова в час нужды и, не найдя поддержки, может сдаться и сложить руки в отчаянии. Действительно, часто мы позволяем мраку овладевать нами и тем самым мешаем ярким лучам проникать в их мир; но делали бы мы это так часто, если бы думали, что, возможно, печаль, которая охватывает нас, мы не знаем почему, была вызвана тем, что какое-то сердце приблизилось к нашему в поисках утешения, что наша летаргия могла бы заставить его еще сильнее ощутить свою беспомощность, в то время как наше мужество, наша вера могли бы заставить "наш свет засиять в каком-то другом сердце, у которого пока нет своего собственного света".

—15 марта 1897 г.

Священник или Герой?

"Я думаю, что могла бы обратиться и жить с животными, они такие безмятежные и самодостаточные
, что я стою и смотрю на них долго-долго.
Они не потеют и не скулят о своем положении,
Они не лежат без сна в темноте и не оплакивают свои грехи,
Никто не преклоняет колени ни перед другим человеком, ни перед тем, кто жил тысячи лет назад". - Уолт Уитмен

Я предваряю некоторые идеи о духовной свободе, обращенные к народу Ирландии, этими строками поэта из другой страны, потому что национальные чувства здесь кажутся устаревшими, старый героизм дремлет, чуждая мысль и экзотическая религия вытеснили наши

истинные идеалы и нашу естественную духовность. Я надеюсь, что презрительные слова того, кто дышал более свободным воздухом, могут пристыдить тех, кто не совсем утратил чувство человеческого достоинства, у кого все еще есть некоторые интуитивные представления о том, как далеко и насколько мудро человек может унижаться перед другим, независимо от того, претендует ли этот другой на божественный авторитет или нет. Ибо это истинная проблема, которая стоит перед нами как нацией, и все остальное по сравнению с ней незначительно. Мы выяснили, кто здесь настоящие правители, которые диктуют политику и общественные действия с не меньшим авторитетом, чем они говорят о религии и морали. Только на днях священник, один из наших правителей, заявил, что он не допустит проведения политического митинга в своей епархии, и это распоряжение было воспринято с покорностью, которая показала, насколько точно политик оценил силу, противостоящую ему. И это был не единственный случай, когда эта власть была задействована: мы все знаем, скольким национальным движениям было оказано сопротивление; мы знаем позорные разоблачения, связанные с выборами несколько лет назад; мы знаем, как пал великий лидер; и те, кто являются идеалистами, Божьими воинами, сражающимися за свободу мысли, чья надежда для мира состоит в том, что интуиция истины и добра, заложенная богом в груди каждого человека, заменит традицию и старый авторитет, не могут не чувствовать, что их мнения, гораздо более опасные для этой власти, чем любой политический идеал, должны быть уничтожены. , если они будут отстаиваться, приведут их, наконец, к столкновению со священнической властью. Это не война с религией, в которую мы хотели бы вступить; но когда те, кто утверждает, что небеса и ад закрываются и раскрываются по их приказу для духа человека, используют влияние, которое дает вера в это утверждение, как это было здесь, чтобы сковать свободную волю в действии, настало время, чтобы мужественность нации пробудилась, чтобы сурово подвергнуть сомнению этот авторитет, чтобы отстаивать свое извечное право на свободу.

В Эри издревле жила героическая раса, которую барды воспевали как бесстрашную. Тогда не было малодушного страха перед загробной жизнью, ибо земля бессмертных мерцала вокруг них во снах и видениях, и еще до распада формы дух героя переступил порог и пожал руки богам. Никакая демоническая природа не пугала их: от них, владеющих пылающим мечом воли, демоны разбегались, как до того, как Кукуллен исчез в ужасе, призрачные сражающиеся полчища. Интересно, что сказали бы эти античные герои, вернувшись в страну, которая действительно хранит их память, но больше не подражает их духу? Мы знаем, о чем думали барды, когда героическая Ирландия стала всего лишь традицией; когда для потемневших глаз эльфийские огни перестали мерцать, не привлекая больше к богатому сияющему внутреннему миру, друидическим мистериям и тайне веков. В сказках бардов их товарищ Оссиан высказывает Патрику свое презрение к новому. Ах, из света и радости волшебного края, из этого великого общения с расой, наполовину божественной, вернуться и обнаружить, что только один божественный человек ходил по земле, а что касается остальных, то они должны были молиться и поститься! И почему? Потому что, как Патрик объяснил Оссиану, если бы они этого не сделали, они отправились бы в ад. И это именно то, во что Патрики с тех пор убеждают ирландский народ верить, добавляя чужую скорбь к их многочисленным горестям, навязывая им вульгарную интерпретацию благородной идеи божественной справедливости, чтобы запугать их до покорности угрозой пламени. Оссиан, раздраженный и кипящий от ярости из-за священнических ограничений, заявил, что предпочитает ад с финианцами раю с Патриком. Его простой героический ум считал невозможным поверить, что чистый, кроткий, но неукротимый дух его товарищей может быть где-то подавлен, но они должны, наконец, подняться ликующими

даже после пыток. Когда Оссиан отвергает взятку рая, чтобы разделить темный мир и судьбу своих спутников, в нем заговорил истинный дух человека; искра безграничного божества; окутанная формой, но непрерывно излучающая героические мысли, устремления, бессмертную любовь; не поддающаяся унынию, снова и снова восстающая из печали с несокрушимой надеждой; всегда выходящая из поражения, ее мрак насквозь пронизан светом видений, обширных и великолепных, как небеса. Старый бард, старый бард из Тир-на-ноге, где ты, быть может, окутанный той красотой, что призвала тебя с земли, поешь бессмертные песни, если бы хоть одна молния их духа могла пронзить сердца, ныне переполненные страхом, могла бы сорваться с уст, которые не смеют говорить.

Я не сомневаюсь, что героическая эпоха имела свои недостатки или что было нехорошо, что ее слишком воинственный пыл умерялся прекрасным, патетическим и облагораживающим учением Христа. Семя новых доктрин действительно дало много прекрасных, но экзотических цветов в святые времена, а также много вредных сорняков. Ибо религия всегда должна быть экзотикой, которая делает священной скорее далекую страну, чем землю под ногами: где Великий Дух, чьим домом являются просторы, больше не кажется волнующим сиянием в небесах, ниспадающей нежностью в сумерках, призрачным светом на холмах, голосом в сердце человека; когда жизненный путь ищут в свитках или слышат из чужих уст. Ядовитый сорняк, невыносимая горечь, которая смешивалась со сладостью и правдивостью в этой экзотической религии, была ужасной силой, которую она давала в руки людей, несколько более сведущих в своем незнании Бога, чем те, кого она учила: силой причинять душе смертельную несправедливость, принуждать волю ужасом отклоняться от курса, который совесть определила как истинный и хороший. Эта власть использовалась безжалостно, а порой и с невыразимой жестокостью, всякий раз, когда те, кто ею обладал, думали, что их влияние подвергается нападкам, ибо власть сладка, и от ее использования нелегко отказаться.

Когда мы читаем историю нашего острова, кажется, что на каждой странице есть красноватая эмблема, оттенок, исходящий из-за видимого, душа роняет свои огненно-красные слезы над надеждами, которые навеки исчезают, благородные амбиции, которые навеки рушатся. Всегда накануне успеха появляется какая-нибудь роковая фигура, вооруженная ключами от загробной жизни, особенно размахивающая ключом от места мучений, особенно предупреждая тех, кто считает, что этот ключ не заржавеет от недостатка поворота, если они ослушаются. Так было с самого начала, со времен проклятия Тары, когда растущее единство народов было расколото на фракции, вплоть до настоящего времени. Я часто сомневаюсь, что варварство в восточных землях, от которого мы содрогаемся, на самом деле хотя бы наполовину так жестоко, если оно причиняет столько страданий, сколько эта угроза последующих пыток причиняет тем, кто верит в силу другого человека причинить их. Это ранит дух в самое сердце: его сознание собственного бессмертия переплетается с ужасом перед столь же длительной болью. Это ложь, которую сострадательный Дух-Отец никогда не вдыхал в уши своих детей, ложь, которую здесь рассказывают столетие за столетием с такой настойчивостью, что половина нации устала от этого. Преступление мертвого вождя, на последователей которого недавно напали, было легким, как перышко, по сравнению с грехом этих людей и их позорным злоупотреблением религиозной властью в Мите некоторое время назад. Сцены, которые происходили там, засвидетельствованные и подтвержденные присягой свидетелями на последующих судебных процессах, были лишь копией того, что происходило обычно. Они будут иметь место снова, если возникнет необходимость. Это горький факт.

Смутное сознание того, что они служат не Божьему закону, а человеческим амбициям, охватывает здешних людей. Это очень обнадеживающий знак. Когда мужчина впервые чувствует себя рабом, он начинает сереть внутри, становиться капризным и раздражительным. Больное место становится тем чувствительнее, чем больше он размышляет. В конце концов, прикасаться к нему становится опасно. Ибо из таких сдерживаемых размышлений и гнева проистекали восстания, революции, свержение династий и падение религий, да, втрое более могущественных, чем это. Эта мысль о свободе распаивает шлюзы безграничного огня в душе; она выходит из своей узкой тюремной камеры мыслей и страха, как джинн, достигающий небес, из маленького медного сосуда в сказке об арабских чарах; она, подобно богу, управляет силами бури и смятения. Было бы политично не давить на деспотизм больше; но, возможно, было бы жаль, если бы не произошло какого-то дальнейшего действия, просто увидеть, как нация сбрасывает оковы суеверия; презирает угрозы, полна решимости искать свое собственное благо, решительно отбрасывает все внешние традиции и правила; придерживается своего собственного суждения, хотя священники ложно говорят, что воинства вечного выстроились в битве против него, хотя они угрожают духу темными муками во веки веков: все еще упорствовать, все еще бросать вызов, все еще повиноваться. Приказы другого капитана, того Неведомого Божества, внутри которого трубный зов звучит громче всех человеческих криков. Есть большое утешение, друзья мои, в том, чтобы отбросить страх в сторону; ликование и восторг поднимаются из неисчерпаемых глубин, и за этим следует безмятежная сладость, которая показывает, что силы, всегда следящие за человеческим прогрессом, одобряют и аплодируют этому поступку.

Во всем этом я не нацеливаюсь на отдельных людей. Я хотел бы воевать не с ними, а с тиранией. Тех, кто поработал, следует жалеть в такой же степени, если не больше, чем тех, кого они поработают. С ними тоже поступают несправедливо, поскольку они наделены ложной властью. Они также хранят луч божественного духа, освобождение и выражение которого является целью жизни. Любое движение, игнорирующее потребности единого единства или порождающее ненависть к нему, а не сострадание, пока несовершенно. Но если мы отдадим этим людям, как и должны, должное за искренность, сопротивление, тем не менее, станет нашим долгом. Дух человека должен сам определять свою судьбу, извлекая истину из ошибок и боли. Это не может быть моральным по доверенности. Добродетельный путь, на который его толкает страх, ему ничего не даст, и в тот страшный час, когда он предстанет перед Могущественным, пославшим его вперед, ему не помогут и доводы о том, что его совесть находилась на попечении другого человека.

Выбор здесь лежит между Священником и Героем как идеалом, и я говорю, что все, что не является героическим, не является ирландским, не питалось у истинного источника, из которого наша раса и остров черпают свою мистическую славу. За завесой есть жизнь, другая Эри, которую знали барды, воспевая ее как Страну Бессмертной Юности. Это не скрыто от нас, хотя мы сами спрятались от этого, так что это стало всего лишь угасающим воспоминанием в наших сердцах и волшебной сказкой на наших устах. И все же на этом острове, вдали от многолюдных городов, все еще есть места, где мужчины и женщины едят, пьют, изматывают свою жизнь и теряются в жажде золота, где застенчивый крестьянин видит волшебные огни в горах и лесистых лощинах и слышит звон волшебных колокольчиков далеко-далеко, в том чудесном подземье, куда, как повествуют легенды, удалились дананнские боги. Об этих вещах не стоит спрашивать; но некоторые, более благоговейные, чем остальные, более интуитивные, кто понимает, что чистые глаза крестьянина могут увидеть то, что короли и принцы, да, и

священники, желали увидеть, но не увидели; что для него, возможно, была немного приподнята завеса, скрывающая от людей звездные сферы, где в сиянии пребывает Вечная Красота, — они услышали и наполнились надеждой, что, если бы когда-нибудь здесь можно было говорить о мистических истинах жизни, осталось бы достаточно старого кельтского огня, чтобы вернуть волшебство в их жизнь. остров. Эта прямая связь, это видение полностью приходит с духовной свободой, когда люди больше не вглядываются в тайны глазами другого человека, когда они не потерпят, чтобы свет был затемнен передачей, но дух говорит с духом, черпая свет только из безграничного Света.

Оставляя в стороне вопрос о вмешательстве в национальные движения, еще одно обвинение, одно из самых веских, которое можно выдвинуть против влияния священнослужителей на этом острове, заключается в том, что они препятствовали проявлению местного гения в литературе и мысли. Сейчас страна полна гениев, проявляющихся повсюду, в разговорах даже самых низших людей; но мы не можем указать на сколь-нибудь значимые творческие работы, созданные в Ирландии, которые были бы обязаны своим вдохновением священническому учению. Гений гэлов не мог найти себя в их доктринах; несмотря на то, что он превыше всего мистического, он не мог проникнуть в отделы сверхприроды, где их теология хранит души проклятых и блаженных. Оно знало об Эри за завесой, о которой я говорил, о Тир-на-ноге, которая, как лампа, освещает наши травянистые равнины, наши призрачные холмы и долины. Волшебные сказки всегда были ближе сердцам людей, и все, что есть ценного в песне или рассказе, вплело в них образы, дошедшие из смутных друидических эпох. Это особенно актуально сегодня, когда наша литература начинает проявлять выдающиеся качества воображения, не серое благочестие монастыря, а природную магию, красоту и героизм. Наши поэты воспевают Оссиана, странствующего по стране бессмертных; или мы читаем в ярких романах о великом рыцарстве ульстонцев, их неукротимой мужественности, подвигах Кукулена и детей Рури, более восхитительных как типы, более благородных и вдохновляющих, чем иерархия маленьких святых, которые пришли позже и проклинали их память.

Гений Гэла пробуждается после ночи тревожных сновидений. Я инстинктивно возвращаюсь к верованиям своего прошлого дня и снова обретаю старое вдохновение. Он ищет богов в горах, все еще окутанных покровом многочисленных традиций, или видит, как они мелькают в залитом солнцем алмазном воздухе. Как странно, но и как естественно все это! Кажется, что возвращение Оссиана было преждевременным. Сегодня он, возможно, найдет товарищей, вернувшихся из Тир-на-ноге для возвышения своей расы. Возможно, ко многим молодым людям, зарождающимся среди нас, Каолте могла бы обратиться так же, как к Монгану, сказав: "Я была с тобой, с Финном". Возможно, отсюда тот восторг, с которым мы слышим, как Стэндиш О'Грейди заявляет, что божества бардов сохранятся: "И после столетий затемнения их сила оживлять, очищать и возвышать все еще мертва. Они все еще живы и царствуют, и будут царствовать". Спустя долгие столетия — голос духа, вечно юного, но более древнего, чем все боги, который своим дыханием пламени цвета восходящего солнца наполняет ярчайшими огнями видения мечтательных детей земли. Еще раз из Сердца Тайны раздается зов "Уходи", и после этого никакой другой голос не властен заманить: остаются только долгие героические подвиги, которые заканчиваются общением с богами.

Эти голоса говорят не только за себя. Они - вестники перед воинством. Ни один человек никогда не говорил убедительно, кто не чувствовал бы тайного побуждения немых, жаждущих толп, чьи стремления и желания сходятся и изливаются в бесстрашные сердца. Грохот волн становится

глубже, потому что начинается прилив. Те, кто стоит позади, приходят не только с песнями и рассказами, но и с суровыми сердцами, устремленными к великим проблемам, среди которых, не в последнюю очередь, интеллектуальное освобождение Ирландии. Это цель, перед которой некоторые из наших правителей вполне могут забеспокоиться. Скоро молодые люди с пламенными сердцами, дети Эри, новая раса, перенесут свои мысли на склоны холмов, перед самыми вашими дверями, о жрецы, созывая свои стада из ваших темных часовен и сумеречных святилищ в храм, построенный нерукотворно, залитый солнцем, звездами, благоухающий благовониями земли, с ваших алтарей призовут их к алтарям холмов, которые скоро будут зажжены, как в старину, скоро станут пылающими факелами Бога над землей. Я вижу, как появляются эти герои. Разве они не появлялись в каждой стране и расе, когда в этом была необходимость? И здесь они тоже восстанут. Ах, дорогие мои, вам придется сражаться и страдать: вы должны вынести одиночество, холодность друзей, отчуждение любви; согреваемые только светлой внутренней надеждой на будущее, ради которого вы должны трудиться, но которого, возможно, никогда не увидите, позволяя деянию быть самоцелью; закладывая в темных местах основы той высокой и святой Эри пророчества, острова очарования, пылающего великолепия друидов, сияющего бессмертным присутствием, с ликом вечной Красоты, взирающей на все его пути, божественного с земным, смешивающегося, пока Бог и мир не станут одним целым. .

На этом острове нас ждет великое предназначение, и для его осуществления мы должны обладать свободой мысли. Это величайшая из наших потребностей, ибо мысль - это громоотвод между небесным миром и землей. Нам нужны бесстрашные защитники, которых не собьют с пути ни смех, ни угрозы. Почему дух смелого, творческого исследования здесь так мертв? Инкуб духовного страха, кажется, окружает мужчин и женщин настолько, что они думают, что если они свернут с проторенной дороги в поисках истины, то встретят не божественное с протянутыми руками, а демона; что наградой за их поиск будет не радость или сила, а непрекращающаяся боль. Как старый бард развеял эти страхи! "Если бы твой Бог был добр, - сказал Оссиан, - он призвал бы Финна в свой замок". Да, героическое сердце дорого героическому сердцу. Я бы поддержал интуицию честной души в стремлении к истине вопреки многовековому нагромождению теологии. Но этот высокий дух повсюду подавляется тупой непогрешимостью, которая сама по себе пока безуспешна в пробуждении вдохновения; и, за неимением оригинала, мы перебираем кости мертвых движений, мы обсуждаем личности прошлого, но никто не спрашивает о тайнах жизни или смерти. В политике, религии, образовании есть деспотические руки, которые душат любую попытку к свободе. Об одном учебном заведении, которое, естественно, можно было бы считать домом великих идей, мы можем только сказать, переименовав знаменитый панегирик Оксфорду, что оно никогда не посвящало себя какому-либо национальному герою или делу, но всегда обывателю.

От молодых людей, которые заполняют литературные общества, зависит интеллектуальное будущее Ирландии. В них наши будущие лидеры. Из них, как из фонтана, хлынет — что? Будет ли у нас еще одно поколение ирландцев на том же уровне, что и сегодня, со всем детским, с мальчишеским патриотизмом, мальчишескими идеалами, мальчишеским юмором? Или они усвоят устаревшую мировоззренческую концепцию и применят ее к нуждам своей собственной страны? Я помню, как читал где-то описание Тургеневым своих современников в молодости; как они сидели на чердаках, попивая отвратительно плохой кофе или чай. Но какие мысли! Они говорили о Боге, о человечестве, о Святой Руси; и от таких групп молодых людей, от их дискуссий исходило то огромное волнение, которое беспокоило Европу и будет беспокоить ее

еще больше. Здесь не задают вопросов и не получают ответов. Идет жалкая, слепая борьба за национальность, идеи которой не сформулированы определенно. Каков идеал Ирландии как нации? Она переходит из головы в голову, призрачная мысль, лишенная духа, но дух, который обязательно воплотится. Возможно, кто-то из наших старых героев вернется. Уже кажется, что один из них был здесь; мрачный Титан пробудился раньше, чем остальные, кто прошел перед нами, и прозвучал объединяющей нотой нашей расы, прежде чем, пошатываясь, приблизился к своему трагическому концу. Другие люди с более светлыми мыслями последуют за нами, чтобы пробудить огонь, который Бриджид в своем видении увидела мерцающим за темными веками ночи и призналась Патрику с надеждой и слезами на глазах. Тем временем мы должны бороться за интеллектуальную свободу; мы должны стремиться сформулировать для себя, чего мы на самом деле желаем здесь, пока, наконец, идеал не станет более призрачным, а живым; пока наши голоса в стремлении не будут услышаны в каждой стране, и народы не осознают новое присутствие среди своих советов, последнюю и самую прекрасную фигуру, как после креста боли, после призрачных ужасов, со следами шипов на челе от сброшенной короны, но теперь сияющую, облагороженную после страданий, Эри, любовь стольких мечтателей, жрица божественного духа. тайны, с песнопением красоты на устах и сердцем природы, бьющимся в ее сердце.

—15 апреля- 15 мая 1897 г.

Эпоха Духа

Я - часть всего, что я встретил:

Однако любой опыт - это арка, через которую

Просвечивает тот неизведанный мир

.....

Еще не поздно искать новый мир.

Улисс

Мы уже не дети, какими были в самом начале. Дух, который, побуждаемый неким божественным намерением, давным-давно воплотился в смутную, туманную, дрейфующую природу, хотя и пережил много периодов юности, зрелости и преклонного возраста, все же претерпел свои собственные трансформации. Его веселое, чудесное детство уступило место, по мере того как цикл за циклом погружалось в дремоту, более определенным целям, и теперь оно состарилось и отягощено опытом. Это не тот век, когда угасает его огонь, но он не возобновит снова деятельность, которая дала ему мудрость. И вот так получается, что люди останавливаются с чувством, которое они переводят в усталость от жизни перед привычными радостями и целями своей расы. Они удивляются чарам, побудившим их отцов замышлять и совершать поступки, которые, по их мнению, имеют не больше значения, чем кружение пыли. Но их отцы тоже испытывали эту усталость и скрывали ее друг от друга в страхе, ибо это означало сложение скипетра, крушение империй, охлаждение домашнего уюта, и все это ради голоса, внутреннее значение которого открывалось лишь одному или двум из мириадов.

Едва дух выходит из детства, в которое природа одевает его заново при каждом новом рождении, как становится очевидным несоответствие между одеянием и тем, кто его носит: небольшая ткань радостей и мечтаний, сотканная вокруг него, оказывается неподходящей для укрытия: она трепещет, открытая ветрам, дующим из неведомого. Мы задерживаемся в

сумерках с каким-нибудь спутником, все еще радостные, довольные и пребывающие в гармонии с природой, которая наполняет цветущими садами и опрыскивает живые изгороди сочными цветами. Смеющиеся губы произносят желания — наши до этого момента. Затем дух, без предупреждения, внезапно впадает в неизмеримый возраст: на нас обращено внимание, подобное взгляду сфинкса: наши губы отвечают, но вдали от области элементарного бытия, в которой мы обитаем, они произносят неясным звуком, вышедшим из старого обихода, ответ, говорящий о любви и надежде, которые, как мы знаем, исчезли от нас навсегда. И так, час за часом бич бесконечности вытесняет нас из каждого укромного уголка жизни, который мы находим приятным. И это всегда происходит, когда все устроено по нашему вкусу: тогда в наш сон входит обладатель молнии: мы получаем представление о великом запредельном, переполненном могущественными, ликующими, лучезарными существами: наши собственные поступки становятся для нас бесконечно малыми: краски нашего воображения, когда-то такие яркие, меркнут по мере того, как на них загорается живой свет Бога. Мы находим в сердце немного меда, который делаем слаще для кого-то, и тогда другой возлюбленный, чьих форм легион, вздыхает нам из своего многочисленного существа: мы знаем, что старая любовь ушла. Есть сладость в песне или в хитром переосмыслении красоты, которую мы видим; но Волшебник Прекрасного шепчет нам о своем искусстве, о том, какими мы были с ним, когда он закладывал основы мира, и песня не закончена, пальцы становятся вялыми. Когда мы получаем эти намеки на возраст, сами наши грехи становятся негативными: нам по-прежнему приятно, когда нас хвалят, но мы становимся вялыми в предприятиях, где стимулом к деятельности является слава или одобрение людей. В какой-то момент прошлого мы яростно боролись за сладкий фимиам, который люди возносят выдающейся личности, но бесконечное навсегда пребывает внутри человека: мы вздыхали по другим мирам и обнаружили, что быть приветствуемыми людьми как победители не означает принятия богами.

Но прикладывание невидимого пальца к нашим губам, когда мы хотим заговорить, сердцебиение предупреждения о том, что мы хотели бы любить, что мы начинаем презирать награды жизни, не означает, что дух прекратил свои труды, что величественная красота сфер должна туманно рухнуть в хаос, как могучий храм в пустыне погружается в песок, за которым наблюдают только несколько варваров, слишком слабых, чтобы восстановить его древнее величие и ритуал его некогда блистательных собраний. Прежде чем мы, которые были яркими детьми зари, сможем вернуться как сумеречная раса в безмолвие, наша цель должна быть достигнута, мы должны взять верх над той природой, которая сейчас переполняет нас, загоняя в Огненное лоно стаи звезд и блуждающих огней. Кажется ли это очень большим и далеким? Вздыхаете ли вы о долгом, очень долгом времени? Или это кажется безнадежным вам, кто, возможно, возвращается с дрожащими ногами вечер за вечером после небольшой работы? Но именно за всем этим происходит обновление, когда любовь и скорбь умирают; когда они ослабляют свою власть над духом и он погружается обратно в себя, взирая на жалкое положение тех, кто, подобно ему, являются усталыми наследниками столь великих судеб: тогда нежность, которая является самым глубоким качеством его существа, возникает подобно лучам зари, и если в таком настроении он замышляет или осуществляет, он не знает усталости, ибо питается из Первого Источника. Что касается этих слабых детей некогда славных духов зари, то только огромная надежда может пробудить их от столь безмерного отчаяния, ибо огонь придаст им сил не для повторения мелких дел, а только для вечного предприятия, цели незапамятной битвы, которая велась на протяжении всех веков, войн на небесах, конфликта между Титаном и Божеством, которые были частью нескончаемой борьбы человеческого духа за утверждение

своего превосходства над природой. Братство, декларация идеалов и философий - это всего лишь призыв к воинству, которое лежит, раздавленное этой горной природой, наваленной над ними, восстать снова, объединиться, штурмовать небеса и воссесть на троны могущественных.

По мере того, как титан в человеке размышляет об этой старой-престарой цели, ради которой был накоплен весь его опыт, молнии снова начнут играть в нем и оживлять его волю. Итак, подобно погибшему архангелу, давайте восстанем из отчаяния и усталости с непреклонной решимостью, еще раз вознося древний героический клич нашим павшим товарищам, пока те великие силы, которые окружают нас, не почувствуют движение и обновление, и по сферам не пробежит ропот: "Погребенный Титан снова движется, чтобы сорвать с Себя трон".

—Июнь 1897 г.

Мысль По дороге

Они и меня пытаются. —Кришна

Ночь была сырой; и когда я шел по улицам, мой разум тоже путешествовал своим собственным путем, и вещи, которые физически присутствовали передо мной, в не меньшей степени сопровождали меня в моем невидимом путешествии. Время от времени происходил переход, и некоторые движущиеся тени на улице начинали расхаживать в ярком внутреннем свете. Городские дети, притаившиеся в дверных проемах или пробирающиеся сквозь спешащую толпу и мигающие огни, снова начали свою волшебную игру в моем сердце; и это потому, что я слышал, как эти крошечные отверженные кричали от ликования. Я задавался вопросом, были ли блеск и тень таких грязных вещей наполнены великолепием и тайной для тех, кто не знал о большем свете и более глубоком оттенке, которые составляли романтику и очарование моей собственной жизни. В воображении я сузил круг их невежества, ничтожества и молодости, и на мгновение мне показалось, что я порхаю среди великих непостижимых существ и тусклого чудесного города дворцов.

Затем произошел другой перенос, и я снова задумался, потому что лицо, которое я видел, мелькнувшее сквозь теплый влажный туман, преследовало меня; оно вошло в сферу интерпретатора, и я осознал побледневшие щеки, и плотно сжатые от боли губы, и какое-то внутреннее знание, что там начало расти Древо Жизни, и я удивился, почему оно всегда прорастает из сердца, покрытого пеплом: я задавался вопросом также, знает ли то, что прорастает, что само по себе является бессмертной радостью, что его побеги пробиваются сквозь такую муку; или, опять же, если боль была вызвана прокалыванием побегов, и если каждое биение прекрасного пламени, рвущегося вверх, чтобы расцвести, означало гибель какой-то более земной поросли, которая держала сердце в тени.

Видя, как много мыслей возникает из такой простой вещи, я задался вопросом, имело ли какое-либо отношение к результату то, что положило начало импульсу, и повлияли ли эти мои размышления каким-либо образом на их предмет. Затем я начал думать о тех тайных связях, о которых размышлял раньше, и в темноте мое сердце внезапно потеплело и засияло, ибо я случайно наткнулся на одно из тех сияющих представлений, которые являются богатством тех, кто путешествует скрытыми путями. При описании того, что приходит к нам всем сразу, возникает трудность выбора между тем, что сказать первым, и тем, что сказать последним: но, интерпретируя, насколько я могу, я, казалось, увидел поступательное движение Света, одного из многих Огней, все живые, пульсирующие, то тусклые от возмущений, то снова ясные, и все

они тонко сплетены воедино, внешне в каком-то более призрачном сиянии, а внутри - в большем огне, который, хотя и был невидимым, я знал, что это Светильник Мира. Этот Свет, который я созерцал, я ощущал как человеческую душу, и эти волнения, которые затемняли ее, были ее борьбой и страстным стремлением к чему-то, и это было стремление к более яркому сиянию света внутри нее самой: она была влюблена в свою собственную красоту, восхищена своей собственной ясностью; и я видел, что по мере того, как эти вещи становились более любимыми, они становились все бледнее, ибо этот свет - это любовь, которую Могушественная Мать питает в своем сердце к своим детям, и она имеет в виду, что он пройдет через каждого ко всем, и тот, кто сдерживает его в себе, сам отгораживается; не то чтобы это было так. великое сердце прекратило свою любовь к этой душе, но душа закрылась от притока, ибо воображение человека всегда является открытием или закрытием двери в божественный мир: теперь он одинок, отрезан и, как кажется самому себе, находится на пустынном и далеком краю вещей: и тогда его мысль распахивает быстрые врата; он слышит пение серафимов в своем сердце, и он озаряется внезапным сиянием ореола. Эта душа, за которой я наблюдал, казалось, познала наконец тайную любовь: ибо в муках, порожденных ее потерей, она в раскаянии последовала за уходящей славой в сокровенное святилище, где она совсем прекратилась; и поскольку она казалась совершенно потерянной и безнадежной в достижении и капризно отвергалась ищущим, в душе образовалась глубокая яма для тех, кто, подобно ей, искал, но все еще надеялся, ибо они не пришли к тщетному концу своих усилий. Я понял, что такая жалость - последняя из драгоценных эссенций, составляющих эликсир бессмертия, и когда его наливают в чашу, он готов к употреблению. И так было с этой душой, которая блистала прохождением вечного света через свою новую чистоту самозабвения и радовалась постижению тайны тайной любви, которая, хотя и провозглашалась много раз величайшими учителями среди людей, все же никогда не познается по-настоящему, если только Могушественная Мать сама не вдохнула ее в сердце.

И теперь, когда душа разгадала эту тайну, призрачное сияние, которое было сплетено узами союза между ней и ее собратьями-огнями, стало яснее; и множество этих нитей, как казалось, были укреплены и переданы под ее охрану: по ним она должна была посылать послание мудрости и любви, которые были тайной сладостью ее собственного существа. Тогда началась духовная трагедия, бесконечно более трогательная, чем прежнее запустение, потому что она была вызвана самим благородством духа. Эта душа, излучающая свою любовь подобно лучам славы, сама казалась центром кольца ранящих копий: она посылала любовь, а в ответ получала пронзительные стрелы ненависти, побуждаемые: она шептала о мире, и в ответ раздавался грохот восстания: и на все это в качестве защиты она могла лишь более открыто обнажить свое сердце, чтобы более глубокая любовь Матери-Природы могла распространиться на остальных. Я знал, что это было то, что учитель, который писал давным-давно, имел в виду, когда он сказал: "Облекитесь во всеоружие Божие," которое есть любовь и выдержку, за поистине божественные дети пламени не вооружены иначе: и из этих протестов, направили в невежестве или восстание против шепот мудрости, я увидел, что некоторые растаяли в жестокой и ласковым теплом сердца, и пришел в их заменяющих золотая ответ, который сделан ближе связей, и обратил их души вверх к пониманию и поделиться в затмевает природу: и это часть плана Великого Алхимика, в результате чего красный рубин сердце превращается в претендента свете Опал; для созерцая любовь сделала чуть-чуть выступает, как пламя в печи, и растворять страсти, через страдания, раскаяния, молнии боли, а через любящее жаль, преображаемся в тот образ, который они созерцают и растопить в экстазе самозабвенному любовь, духа, который зажег

шип-венценосного чела, который воспринимается только в своей последней агонии возмездия из-за своих мучителей, и воззвал: "Отче, прости им, ибо не ведают, что творят."

Теперь, хотя любовь немногих может облегчить боль, причиняемую невежеством массы, не во власти кого-либо вечно противостоять этой войне; ибо из-за постоянных ран внутренней природы она так утомлена, что дух должен удалиться из скинии, ставшей слишком хрупкой, чтобы поддерживать возрастание света внутри и раздражение демонической природы снаружи: и, наконец, раздается зов, который на некоторое время означает освобождение и глубокий покой в областях за пределами рая меньших душ. Так, погруженный в Божественную Тьму, исчез Свет моей мечты. И теперь казалось, что эта чудесная сеть душ, переплетающихся как одно существо, должна сойти на нет; и все те, кто во мраке питал стремление к свету, тщетно протягивали руки в поисках руководства: но я не понимал любви Матери, и что, хотя их и немного, ее героический выводок не угасает; ибо, как провидец древности ухватился за мантию того, кто вознесся в огненной колеснице, так и другой взял на себя бремя и собрал сияющие нити воедино: и в этой череде духовных наставников есть нечто большее. конца нет.

Здесь я могу сказать, что любовь Матери, которая, действуя через отточенную волю героя, используется для высших целей, в действительности присутствует повсюду и проникает глубочайшей нежностью в самые домашние обстоятельства повседневной жизни; и даже среди самых смиренных нет недостатка в понимании духовной трагедии, которая следует за каждым усилием божественной природы, склоняющейся в сострадании к нашей теневой сфере; понимании, в котором природа любви измеряется степенью жертвы и боли, которые преодолеваются. Я вспоминаю случай со старым ирландским крестьянином, который, лежа в больнице без сна от мучительной боли в ноге, забылся, рисуя рисунки, грубые, но выполненные с благоговением, о происшествиях из жизни галилейского учителя. Одним из них, которое он показал мне, было распятие, где среди множества гротескных символов были некоторые штрихи, указывающие на чисто прекрасную интуицию; сердце этой распятой фигуры, не меньше, чем лоб, было утыкано шипами и сияло светом: "Ибо там, - сказал он, - он действительно страдал". Когда я думаю об этом старике, то забвение его собственной телесной боли через созерцание его собственных духовных страданий, благородно перенесенных, дало ему понимание, и он приложил свое сердце в любви к Сердцу Многих Скорбей, видя, как оно ранено бесчисленными копьями, но все же горит неумирающей любовью.

Хотя многому можно научиться, наблюдая за поверхностной жизнью и действиями духовного учителя, по-настоящему осознать это можно только в более глубокой жизни медитации и воображения; ибо душа - это полуночный цветок, который раскрывает свои листья во сне, и ее совершенное цветение раскрывается только там, где другое солнце сияет на других небесах: там она чувствует, какая небесная роса нисходит на нее, и какие влияния приближают ее к своему божественному архетипу: здесь, в тени земли, корень переплетается с корнем, и более тонкие различия цветка не воспринимаются. Если бы мы знали также, кто они на самом деле, кто иногда в тишине, а иногда под пристальным взглядом всего мира надевает на себя мантию учителя, возобладал бы невыразимый благоговейный трепет; ибо под телесным присутствием, ни в коем случае не красивым, может гореть слава какого-нибудь древнего божества, какого-нибудь героя, отложившего свой скипетр в зачарованной стране, чтобы спасти старых товарищей, канувших в лету: или, опять же, если бы мы обладали проницательностью простого старого крестьянина в природе этой непреходящей любви, из изысканных и острых эмоций, зажженных в нем, возникла бы слава какого-нибудь древнего божества. пламя страстной

любви, которое выдержало бы долгие эоны страданий, чтобы оно могло защитить, хотя бы ненадолго, царственные сердца, которые, возможно, и не защитят самих себя.

Но и я, тот, кто пишет, пускал в ход мятежное копье или в летаргическом сне часто спускался по великому склону, причисляя себя к тем, кто, будучи не с, непременно должен быть против: поэтому я не взываю; призывать могут только те, кто стоит на высоких горах; но я раскрываю мысль, которая, подобно звезде, возникла в моей душе с таким ярким и трогательным значением, предоставляя вам, читающим, одобрить и применить ее.

— 15 июля 1897 г.

Фонтаны молодости

Я слышал, что странная женщина, живущая на западном побережье и имевшая репутацию целительницы с помощью волшебной силы, незадолго до смерти сказала: "В источнике в Балликиле есть лекарство от всего": и я не знаю почему, но сначала ее слова запали мне в память и повторялись снова и снова, и постепенно, чтобы поддерживать связь с мыслью, которую они хранили, пришли более древние воспоминания, все, что я слышал или мечтал о Фонтанах Молодости; ибо я не мог сомневаться, услышав, как об этих фонтанах говорят люди, подобные ей, что ее идея была друидской. родословная. Возможно, она склонялась над прудом, пока его темнота не стала бледной и яркой, взволнованной движениями внутреннего мира и волнениями бурной радости; или она услышала, как многие до сих пор слышат, дикий призыв "Уходи" с умоляющих губ и объятых пламенем лиц, или ее коснулись пальцы со звездами на кончиках пальцев, и ее сердце из волшебного мира больше никогда не вернулось, чтобы, как прежде, спокойно жить на этом острове серого тумана и тусклого солнечного света. Все это не просто сказки, потому что Ирландия по-прежнему остается страной богов, и в отдаленных местах мы часто попадаем в страны чудес, полные романтики и мистической красоты. Я разговаривал с людьми, которые наполовину расстались со своей любовью к миру в стремлении к языческому раю Тир-на-ног, и многие из тех, кто внешне благоговеет перед другой религией, в душе совершенно язычники, и Мив, царица Западного Воинства, для них больше, чем Мария, царица Небесная. Мне рассказывали об этой Мив, что недавно ее видел в видении крестьянин, который сочинил о ней стихотворение, назвав ее "Красотой из всех красот": и человек, который рассказал мне это о своем друге, сам видел бьющие фонтаны огненного тумана, спиральными завитками поднимающиеся к небу, и он тоже слышал о Фонтанах Молодости.

Естественное стремление каждого сердца к тому, чтобы его молодость не исчезла, заставляет задуматься и вздохнуть об этом волшебном прошлом, когда юность, экстаз и красота струились из изобильной природы подвзрослый призыв ее детей-друидов, держащихся рука об руку вокруг священной пирамиды. Наши сердца помнят:

Мимо нас мимолетно дует ветер

Вдоль поросшего тростником берега:

И внезапно наши сердца начинают биться

Снова в стране друидов.

Весь серебристо-бледный, зачарованный,

Воздушный мир лежит на холмах,

И засажены поля света
С рассветом -хрупкие нарциссы.

Развеваются желтые листья
Час, когда бог ветра ткёт,
И скрывает звезды и их сияние
В тумане из листьев нарцисса.

Мы стоим в мерцающей белизне,
Каждое лицо подобно яркой дневной звезде,
И озарено ее яркостью
С рассветом, наполненным ароматом нарцисса.

И сквозь каждое белое одеяние просвечивает,
И под каждой белоснежной грудью
Струится золотой свет мечты
Как ева сквозь опаловый запад.

Одна рука прижата к сердцу, другая
Мы поднимаемся навстречу рассвету высоко;
Ибо солнце в сердце - брат
К солнцу-сердцу неба.

Свет поднимается и опускается,
Как звенят в хоре друидов,
Мы поем богу солнца, призывая
По его имени желтый огонь.

Прикосновение влажных от росы трав,
Дыхание рассвета-прохладный ветер,
С рассветом проходит божественный свет
И мир остался позади.

Мы пьем из источника, дающего
Радость богов, а затем —
Земля Вечно живущих
Снова ушла от нас.

Вышло далеко за рамки всяких высказываний,
Лишь на память сплетается
На серебристом рассвете, расправляющем

Облако листьев нарцисса.

И не косвенно, только через воспоминание, но когда душа, древний друид в человеке, соприкасается изнутри с живой красотой, душа возобновляет свой союз со стихиями; и иногда, когда сумерки рассеиваются и ночь опускает на землю свое нежное чело, леса, горы, облака, окрашенные в цвет серафимов, плывут в безбрежности, а журчание воды, ветра и деревьев тают от взгляда и улетают от внешнего уха и становятся внутренними грезами и созерцаниями духа, и больше не отделяются, а становятся частью нас. И все же эти исчезновения от нас и перемещения в неосознанные миры оставляют в нас только еще большую жажду испытать напиток более глубокой природы, где все вещи растворяются в экстазе, а небо и земля теряются в Боге. Итак, мы обращаемся в поисках следов той древней мудрости, которая вела человека в Страну Бессмертной Юности и утоляла его жажду на более обильном Празднике Старости, пиршестве, которое Мананнан, король Дананнов, устроил в обители бога Огня, и тот, кто принимал участие, впоследствии не знал ни усталости, ни увядания, ни смерти.

Эти тайны, все, к чему они вели, все, что они обещали для духа человека, открываются сегодня перед нами в ясном свете, их сказочная даль уменьшается, и мы приветствуем эти царственные идеалы с таким же глубоким доверием и, возможно, с большей радостью, чем те, кто родился в те пурпурные часы, потому что мы выходим из веков, неопишимо скудных и убогих в своих мыслях, и каждое новое откровение несет для нас сладость солнечного света после слез и печали тюрьмы. Колодец в Балликиле, возможно, является скромной отправной точкой для созерцания таких могущественных тайн; но здесь, где заколдованный мир лежит так близко, никогда нельзя с уверенностью сказать, какая узкая тропинка не может привести через призрачную дверь в Мой Аргатнел, Страну серебряных Облаков Мананнана, где

"Ножки из белой бронзы
Сверкают сквозь прекрасные века".

Король Дананн со странной особенностью сообщает Брану в стихотворении, из которого цитируются эти строки, что

- Под носом твоего маленького ялика растет лес с прекрасными плодами

.

То, что для Брана было пространством бледного света, в глазах бога было землей чистой славы, Илдатахом, Многоцветной Землей, по которой текут реки золотого света и роняют капли серебристого пламени. В другом стихотворении так описывается Бруг у реки Бойн, внешне представляющий собой небольшой холмик:

"Посмотри, и ты увидишь, что это дворец бога".

Возможно, мистические воины Красной Ветви видели сверхъестественные колонны, сверкающие, как закат, и входили через огромные двери и проходили по высоким залам с существами цвета заката, говорящими более прекрасной мудростью, чем земная. И там они, возможно, видели тех знаменитых богов, которые много поколений назад удалились из видимого Мира: темно-синего короля Мананнана, Лу Ламфаду с восходом солнца на челе и

перевязью, обвитой вокруг него венком из радужного пламени, Богиню Дану в рубиновом сиянии, Нуаду серебрукого, Дагду с развевающимися локонами света, от которого исходило сияние и песня, Ангуса Оге, над головой которого вечно порхающие птицы пели музыку, и других, в обществе которых эти античные герои, должно быть, почувствовали глубокую радость от возобновления старых дружеских отношений, ибо не были ли они теми, с кем они встречались раньше? В Дананне люди более первобытных циклов становятся божественными и движителями в божественном мире. В Бруге тоже был фонтан, и то, для каких целей применялось мистическое воображение, работающее над другими легендами, может прояснить яснее.

Колодец Коннла, главный источник многих видимых и невидимых ручьев, был самым священным колодцем, известным в древней Ирландии. Сам он лежал под глубокими водами у истока Шеннона, и эти воды, скрывавшие его, тоже были мистическими, ибо они лежали между землей и Страной Богов. Здесь, внезапно охваченные внутренним огнем, священные орешники мудрости и вдохновения сразу же распустили свои листья и соцветия, а также свои алые плоды, которые, падая в воду, окрашивали их в царственный пурпур; затем орехи были съедены Финтанном, Лососем Знания, и мудрейшие из друидов тоже отведали их. Это была, пожалуй, величайшая из тайн, известных древним гэлам, и в вызванной в воображении яркой фантазмагии есть дикая красота, которая присуща всем их сказаниям. Внезапно возникающие сны о далеком божестве, алые орехи, летящие по пурпурному потоку, яркие бессмертные, мелькающие туда-сюда, - это картины, оставшиеся от какой-то тайны, которую мы, возможно, не раскроем сейчас, думая, что завтрашний день может раскрыть ее, ибо огни зари сверкают повсюду в Ирландии. Возможно, странная женщина, рассказавшая о колодце в Балликиле, и другие, подобные ей, знают об этих фонтанах больше, чем искатели легенд, которые так учено комментировали свои рассказы. Возможно, они пили во сне воду из колодца Коннла, потому что многие отправляются в Тир-на-ног во сне, а некоторые, как говорят, остались там, и после них осталась только пустая форма без света в глазах, который указывает на присутствие души. Я не претендую на знание того, что лежит в основе их простой речи, но мне кажется, что от легенд и народных сказок, от слов и обычаев вечно ускользает какое-то дуновение прекрасного мира, о котором я вздыхаю, но к которому я не так близок, как к ним. Я думаю, если бы эта странная женщина могла высказать то, что было у нее на сердце, она бы завершила свое туманное предсказание примерно так же, как это сделал я:

В колодце в Балликиле есть лекарство от всех болезней,
Где алые кресс-салаты свисают с рябин;
Я чувствую, что из Страны Юности дует дыхание радости,
И земля со спокойным сердцем.

Многие и многие девушки, озаренные солнцем, видели зачарованную землю
Со звездными лицами, мерцающими на волне друидов:
Многим и многим боль любви была утолена волшебной рукой
Или потерялся в любви, которую это дарило.

Когда тишина жемчужным кольцом обвенчается с землей,
И алые ягоды потемнеют под звездами в пруду,
О, это потерянное и глубокое место, Я буду в радостном дыхании и веселье,
Мое сердце в звезде-сердце прохладное.

— 15 сентября 1897 г.